

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 4

2014

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2014

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайская государственная педагогическая академия
Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Н.М. Киндикова, Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, Л.И. Шелепова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

С.В. Доронина, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, оф. 405-а.

Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: sovet01@filo.asu.ru

Эл. адрес журнала на сайте АлтГУ:

http://www.asu.ru/structure/faculties/philology/nauk/philol_journal/

Эл. адрес журнала в системе РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=25826

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А.В. Уразметова. Особенности животного мира в топонимических прозвищах штатов США	7
Е.Ю. Викторова. Дискурсивные слова разного типа в устной и письменной научной речи	15
И.А. Пушкарева. Об интертекстуальных связях в современной газетной публицистике	27
Н.С. Данкова, Т.В. Дубровская. Репрезентация оппозиции «судебная власть – народ» в дискурсе российских печатных СМИ	35
М.В. Смоленцева. Лексико-семантический анализ номинантов концепта любовь на материале русских народных песен	46
О.Н. Владимиров. К проблеме лирических жанров (на материале стихотворений И.А. Бунина).....	54
Н.В. Ковтун. Эстетика национальной истории в творчестве В.Г. Распутина	63
Т.В. Устинова. Феномен выдвижения в стихотворной речи и языковое профилирование объекта и силы внимания языковыми средствами.....	78
Т.В. Быкова. Философия бытия Гуцульщины сквозь призму юмора в украинской литературе первой трети XX века	85
О.В. Яковлева. Концептуальное значение инициации в русских народных сказках	93
Т.П. Шастина. Образ Ойротии в журнале «Сибирь»	102

Научные сообщения

С.М. Веретельникова, И.А. Широких. Соблюдение норм написания авторского путеводителя (на материале «Halle (Saale), der Stadtfürer») ...	114
А.В. Игнатовская, А.А. Чувакин. К проблеме взаимодействия текстов	120
О.А. Степовая. Имя собственное как свернутый текст: к постановке проблемы.....	127
В.П. Барбашов. Интенциональное значение «свастики» как отражение коллективной интенциональности в креолизованных текстах	131

Ю.Н. Земская, Е.А. Кузнецова. Спичрайтинг и копирайтинг: филология на службе у интегрированных маркетинговых коммуникаций.....	137
Н.В. Малинина. Разговорная речь в художественном тексте: современная русская миниатюра (жанр миниатюры в современной русской литературе).....	143
Е.В. Демидова. Характеристики персонажа во внутреннем мире текста: проблема варьирования при переводе (на материале англоязычных переводов рассказа В.М. Шукшина «Одни»).....	150
М.Б. Волощук. Текстологическая рецепция художественно-стилевых особенностей эпитетов в прозе Л. Толстого позднего периода (на материале рассказа «Чем люди живы»).....	156
А.М. Есентемирова. Стихотворение И. Бунина «Не пугай меня грозюю» в переводе Абая Кунанбаева: проблема рецепции и источника перевода.....	161
О.В. Перова. Переложение псалмов в современной русской духовной поэзии.....	167

Филология : люди, факты, события

Ж.А. Голенко. Международная конференция «XI Поспеловские чтения–2013. Герменевтика. Интерпретация. Текстология – в новом тысячелетии» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 20–21 декабря 2013 г.).....	174
Т.В. Чернышова. Международная научная конференция «RÓŻNORODNOŚĆ KULTUROWA A STYL» (Opole, 18–19 сентября 2014 г., Польша).....	177
Л.Н. Тыбыкова. Всероссийская Олимпиада по тюркским языкам и литературе в Горно-Алтайском государственном университете	179
Резюме	182
Содержание журнала за 2014 год	202
Наши авторы	207

CONTENTS

Articles

A.V. Urazmetova. Peculiarities of Fauna in Toponymic Nicknames of the US States	7
E.Y. Viktorova. Discourse Markers of Different Types in Spoken and Written Academic Speech.....	15
I.A. Pushkareva. About Intertextual Connections in Contemporary Newspaper Social and Politic Journalism.....	27
N.S. Dankova, T.V. Dubrovskaya. Representation of the Opposition «Judicial Power – People» in Russian Printed Mass Media Discourse.....	35
M.V. Smolentseva. Lexical-Semantic Interpretation of Nominees of the Concept <i>love</i> as Exemplified in Russian Folksongs	46
O.N. Vladimirov. The Problem of Lyric Genres (Based on Poems by Ivan Bunin)	54
N.V. Kovtun. Aesthetics of national history in the work of V.G. Rasputin	63
T.V. Ustinova. Foregrounding in Poetic Speech and Linguistic Focusing of Attention	78
T.V. Bykova. Philosophy of Life through the Prism of Hutsulshchina Humor in Ukrainian Literature of the First Third of the Twentieth Century	85
O.V. Yakovleva. The Conceptual Meaning of an Initiation in Russian Folk Fairy-Tales.....	93
T.P. Shastina. The Image of Oirotia in <i>Sibir</i> Journal	102

Scientific reports

S.M. Veretelnikova, I.A. Shirokikh. Following the Standards of a One Author Guide-Book Writing (Based on «Halle (Saale), der Stadtfürer»)	114
A.V. Ignatovskaya, A.A. Chuvakin. To the Problem of Texts Interactions..	120
O.A. Stepovaya. The Proper Name as a Curtailed Text: Discovering the Problem	127
V.P. Barbashov. Intentional Meaning of Swastika as a Repulse of Collective Intentionality in Creolized Texts	131

Yu.N. Zemskaya, E.A. Kuznetsova. Speechwriting and Copywriting: Philology at the Service of Integrated Marketing Communications	137
N.V. Malinina. Spoken Discourse in the Literary Text: Short Cycles of Texts in Contemporary Russian (the Genre of <i>Miniature</i> in Contemporary Russian Literature).....	143
E.V. Demidova The Character's Features in the Inner World of the Text: Problem of Their Variation in the Process of Translation (on a Material of the English Translations of V.M. Shukshin's Story «All Alone»)	150
M.B. Voloshchuk. The Textual Reception of Epithet's Artistic and Styles Build in the Latest Fiction of L. Tolstoy (on the Material of the Story «What Men Live By»)	156
A.M. Esentemirova. The Poem by I. Bunin «Do not Scare Me with the Storm» Translated by Abay Kunanbaev: the Problem of Reception and the Source of the Translation.....	161
O.V. Perova. Arrangement of Psalms in Contemporary Russian Spiritual Poetry.....	167

Philology: people, facts, events

Zh.A. Golenko. International Conference «XI Pospelovsky Readings 2013. Hermeneutics. Interpretation. Textual Criticism – in the New Millennium» (Moscow, Moscow State University, December 20–21, 2013)	174
T.V. Chernyshova. International Scientific Conference «RÓŻNORODNOŚĆ KULTUROWA A STYL» (Opole, September 18–19, 2013, Poland).....	177
L.N. Tybykova. All-Russian Olympiad in Turkic Languages and Literature in Gorno-Altai State University	179
Summary	182
Issues content for 2014	202
Our authors	207

СТАТЬИ

ОСОБЕННОСТИ ЖИВОТНОГО МИРА В ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРОЗВИЩАХ ШТАТОВ США

А.В. Уразметова

Ключевые слова: вторичная номинация, топоним, штат США, фауна, коннотация.

Keywords: secondary appellation, toponym, state of the USA, fauna, connotation.

Топонимическое прозвище представляет собой дополнительное слово или словосочетание, прибавляемое к основному компоненту – названию географического объекта. Топонимические прозвища очень распространены в англоязычных странах, особенно в США, где практически ни одно популярное печатное издание о городах и районах страны не обходится без упоминания их общеизвестных прозвищ [Абрамов, 2013, с. 8].

Среди топонимических прозвищ штатов США выделяется группа, включающая в себя вторичные номинации, содержащие названия животных (39 ед.).

Исследуемые единицы можно подразделить на те, в состав которых входят:

а) животные, обитающие на территории данной местности (31 ед.): *Buzzard State* «Штат стервятников (канюков)» – Джорджия; *Pelican State* «Пеликаний штат» – Луизиана; *Lizard State* «Штат ящериц» – Алабама; *Terrapin State* «Штат водяной черепахи» – Мэриленд; *Alligator State* «Штат аллигаторов» – Флорида; *Bear States* «Медвежьи штаты» – Арканзас, Кентукки и Калифорния; *Buffalo Plains State* (уст.) «Штат бизоновых равнин»; *Gopher State* (презр.) «Штат сусликов» – Миннесота; *Ground-hog State* (уст.) «Штат лесного сурка» – Миссисипи; *Antelope State* (уст.) «Штат антилоп» – Небраска; *Beaver State* «Боб-

ровый штат» – Орегон; *Flickertail State* «Сусликовый штат» – Северная Дакота; *Manatee State* «Штат американского ламантина» – Флорида; *Coyote State* «Штат койотов» (шутл.) – Южная Дакота; *Sucker State* «Штат багариевых (рыбы)» (презр.) – Иллинойс; *Codfish State* «Штат трески» – Массачусетс; *Mudcat State* или *Mud-Waddler State* «Штат илистых котов» – Миссисипи; *Oyster State* «Устричный штат» – Мэриленд; *Clam State* (пренебр.) «Штат моллюсков» – Нью-Джерси; *Crab State* «Крабовый штат» – Мэриленд; *Grasshopper State* «Штат саранчи» – Канзас; *Bug-eating State* (презр.) «Штат питающихся кузнечиками» – Небраска; *Mosquito State* (уст., пренебр.) «Штат москитов» – Нью-Джерси; *Beehive State* «Штат пчелиного улья» – Юта; *Tadpole State* «Штат головастиков» – Миссисипи.

В этой же группе можно выделить подгруппу прозвищ, в состав которых входят **сельскохозяйственные животные**: *Hog and Hominy State* «Штат свиней и мамалыги» или *Hog State* «Штат свиней» – Теннесси; сюда же мы отнесли прозвище *Fisherman's Paradise* «Рай для рыбаков», характеризующее штат Луизиана и указывающее на развитое промышленное рыболовство.

б) животные, появившиеся в прозвище штата благодаря историческому событию (8 ед.): *Blue Hen State / Blue Hen Chicken State* «Штат голубого петуха» – Делавэр; *Eagle State* «Штат орла» или *Border-Eagle State* «Штат американского орла» – Миссисипи; *Badger State* «Барсучий штат» – Висконсин; *Yellowhammer State* «Штат овсянки» – Алабама; *Wolverine State* «Штат росомах» – Мичиган; *Deseret State* «Штат Дезерет» – Юта.

Подробная лингвокультурологическая информация по каждой из выше перечисленных вторичных номинаций будет приведена ниже в классификации прозвищ по классам живых организмов.

Царство животных является самым многочисленным среди других царств живых организмов. В настоящее время учеными описано более 1,6 млн. видов животных, большинство из которых составляют 1) позвоночные, 2) членистоногие и 3) моллюски. Членистоногие включают в себя насекомых, ракообразных, паукообразных и многоножек. Моллюски представляют собой тип беспозвоночных животных, к которому относятся улитки, слизни, устрицы, осьминоги и т.п. Земноводные, пресмыкающиеся, птицы, рыбы и млекопитающие являются общепризнанными классами позвоночных.

Представителей всех перечисленных классов можно встретить в составе топонимических прозвищ.

1) Позвоночные, включающие млекопитающих, птиц, рыб, земноводных и пресмыкающихся.

Млекопитающие (15 ед.): Штаты Арканзас, Кентукки и Калифорния объединяет неофициальное прозвище – *Bear State* «Медвежий штат». В отношении штата Кентукки и его жителей прозвище устарело, хотя медведи здесь действительно встречались в годы колонизации. Что касается Арканзаса, то в заповедниках этого штата медведи еще встречаются, но исчисляются они единицами. Сохранение этого прозвища в отношении Арканзаса, возможно, основано на ассоциации с грубостью и нетактичностью, приписываемой его жителям [Томахин, URL]. В Калифорнии же медведь гризли является официальным зверем штата, хотя и вымер к 1922 году. С 1896 года калифорнийский бурый медведь, или калифорнийский гризли, изображен на флаге Калифорнии [БЭС, URL].

Badger State «Барсучий штат» – это официальное прозвище штата Висконсин. Происхождение прозвища связано с историей свинцовых рудников в штате. Подобно барсукам, рудокопы проводили большую часть времени под землей [Томахин, URL].

Buffalo Plains State (уст.) «Штат бизонных равнин» – Колорадо. Это устаревшее сейчас прозвище появилось из-за больших стад бизонов, которые когда-то паслись на равнинах Колорадо [State Symbols..., URL].

Gopher State (презр.) «Штат сусликов» – Миннесота. В степных сельскохозяйственных районах штата полосатый суслик был настолько распространен, что был подлинным бедствием для миннесотских фермеров [Томахин, URL].

Ground-hog State (уст.) «Штат лесного сурка» – Миссисипи. Раньше этот вид сурка встречался повсеместно на территории Миссисипи. В настоящее время это название штата употребляется редко [Томахин, URL].

Wolverine State «Штат росомах» – Мичиган. Довольно странное прозвище, так как росомахи никогда не водились в Мичигане. Росомахами звали жителей Мичигана за их жадность и злобу, с которой они отвоевывали земли у коренных индейцев Америки [Про США. Энциклопедия США, URL].

Antelope State (уст.) «Штат антилоп» – это устаревшее прозвище штата Небраска, которое употреблялось в 70-е годы XIX века, когда на территории штата действительно в изобилии водились эти степные животные (типа сайгаков) [Томахин, URL].

Beaver State «Бобровый штат» – официальное прозвище штата Орегон. С одной стороны, оно ассоциируется с той ролью, которую играла пушнина, и в частности шкурки бобров, в истории орегонского края. В одно время они даже использовались в качестве денег. С дру-

гой стороны, жители штата Орегон с гордостью воспринимают прозвище *Beavers* – «бобры», так как с ними у американцев ассоциируются такие качества, как сообразительность, трудолюбие и изобретательность [Томахин, URL].

Flickertail State «Сусликовый штат». Северная Дакота получила это прозвище от особого вида суслика, а не от птицы, трясушей хвостом (если опираться на дословный перевод *Flickertail*). Этот суслик или земляная белка Ричардсона встречается только в Северной Дакоте и прилегающих районах Канады [Прозвища штатов США. Часть 2, URL].

Hog and Hominy State (презр.) «Штат свиней и мамалыги (кукурузной каши)» или *Hog State* «Штат свиней» – это презрительные прозвища штата Теннесси. Широкое производство кукурузы и сала привело к появлению этих прозвищ [Про шесть регионов США и прозвища штатов, URL]. Экстралингвистическая основа прозвища в значительной степени не соответствует современному состоянию экономики штата [Томахин, URL].

Manatee State «Штат американского ламантина» – Флорида. Американский ламантин – крупное водное млекопитающее семейства ламантиновых, обитающее вдоль Атлантического побережья Северной, Центральной и Южной Америки. Американский ламантин в зимнее время обитает в районе Флориды, а летом мигрирует на север до Виргинии и Луизианы [Википедия – свободная энциклопедия, URL].

Coyote State «Штат койотов» – (шутл.) официальное прозвище штата Южная Дакота. Койоты (степные волки) встречались довольно часто в прериях Южной Дакоты.

Птицы (7 ед.):

Yellowhammer State «Штат овсянки» – Алабама. Данное название штату дано в честь птицы, которая обитает на его территории. Во времена Гражданской войны солдаты армии Конфедерации из штата Алабама нашивали на свою форму желтые заплатки, похожие на крылья птички овсянки, являвшейся одним из символов штата [США – Сайт о Соединенных Штатах Америки (USA), URL].

Blue Hen State / Blue Hen Chicken State «Штат голубого петуха» – Делавэр. Это историческое прозвище появилось во время войны за независимость. История появления этого прозвища восходит к Капитану Джону Колдвеллу из округа Кент, который привез с собой пару бойцовых петухов. Эти голубые петухи были известны в округе Кент своими выдающимися бойцовыми качествами. Говорят, что, наблюдая бой петухов, один из солдат закричал: «We're sons of the Old Blue Hen and we're game to the end», сравнивая бойцовую отвагу петухов с бойцовой

отвагой солдат из Делавэра. Слава о синих петушках распространилась среди солдат армии северян, и граждан штата Делавэр, которые бесстрашно сражались в боях за независимость страны, ассоциировали с этими храбрыми птицами. Вскоре это название стало употребляться по всему штату, и в 1939 году голубой петух был признан официальной птицей Делавэра [State Symbols..., URL].

Buzzard State «Штат стервятников (канюков)» – Джорджия. Канюк – это птица, питающаяся отбросами, падалью. В штате Джорджия ее считали неотъемлемой частью экологии, и был издан строгий закон о защите этих птиц на территории штата. Нередко это прозвище употребляется презрительно [Томахин, URL].

Pelican State «Пеликаний штат» – официальное название штата Луизиана. Пеликаны часто встречаются в многочисленных водоемах штата Луизиана, и эта птица является символом штата, она изображена на его гербе и флаге. Флаг штата Луизиана носит название *the Pelican flag* – «пеликаний флаг», где вместе с красной звездой на белом фоне изображен пеликан, кормящий своего птенца [Томахин, URL].

Eagle State «Штат орла» или *Border-Eagle State* «Штат американского орла» – Миссисипи. На гербе штата Миссисипи изображен американский орел с распростертыми крыльями, держащий в своих когтях справа пальмовую ветвь, а слева – пучок стрел [Геральдика.ру, URL]. Этот факт и объясняет появление этих рекламных прозвищ.

Рыбы (5 ед.)

Sucker State «Штат багариевых (рыбы)» (презрит.) – Иллинойс. Багариевые рыбы в период нереста сравнивались с шахтерами, которые в огромном количестве приезжали на рудники Галена в 1822 г.

Fisherman's Paradise «Рай для рыбаков» – Луизиана. В прибрежных водах ведется рыбная ловля и добыча морепродуктов (креветок, устриц, крабов). Штат обеспечивает около 90% объемов производства раков в США [Про США. Энциклопедия США, URL].

Codfish State «Штат трески» – Массачусетс. *Cape Cod* (Кэйп Код) – полуостров причудливой формы, напоминающей изогнутую рыбу, расположенный на северо-востоке США. Название «Тресковый мыс» (от английского *cod* «треска») по легенде полуострову дали первооткрыватели, прибывшие сюда в начале 17 века, увидев невероятное количество этой рыбы в водах у побережья. 6 мая 1974 года Массачусетс утвердил закон, согласно которому треска стала «официальной рыбой штата». Это прозвище отображается на номерных знаках [9].

Mudcat State или *Mud-Waddler State* «Штат илистых котов» – Миссисипи. *Mudcat* (разновидность сома) – вид рыбы с плоской голо-

вой и выступающей нижней челюстью, распространенный в болотах и заболоченных реках штата Миссисипи [Томахин, URL].

Пресмыкающиеся (3 ед.):

Lizard State «Штат ящериц». Штат Алабама и его жители (*Lizards*) получили это пренебрежительное прозвище из-за того, что по берегам водоемов в Алабаме раньше действительно было много ящериц, а люди, подобно ящерицам, селились только около водоемов или в лесах поблизости от них [Томахин, URL].

Terrapin State «Штат водяной черепахи» – Мэриленд. Бугорчатая черепаха – официальное пресмыкающееся штата Мэриленд [Википедия – свободная энциклопедия, URL].

Alligator State «Штат аллигаторов» – Флорида. В многочисленных болотах Флориды в свое время водилось множество аллигаторов. Сейчас им грозит полное истребление, и в крупнейшем заповеднике штата – Эверглейдс (the Everglades National Park) – они взяты под охрану государства [Томахин, URL].

Земноводные (1 ед.)

Tadpole State «Штат головастика» – Миссисипи. Возможно, это прозвище появилось из-за большого количества головастика (личинки бесхвостых земноводных) на заболоченных территориях штата.

2) Членистоногие, включающие насекомых и ракообразных.

Насекомые (5 ед.)

Grasshopper State «Штат саранчи». Это презрительное прозвище штат Канзас и его жители (*Grasshoppers*) получили из-за распространенной здесь разновидности саранчи, так называемой саранчи Скалистых гор (the Rocky Mountain grasshopper), уничтожившей посевы зерновых в штатах Канзас, Колорадо, Небраска и др. [Томахин, URL].

Bug-eating State (презр.) «Штат питающихся кузнечиками» – презрительное прозвище штата Небраска и его жителей (*Bug-Eaters*), которое появилось из-за обилия кузнечиков в штате Небраска [Томахин, URL].

Mosquito State (уст., пренебр.) «Штат москитов» – пренебрежительное прозвище штата Нью-Джерси. Прибрежные районы штата Нью-Джерси раньше кишели москитами. В настоящее время прозвище устарело [Томахин, URL].

Штат Юта имеет два прозвища, содержащих названия насекомых: *Beehive State* «Штат пчелиного улья» и *Deseret State* «Штат Дезерет». Штат Дезерет – это не признанный федеральным правительством США штат, на территорию которого претендовали с 1849 г. по 1851 г. мормонские поселенцы в Солт-Лейк-Сити во главе с Бригамом Янгом. Название Дезерет взято из Книги Ефера (раздел Книги Мормона) и

обозначало медоносную пчелу на языке древних поселенцев [Википедия – свободная энциклопедия, URL]. Говорили, что они привели с собой тучи пчел (*swarms of bees*). Отсюда символ штата – конический улей с пчелами вокруг него и прозвище *Beehive State* [Про шесть регионов США и прозвища штатов, URL].

Ракообразные (1 ед.)

Crab State «Крабовый штат» – Мэриленд. В Чесапикском заливе крупный промысел устриц, креветок и крабов.

3) Моллюски (2 ед.):

Oyster State «Устричный штат». Штат Мэриленд до сих пор славится устрицами Чесапикского залива. Жителей штата в шутку называют *Oysters* – «устрицы» или *Craw-thumpers* – «клевнуеруки» (от местного названия омаров) [Томахин, URL].

Clam State (пренебр.) «Устричный штат / Штат моллюсков» – Нью-Джерси. Жителей штата пренебрежительно именуют *Clam-Catchers* «ловцы устриц» или просто *Clams* «устрицы» [Томахин, URL].

В результате проведенного количественного анализа было установлено, что наиболее типичными, широко употребляющимися во вторичных номинациях американских штатов являются названия позвоночных (79,5%), среди которых млекопитающие составляют 38,5%, птицы – 18%, рыбы – 12,8%, пресмыкающиеся – 7,7%, земноводные – 2,5%. Членистоногие встречаются в 15,3% случаях, среди них 12,8% представлены насекомыми и 2,5% ракообразными. Моллюски являются наименее продуктивным мотивирующим признаком модификатора вторичных топонимических прозвищ (5,2%).

Интересно также рассмотреть коннотативный аспект исследуемых топонимических прозвищ. Так как вторичные номинации являются «ассоциативно-смысловыми» (внеязыковыми), то есть рождаются не из системно-языковых значений, а из знаний о мире, следовательно, они ярко эмоциональны, экспрессивны и обладают эмоционально-оценочной функцией. Прозвища наглядно демонстрируют процесс перехода познанных и отобранных фактов объективной реальности в эмоционально-оценочные образы [Блягоз, 2008, с. 143]. Оценочность, являясь одним из компонентов коннотации, закрепляет в значении слова информацию о положительном или отрицательном отношении говорящего к обозначаемому объекту с позиции степени его соответствия некоему стандарту [Потапова, 2002, с. 197]. Диапазон оценочной шкалы практически безграничен, поскольку оценка как элемент коннотации выявляется на основе сравнения признаков значения с неким эталоном отдельного индивидуума или этносоциума. Оценка соответству-

ет знакам (+) или (-), то есть формируется на базе сем, выражающих положительные эмоциональные оценки – мелиоративность с ее разновидностями (одобрение, ласку, изумление, восторг и т.п.) или отрицательные оценки – пейоративность (неодобрение, пренебрежение, презрение, возмущение, насмешку, сарказм и т. п.) [Буркова, 2010, с. 29].

Как показал коннотативный анализ, именно в топонимических прозвищах с зоокомпонентом наблюдается большое число (38%) единиц, обладающих отрицательно-оценочной коннотацией. Отрицательные коннотации представлены шутливыми, ироничными, пренебрежительными и даже презрительно-оскорбительными оттенками. Большой процент отрицательно-оценочной коннотации объясняется высоким оценочным потенциалом самих зоонимов. Этот потенциал обусловлен их внутренней формой, которая способствует созданию образности как основы оценочности [Манаенкова, 2007, с. 245]. Некоторые зоонимы, входя в состав топонимического прозвища, отражают черты характера человека, его свойства и качества, например, *bear* – грубый и нетактичный (об арканзасцах), *wolverine* – жадный и злобный (о мичиганцах), *beaver* – сообразительный, трудолюбивый и изобретательный (об орегонцах), *blue hen* – отважный (о жителях Делавэра).

Литература

Абрамов В.Е., Хуснуллина Ю.А., Рычкова Е.В. Лингвокультурологический аспект изучения англоязычных прозвищ // Проблемы современной науки. 2013. Т. 2. № 7.

Блягоз З.У., Кириллова А.А. Социальное функционирование прозвищ // Проблемы общей и региональной ономастики. Майкоп, 2008.

Буркова Т.А. Коннотация как одна из сем в структуре немецкого антропонима // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. 2010. № 11 (192). Вып. 42.

Манаенкова Т.С. Оценочная прсторечная глагольная коннотация зоонимического происхождения, характеризующая речь человека // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 6.

Потапова С.Ю. Неофициальные именованя лица как компонент текста: ономазиологический аспект // Текст в фокусе литературоведения, лингвистики и культурологии. Ярославль, 2002.

Справочная литература и словари

БЭС – Большой Энциклопедический Словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/>

Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

Геральдика.ру. Государственная печать штата Миссисипи. [Электронный ресурс]. URL: <http://geraldika.ru/symbols/5709>

Кейп Код. Прыгучая ягода. [Электронный ресурс]. URL: <http://botinok.co.il/node/82682>

Прозвища штатов США. Часть 2 (US States Nicknames) [Электронный ресурс]. URL: <http://audiorazgovornik.ru/uroki-anglijskogo-yazyka/amerikanskij-anglijskij/582-qq-1-us-states-nicknames-2>

Про США. Энциклопедия США. [Электронный ресурс]. URL: http://prousa.ru/louisiana_economics

Про шесть регионов США и прозвища штатов. [Электронный ресурс]. URL: <http://multilinguablog.com/2010/11/04про-шесть-регионов-США-и-прозвища-штат/>

США – Сайт о Соединенных Штатах Америки (USA). US-America – информационный портал о США. Штат Алабама. [Электронный ресурс]. URL: <http://us-america.ru/states/alabama/>

Томахин Г.Д. Америка через американизмы. Словарь топонимов США. [Электронный ресурс]. URL: http://usa_toponyms.academic.ru/

State Symbols, 50 State Capitals, Flags, Maps, Geography, Facts, Songs... Netstate. Learn About the 50 States. [Электронный ресурс]. URL: http://www.netstate.com/states/intro/il_intro.htm

ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА РАЗНОГО ТИПА В УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ

Е.Ю. Викторова

Ключевые слова: дискурсивные слова, устная речь, письменная речь, научная речь, регулятивная информация, текстовая информация.

Keywords: discourse markers, spoken language, written speech, academic speech, regulative information, textual information.

Дискурсивные слова, или дискурсивы, в последние десятилетия находятся в фокусе внимания лингвистов. Изучаются их состав, значение, функции [Schiffrin, 1987; Дискурсивные слова..., 1998; Дискурсивные слова..., 2003; Fraser, 2005 и др.]. Единого подхода к дискурсивам на данный момент в лингвистике не выработано, что объясняется многомерностью самого понятия дискурсивного слова, пестрым составом этой группы единиц (это и знаменательные слова разных частей речи и служебные, и словосочетания, и устойчивые обороты, и иногда предложения), а также разнообразием выполняемых ими функций. Мы полагаем, что, вероятно, дискурсивы разного вида следует изучать в первую очередь с позиций их функционирования в речи. Такой подход позволяет рассматривать все многообразие дискурсивных слов как систему коммуникативных единиц и построить их классификацию.

Функцию, объединяющую все дискурсивные слова, можно назвать вспомогательной, а сами дискурсивные слова признать вспомогательными коммуникативными единицами (далее – ВКЕ). Для нас дискурсивы это лексические единицы: слова и устойчивые речевые обороты (иногда предложения), функция которых заключается в помощи коммуникантам в процессе создания дискурса, его реализации и восприятия. Мы изучаем только вербальные способы выражения вспомогательности в коммуникации.

Дискурсивы включают вводно-модальные слова и обороты, союзы, частицы, модальные глаголы, слова знаменательных частей речи, междометия, при этом все они передают дискурсивно-регулятивную информацию, которую мы предлагаем считать вспомогательной по отношению к основной, фактуальной информации. Дискурсивы помогают адресату правильно понять высказывание адресанта, они улучшают качество восприятия дискурса, увеличивают скорость и точность его восприятия, управляя вниманием адресата, экономя его мыслительные усилия в интерпретации смысла высказывания.

Классификация дискурсивных слов, осуществляемая в рамках данного исследования, основана на выделенных С.А. Андреевой двух типах информации, характерных для дискурсивов – регулятивной и дискурсивной [Андреева, 2005]. Соответственно, мы разграничиваем два основных типа дискурсивов: дискурсивы-регулятивы и дискурсивы-организаторы. **Дискурсивы-регулятивы** выполняют межличностную (по М. Халлидею: [Halliday, 1973]) языковую функцию и выражают регулятивную информацию. Они реализуют авторское, индивидуальное начало в дискурсе, отвечают за связь между коммуникантами, в них выражаются субъективные мнения, оценки, комментарии. Как показал наш материал, целесообразно выделить следующие подтипы данных дискурсивов: 1) дискурсивы, повышающие и понижающие достоверность сообщаемого (*безусловно, несомненно, certainly, surely и по-видимому, возможно, тау, perhaps*); 2) дискурсивы, выражающие дополнительные смыслы (*довольно, только, even, only*); 3) авторизирующие дискурсивы (*по нашему мнению, отметим, мы предполагаем, I think, our study shows*); 4) перформативные дискурсивы, авторизирующая и перформативная роли которых часто неразрывно связаны между собой (*отмечу, приведем вывод, we can clarify this concept here, I will illustrate this again*); 5) дискурсивы, оценивающие содержание высказывания (*принципиально важно, интересно, it is clear, it is important*) или собственную речь – авторская самооценка речи (*иными словами, в некотором смысле, in the strict sense of the term, or more accurately*); 6) дискурсивы-акцентивы (*прежде всего, именно, actually,*

especially); 7) эмотивы (*к сожалению, unfortunately*); 8) дискурсивы, напрямую обращенные к адресату (*если помните, как вы знаете, you might remember, can you see it clearly?*); 9) фативы-хезитативы (*ну, скажем, well, so*). Дискурсивы предпоследней подгруппы встречаются преимущественно, а последней подгруппы только в устной речи.

Дискурсивы-организаторы выполняют текстовую функцию и выражают дискурсивную информацию. Выделяем две подгруппы дискурсивов-организаторов: композиционно-структурные и логико-связующие. **Композиционно-структурные** дискурсивы выражают связь между фрагментами дискурса и могут быть названы **глобальными организаторами**. Они обеспечивают глобальную связность и цельность дискурса и включают в себя: 1) сигналы сегментации дискурса – указание на начало темы (*начнем рассмотрение темы с..., we'll start with*), на переход к другой теме (*перейдем теперь к..., now, then*), на завершение темы и вывод (*итак, таким образом, hence, to summarize*); 2) сигналы очередности и последовательности в дискурсе (*в первую очередь, во-первых, first of all, in the first place*); 3) внутренние ссылки – сигналы, отсылающие читателя к фрагментам той же самой статьи или лекции (*как я уже говорил; подробнее об этом поговорим чуть позже, I mentioned before, I'll come back to this*); 4) внешние ссылки – ссылки на чужие слова, термины, точки зрения, исследования (*как говорят, как известно, as we all know, according to X*).

Логико-связующие дискурсивы отвечают за связь в тексте на уровне предложения или фрагмента дискурса, их можно назвать **локальными организаторами**, так как они обеспечивают локальную связность. Это всевозможные сигналы связи и логических отношений между высказываниями – причины и следствия (*поэтому, отсюда, therefore, thus*), противопоставления (*однако, хотя, however, nevertheless*), включения (*включая, в том числе, including*), исключения (*не считая*), уточнения (*то есть, а именно, in other words, i.e.*), возможного продолжения (*и так далее, и другие, and so on, etc.*), добавления информации (*кстати говоря, кроме того, moreover, what is more*), а также указания на фрагмент текста (*здесь, в данном случае, in this case, here*).

Надо признать, что данная классификация весьма условна, так как очень многие дискурсивы полифункциональны (синкретичны) и многозначны. Многозначность разрешается контекстом: например, дискурсив *значит* в разных контекстах может выступать как сигнал вывода или как хезитативный маркер). А в случае с синкретичными дискурсивами несколько их значений реализуются в одном контексте одновременно: например, дискурсив *кстати* выполняет одновременно

функцию акцентирующую (то есть регулятивную) и работает как сигнал ввода дополнительной, важной информации и связи с предыдущим фрагментом текста (то есть текстоорганизующую).

На реализацию каждого вида речи оказывают влияние функциональный стиль, форма речи (устная или письменная), а в устной речи диалогический или монологический ее вид [Сиротина, 1986]. Основной целью данной статьи является исследование особенностей употребления дискурсивов разного типа – регулятивов и организаторов в устной и письменной научной речи русского и английского языков.

Материалом русской **устной** научной речи (далее РУНР) послужили тексты лекций по лингвистике, психологии, физике и химии, опубликованные в сборнике «Современная устная научная речь. Тексты» под редакцией О.А. Лаптевой [Современная русская устная научная речь, 1999]. Английская УНР (далее АУНР) также представлена лекциями по различным дисциплинам – литературе, истории, химии и физике из Британского корпуса английской устной научной речи (British Academic Spoken English (BASE) Corpus) (http://www.reading.ac.uk/AcaDepts/ll/base_corpus/). Объем исследованного материала составляет по 13500 словоупотреблений в каждом из языков. Количество употреблений дискурсивов в РУНР – 1148, в АУНР – 1091.

Английская и русская **письменная** научная речь (далее АПНР и РПНР) изучалась на материале научных статей по лингвистике, медицине и физике, опубликованных в научных сборниках и журналах последних лет. Объем исследованных статей составил по 25200 словоупотреблений в каждом из языков. Количество употреблений дискурсивов различается по языкам всего на 15 единиц: в РПНР – 1118 употреблений, в АПНР – 1133. Общий объем материалов проведенного исследования УНР и ПНР двух языков составил 77690 словоупотреблений. Общее количество зарегистрированных дискурсивов – 4490 употреблений. Все дискурсивы выявлены методом сплошной выборки.

В ходе исследования было доказано, что научная речь обоих языков демонстрирует целый ряд общих или сходных для обоих языков моментов. Например, в УНР обоих языков дискурсивы употребляются с одинаковой частотой – 1 дискурсив на 12 словоупотреблений (далее частоту употреблений дискурсивов будем указывать кратко – 1:12). В ПНР дискурсивы встречаются почти в два раза реже: частота их использования в обоих языках составляет 1:22. Надо сказать, что такая большая разница между УНР и ПНР по частоте встречаемости в них дискурсивов довольно естественна. Наш материал показывает, что УНР, относительно спонтанная, более субъективная и личностно ори-

ентированная по своей природе, отличается весьма частым использованием единиц, типичных только или в основном для нее. Здесь много дискурсивов регулятивного, фатического, хезитативного и субъективно-модального плана.

Рассмотрим частоту употребления дискурсивов-регулятивов. В УНР в обоих языках регулятивы количественно преобладают над организаторами и частота их употребления здесь довольно высока. И русский и английский языки демонстрируют практически идентичные показатели: в РУНР частота употребления регулятивов составляет 1 регулятив на 18 словоупотреблений (далее для краткости частоту использования дискурсивов будем представлять схематично: 1:18), в АУНР 1:17. В более формальной, строгой и жестко структурированной ПНР регулятивы встречаются в целом более чем в 2,5 раза реже, чем в УНР. И опять же показатели в русском и английском языках довольно близки – 1:47 в РПНР и 1:49 в АПНР. Мы видим, что форма речи оказывает существенное влияние на частоту использования регулятивов в обоих языках. Приведем в пример фрагмент лекции на русском языке:

Да ну есть еще и другие направления / в мировой психологии / которые достаточно весомы... Наверно надо назвать / из таких направлений / еще ... ну вот какие / Ну вот скажем // существует так называемая французская / социологическая / школа / психологии / Я называю именно ее / поэтому (Так! – Е.В.) / что во-первых идеи французской социологической школы очень близки / во многом близки / но только не надо преувеличивать эту близость (лекция по психологии). В этом отрывке РУНР, весьма насыщенном дискурсивами, зафиксировано 17 ВКЕ. Только 3 из них (сигнал ввода примера скажем, логико-связующий сигнал поэтому и сигнал очередности во-первых) являются организаторами, остальные 14 дискурсивов мы относим к регулятивам. В этом фрагменте встречаются фативы-хезитативы (ну, ну вот), сигналы, снижающие категоричность высказывания (наверно) и повышающие ее (надо назвать, не надо преувеличивать), перформатив (я называю), дискурсивы, выражающие дополнительные смыслы (очень, только, достаточно, еще), акцентив (именно), оценка речи (так называемая). Таким образом, в УНР регулятивы весьма частотны и разнообразны.

Рассмотрим теперь фрагмент РПНР, в котором регулятивов намного меньше, чем в устной речи: *Заметим, что, конечно, существуют и зачастую используются определенные классические способы улучшения времени переключения нематических жидкокристаллических (НЖК) ячеек. Они состоят в повышении напряжения питания и указанном выше уменьшении толщины структуры, изменении вязко-*

сти, **скажем**, за счет нагрева среды или введения дополнительного количества органического растворителя, **а также** в применении ряда схемных решений. **Естественно, можно** пойти от простого к сложному, **а именно** кардинально изменить структуру, перейдя от использования нематического ЖК к быстродействующему смектику. **Здесь, однако, сразу** возникают две **достаточно** серьезные проблемы. **Первая** определяется дороговизной смектиков, **вторая** – сложностью ориентирования смектических слоев (статья по физике). В этом фрагменте зарегистрировано 13 дискурсивов, из них всего 5 можем отнести к регулятивам: сигналы повышения категоричности (*естественно, конечно*), перформатив (*заметим*), предикатив *можно*, снижающий уровень категоричности речи, и дискурсив, выражающий дополнительный смысл (*достаточно*) (*достаточно* при этом употреблено неправильно, следовало сказать *довольно*). Преобладают в этом отрывке РПНР дискурсивы-организаторы (8 употреблений): внутренняя ссылка (*указанном выше*), сигнал ввода примера (*скажем*), логико-связующие сигналы (*а также, однако*), сигнал уточнения (*а именно*), указание на фрагмент текста (*здесь*) и сигналы очередности (*первая, вторая*).

В АУНР и АПНР ситуация аналогичная. Следующий пример из английской статьи по физике демонстрирует довольно низкую частоту регулятивов (при этом дискурсивы другого типа – организаторы здесь встречаются намного чаще): ***In the present contribution we present a comprehensive experimental study of an optically-injected semiconductor laser using data from measured time series, in addition to conventional optical and electrical spectra, in order to provide a deeper insight into the evolution and nature of the nonlinear dynamics. To the best of our knowledge this is the first experimental report of the transitional behaviour between regions of different dynamics*** (статья по физике). Здесь нам встретилось 5 дискурсивов, из которых 4 мы относим к организаторам: указание на фрагмент текста (в данном случае на сам текст статьи) *in the present contribution*, сигнал добавления *in addition*, логический сигнал *in order* и внешняя ссылка (на общие знания авторов статьи) *to the best of our knowledge*. И лишь один дискурсив мы относим к регулятивам: авторизирующий перформатив *we present*.

Теперь приведем фрагмент английской устной речи – из лекции по физике, в котором, напротив, организаторы по количеству употреблений уступают регулятивам: ***And here it is how that function shows on two dimensions / that represents / intensity // yeah / so that's the idea behind Fourier analysis // now / what / I'm wanting you to concentrate if you want to understand the rest is / what is spatial / frequency // that's very important // and that is shown on the figure below // so what I've done on***

the figure below / is I have taken / one of these sine functions / and I've plotted it out // and I'm saying that the period of that sine function is T / the period is T // T is not time / just a period of that time function (лекция по физике). В этом фрагменте зафиксировано 13 ВКЕ. При этом дискурсивы-регулятивы здесь весьма частотны, их 9: хезитативы *yeah, now*, акцентив *I'm wanting you to concentrate*, обращение к адресату *if you want to understand the rest*, оценочный дискурсив *that's very important*, авторизирующие дискурсивы *I've done, I've plotted it out*, перформатив *I'm saying*, дискурсив, выражающий дополнительный смысл *just*. Дискурсивы-организаторы здесь немногочисленны, их всего 4 употребления: указание на фрагмент речи *here*, сигнал логических отношений *so*, внутренние ссылки на рисунки (сопровождающие чтение лекции) *on the figure below* (2 употребления).

Далее рассмотрим частоту употребления дискурсивов-организаторов. Если в ПНР оба языка по данному показателю демонстрируют весьма близкие результаты: 1:44 в РПНР и 1:41 в АПНР, то в УНР мы видим более существенные расхождения между языками: 1:34 в РУНР и 1:46 в АУНР. Можно сказать, что ПНР в плане использования разных видов дискурсивов более стабильна на уровне двух языков, чем УНР. Возможно, это связано с тем, что в лекциях в силу специфики устной формы речи гораздо ярче, чем в научных статьях, проявляются индивидуальные особенности, манера автора, стиль его общения с аудиторией. Некоторые лекторы просто озвучивают заранее заготовленный текст, а другие на основе имеющегося плана создают текст лекции непосредственно в момент речи. В первом случае, естественно, спонтанность речи минимальна, отчего, видимо, использование дискурсивов становится более редким.

Наше исследование показывает, что в русском языке в УНР мы видим повышение частоты использования организаторов по сравнению с ПНР, а в английском, наоборот, ее снижение. Остановимся подробнее на ситуации в русском языке. Мы сверили полученные нами данные о частоте использования дискурсивов, отвечающих за организацию текста, с результатами других исследований, проведенных ранее, и обнаружили следующее. В работе О.Б. Сиротининой, в которой она опирается как на свои собственные исследования разных форм русской научной речи, так и на работы своих коллег, отмечается очень сильное количественное различие между частотой использования организаторов (О.Б. Сиротинина тогда называла их средствами текстовой организации и межфразовой связи) в ПНР и УНР. В УНР таких средств значительно – более чем в три раза – больше. О.Б.Сиротинина объясняет этот факт следующим образом: «Устная речь, лишенная деления на

абзацы, шрифтовых выделений, вынуждена использовать эксплицитные средства текстовой организации: это лексическое выделение частей, нередко обозначенных еще во вступлении, лексическое выражение логической организации текста. <...> В отличие от письменных текстов в устных очень широко используется эксплицитно выраженная специальными лексическими средствами межфразовая связь <...> это и союзы, <...> и специальные скрепы, очень много словесно выраженных логических связок» [Сиротинина, 1987, с. 28–29]. Поскольку мы не учитываем **всех** союзов (мы не фиксируем союзы *а, и, но, если, когда* и др.), которые учитывались в исследовании 1987 года и составляют, по его данным, почти 2/3 всех скреп, то наши количественные результаты отличаются от данных, полученных О.Б. Сиротининой: частота использования дискурсивов-организаторов в исследованной нами РУНР выше, чем в РПНР лишь в 1,3 раза, а не в 3 раза, как у О.Б. Сиротининой. Тем не менее, даже при ином принципе отбора единиц тенденция к большему количеству организаторов в УНР по сравнению с ПНР проявляется и в нашем исследовании.

Приведем примеры частого использования дискурсивов-организаторов в РУНР из лекции по лингвистике: *Современное языкознание использует термин «закономерности развития языка», «тенденции развития языка», о которых мы с вами говорили в прошлый раз. На этом, собственно, и кончаем тему развития языка, и сейчас я вам назову литературу...* (лекция по лингвистике). Вторая половина этого примера содержит исключительно дискурсивные конструкции в функции текстовых (то есть глобальных) организаторов: внутреннюю ссылку *о которых мы с вами говорили в прошлый раз*, сигнал завершения темы *на этом, собственно, и кончаем тему развития языка*, сигнал перехода к новой теме или новому вопросу *и сейчас я вам назову литературу*. Внутри этих дискурсивных конструкций употребляются и отдельные дискурсивные слова: например, вводное слово *собственно* в качестве уточняющего сигнала (хотя, отметим, оно одновременно функционирует и как хезитатив).

Еще пример из лекции по физике: *Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее // Значит / процесс происходит при постоянной температуре / тэ равняется констант // Следовательно / внутренняя энергия / тоже есть величина постоянная / как дэ / как игрек есть величина постоянная / и следовательно дэ игрек будет равняться нулю // Тогда / первое начало термодинамики / запишется следующим образом // что дельта ку / будет равняться / дельта а // И работа / совершенная / будет равняться количеству тепла / которое сообщается системе / то есть / ку будет равняться работе / которая со-*

вершена системой // (лекция по физике). Все отмеченные в данном фрагменте лекции дискурсивы это дискурсивы-организаторы: сигналы начала темы *рассмотрим этот вопрос несколько подробнее, значит*, сигналы логических отношений *следовательно, тоже*, сигналы последовательности *тогда, следующим образом*, уточняющий сигнал *то есть*. Как нам кажется, высокая частотность таких дискурсивов в лекции по физике объясняется самим типом дисциплины, где связность и логичность изложения являются ключевыми понятиями. Кроме того, в этом фрагменте лектор объясняет действие физического закона, делая записи на доске в виде формул и уравнений; при этом он комментирует написанное, а иногда произносит вслух то, что пишет. В такой ситуации неизбежно появление логико-связующих дискурсивов, уточняющих сигналов, сигналов очередности и последовательности и т.п.

Естественно, что показатели частотности организаторов в каждой из изученных лекций разные. Выше всего он в одной из лекций по лингвистике (1:28) и в лекции по физике (1:29) (примеры из которых были приведены выше). В лекции по химии частота организаторов составляет 1:35, по психологии 1:43, в другой лекции по лингвистике 1:44. С одной стороны, данные в целом довольно сильно отличаются друг от друга, с другой стороны, в части лекций они практически идентичны. Заметим, что только одна лекция – по лингвистике – прочитана лектором-женщиной, остальные – мужчинами. Видимо, влияние гендерного фактора на частоту употребления организаторов не проявляется. Судя по всему, нет влияния и типа научной дисциплины (гуманитарной, естественной и пр.). Скорее всего, такие различия по частоте использования организаторов объясняются индивидуальными предпочтениями лекторов, их склонностью к выбору определенных дискурсивов.

Было также отмечено, что во всех лекциях локальные организаторы встречаются чаще глобальных. В РУНР доля локальных в среднем составляет 73%, глобальных – 27%. Среди локальных организаторов большинство составляют сигналы логических отношений (*оказывает-ся, следовательно, все-таки, в том числе, значит, наоборот, ведь*), часто встречаются и сигналы уточнения (*то есть, а именно, в смысле, имея в виду, что...*), и дискурсивы-связки (*поскольку, потому что, поэтому, в связи с этим, при этом*). Глобальные организаторы представлены следующим образом: около половины приходится на ссылки (при этом внутренних ссылок (*как я уже говорил, мы об этом будем говорить дальше*) в два раза больше, чем внешних (*как говорят, как вам известно*), треть – на сигналы сегментации дискурса (среди которых преобладают сигналы перехода к другой теме изложения, например, *не-*

рейдем теперь к...), довольно частотны и сигналы очередности и последовательности (*в первую очередь, следующим образом, и наконец, первый вопрос*).

Итак, русские дискурсивы-организаторы чаще встречаются в УНР, чем в ПНР. А английские организаторы демонстрируют противоположную тенденцию: в АУНР организаторы используются несколько реже, чем в ПНР (напомним цифры: 1:46 в АУНР, 1:41 в АПНР). Хотя, следует признать, эти показатели по формам речи довольно близкие.

В данном отрывке из английской лекции по химии организаторы использованы немного чаще регулятивов: *If you've got a perfect glass / it means you can freeze the thing in a cell a caught cell / **and then** run an optical spectrum / at liquid nitrogen temperature / in an ordinary spectrophotometer / and / what did Hamill do / **well** / he rotated these solutions in these glassy forming solvents **and then** ran U-V spectra / and **for example** / if you take / naphthalene's colourless / dissolve it in T-H-F <...> it's **quite** a spectacular experiment to do / it's a nice demonstration but **of course** it's / not easy to do 'cause you'd need a gamma source to do it* (лекции по химии). В данном фрагменте мы зарегистрировали 8 употреблений дискурсивов, 3 из них мы относим к регулятивам: hesitant *well*, дискурсив, выражающий дополнительный смысл *quite* и дискурсив *of course*, повышающий достоверность сообщения. Пять других дискурсивов мы относим к организаторам: сигнал уточнения *it means*, логический сигнал *and then* (2 употребления), сигнал ввода примера *for example* и дискурсив-связка *'cause* (сокращенная форма *because*). Следует также отметить частое в этой лекции использование местоимения *you*, которое носит обобщающий характер и подчеркивает тесную связь говорящего с аудиторией, стремление лектора привлечь внимание слушателей, вовлечь их в учебный процесс, сделать их непосредственными участниками экспериментов, опытов или даже просто теоретических объяснений.

В разных дисциплинах АУНР частота употребления организаторов различна. В двух из английских лекций (по литературе и физике) она довольно высока и составляет 1:35, в остальных она ниже: в другой лекции по литературе – 1:57, по истории – 1:56, по химии – 1:55. Обе лекции по литературе прочитаны женщинами, остальные – мужчинами. И, как мы видим, снова ни фактор гендера, ни научной дисциплины не влияют на частоту использования организаторов. В АУНР так же, как и в РУНР, локальные организаторы используются намного чаще глобальных: доля первых составляет 71%, доля вторых – 29%. В русском материале – 73% и 27% соответственно, то есть в соотношении глобальных и локальных организаторов в двух языках в УНР наблюдается абсолютно одинаковая тенденция. Сходны языки и по наиболее частотным подтипам локальных

организаторов. Так, логические сигналы (*also, however, so, anyway, yet*) по частоте использования превалируют среди локальных организаторов (50%). Частотны также дискурсивы-связки (19%: *because, that's why, whereas*) и указания на фрагмент речи (15%: *here*). А вот отмеченные в РУНР как довольно частотные сигналы уточнения (*I mean, it means*) в английских лекциях используются редко (всего 4% от всех логико-связующих организаторов). Распределение подтипов глобальных организаторов по частоте употребления в АУНР представлено иначе по сравнению с РУНР. В английских лекциях самыми частотными оказались сигналы сегментации дискурса с преобладанием сигналов перехода к новой теме/вопросу (44%: *right, okay, now, then*), на втором месте оказались сигналы очередности (32%: *one part is..., the next step is..., the first issue I'm going to talk about is...*), а вот ссылок здесь по сравнению с русскими лекциями немного (около 26%, все они – внутренние: *that we have discussed in the lecture, i'll tell you later, we said*).

Рассмотрим теперь особенности употребления дискурсивов-организаторов в АПНР. Напомним, что в английских статьях организаторы встречаются несколько чаще, чем в лекциях. Следующий пример из статьи по лингвистике содержит довольно большое количество организаторов, частотность регулятивов здесь чуть ниже, что примерно и соответствует указанным выше средним показателям: *In any event, research into language and sexuality, like any other research, needs to be more transparent about the ways in which its theoretical commitments may circumscribe the kinds of questions it chooses to ask, or indeed is able to ask. As I show below, however, much of the research in this area has nonetheless been fairly innovative in trying to overcome certain kinds of circumscription and has greatly enhanced the possibilities for understanding language and sexuality* (статья по лингвистике). В данном отрывке зафиксировано 5 дискурсивов-организаторов и 4 дискурсива-регулятива. Организаторы представлены логическими сигналами *in any event, like, however, nonetheless* и внутренней ссылкой *as I show below*. Регулятивы здесь выражены модальными глаголами *needs* и *may* (первый повышает достоверность сообщения, второй, с одной стороны, ее понижает, а с другой стороны, снижает категоричность суждения), акцентивом *indeed* и дискурсивом, выражающим дополнительный смысл, *fairly*.

Помимо этого, нами отмечена еще одна любопытная деталь. При сравнении показателей частоты употребления регулятивов и организаторов в УНР мы заметили, что в обоих языках эти показатели в группе регулятивов различаются между науками гораздо меньше, то есть более стабильны, чем в группе организаторов. Вероятно, это свидетельствует о том, что использование регулятивов напрямую связано с устной формой

научной речи, является ее неотъемлемой чертой и поэтому универсально в разных научных дисциплинах в русском и английском языках. Использование же организаторов более зависимо от индивидуальных предпочтений говорящего, возможно, от стиля его мышления, склада ума, степени развития рационально-логического мышления, а также от способа, манеры чтения лекции и вытекающего отсюда уровня спонтанности/подготовленности текста лекции.

Надо сказать, что в ПНР меньшие различия между научными дисциплинами по частоте употребления наблюдаются, наоборот, в группе организаторов. Среди регулятивов такой разброс немного больше. Можно также сделать вывод о том, что в гуманитарных науках, представленных в исследованной нами ПНР лингвистикой, регулятивы употребляются чаще, чем в естественных. А частота использования организаторов довольно высока и у лингвистов и у физиков (особенно англоязычных).

Таким образом, устная и письменная форма речи оказывает существенное влияние на употребление дискурсивов разного типа, причем в английском языке это влияние оказалось более сильным – в русском языке в устной и письменной научной речи наблюдаем больше сходных явлений, чем в английском языке. В русском языке при наличии определенных различий в двух формах научной речи эти различия более сглажены, чем в английском языке. В целом, русские и английские регулятивы и организаторы демонстрируют очень много общих (а возможно, и универсальных) тенденций, касающихся их частоты и других параметров их употребления в обеих формах речи.

Литература

- Андреева С.В. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи. Саратов, 2005.
- Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998.
- Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. М., 2003.
- Сиротинина О.Б. Стилевая принадлежность и текстовая организация устной научной речи // Стилистика текста в коммуникативном аспекте. Пермь, 1987.
- Сиротинина О.Б. О соотношении формы и стиля речи // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. Пермь, 1986.
- Современная русская устная научная речь. М., 1999. Т. IV.
- Fraser B. Towards a theory of discourse markers // Fischer K. (ed.) Approaches to discourse particles. Elsevier Press, 2005.
- Halliday M. Explorations in the Functions of Language. L., 1973.
- Schiffirin D. Discourse markers. Cambridge, 1987.

ОБ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЯХ В СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

И.А. Пушкарева

Ключевые слова: газетно-публицистический стиль, аналитическая и художественная публицистика, чужая речь, интертекстуальность, цитата, реминисценция.

Keywords: newspaper style, analytic and artistic social and politic journalism, another's speech, intertextuality, quotation, reminiscence.

«Интертекстуальность сегодня рассматривается как важнейшая текстовая категория, связанная с диалогичностью текста» [Болотнова, 2008, с. 41]. Для газетной публицистики важна актуализация связей с культурным пространством, которая отражает установку текста на диалог с читателем (см. об этом: [Дускаева, 2003, с. 669]). Рассмотрим роль контекстов с чужой речью в создании интертекстуальных связей произведений современной газетной публицистики. Безусловно, особый интерес представляют аналитические и художественно-публицистические жанры, где ярко выражается авторская индивидуальность, проявляющаяся в специфике «ассимиляции» чужой речи. В названных жанрах преимущественно используется не «линейный», а «живописный» стиль передачи чужой речи (о разграничении этих стилей см.: [Бахтин, 1998, с. 413–418]). Как отмечено в работе В.Н. Волошинова (М.М. Бахтина), искусствоведческий термин «линейный стиль» (*der lineare Stil*) принадлежит Вельфлину: «Основная тенденция его – создание отчетливых, внешних контуров чужой речи при слабости ее внутренней индивидуализации» [Бахтин, 1998, с. 414]. При «живописном стиле» обозначаются противоположные тенденции: «Язык вырабатывает способы более тонкого и гибкого внедрения авторского реплицирования и комментирования в чужую речь. Авторский контекст стремится к разложению компактности и замкнутости чужой речи, к ее рассасыванию, к стиранию ее границ» [Бахтин, 1998, с. 414].

Материалом для анализа являются тексты из городской газеты «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк) – аналитические и сатирические комментарии А.Г. Белокурова и городские дневники В.А. Немирова, – позволяющие судить о специфике развития современного регионального медиадискурса. Чужая речь в рассмотренном материале передается путем дословного воспроизведения, пересказа и скрытого цитирова-

ния фольклорных и авторских по происхождению высказываний. Авторами введенных цитат (в широком понимании этого термина: [Кузьмина, 2004, с. 96–100]) являются представители разных эпох и сфер – искусства, науки, политики. Особое место в городской газете занимают яркие личности, жившие и живущие в Сибири и на Алтае.

Анализ художественной и аналитической публицистики показывает, что целью введения чужой речи становится не столько раскрытие особенностей другого речевого субъекта, сколько авторская концептуальная и экспрессивная актуализация. Благодаря «живописному» стилю передачи чужой речи перед читателем встают вопросы о границах цитаты, о точности воспроизведения чужого слова и даже об авторстве. «Живописный» стиль передачи цитаты рассчитан на диалогичный подход читателя.

Городской дневник В. Немирова – персональный текст, отражающий авторские впечатления о жизни города за неделю (номер с городским дневником выходит в субботу). Важнейший композиционный принцип городского дневника, позволяющий воплотить ассоциативную «гирлянду» зарисовок, – фрагментарность. Тексты В. Немирова включают от 3 до 8 (чаще 5–6) фрагментов, отделенных друг от друга графически. Тематически эти фрагменты соотношены как с действительностью, так и с миром мыслей и чувств автора, который является превалирующим. Изображение в дневнике не стремится к объективности и сопряжено с образом равнодушного автора, делящегося с читателем своими мыслями и чувствами. По словам В. Немирова, дневник – «это то личное, что сам пишешь; понимание многих вещей должно сначала пройти через себя» (цит. по: [Пантыкина, 2006, с. 298]). Намеренная небрежность в цитировании органична в городских дневниках В. Немирова, где набросок является важнейшим конструктивным принципом, например: *Весенний шум. Это у кого-то из классиков («Весенняя лихорадка в стадии обострения»*, 17.03. 2007).

С помощью такого аналитического жанра, как комментарий, автор выражает отношение к актуальным событиям, формулирует связанные с ними задачи и проблемы в форме сжатого анализа недостатков и достижений, а также выражает их оценку, прогноз развития» [Тертычный, 2006, с. 120]. А.А. Тертычный подчеркивает «ярко выраженную целевую установку» автора сатирического комментария – «высмеять тот феномен, который привлек его внимание» [Тертычный, 2006, с. 281]. Данной установке соответствует манера изложения, в которой значимы «сатирическая типизация (она является видом художественно-образной типизации), ирония, литота, гиперболизация» [Тертычный, 2006, с. 281]. Эти особенности определяют выбор автором

именно «живописного» стиля передачи чужой речи. Например, в сатирическом комментарии А. Белокурова в метонимическом выражении используется определение *немецкий*, хотя на самом деле первое процитированное высказывание приписывается Наполеону Бонапарту или Уинстону Черчиллю: <...> *ум немецкий не в силах понять таких вещей и только бессильно констатирует: «В России нет дорог, одни направления», «Россией можно править, но невозможно управлять»...* («Казалось, что хотелось, но оказалось, хотелось, потому что казалось», 16.06.2007). Опираясь на современное толкование слова *немецкий*, читатель обнаружит значимую в контексте синекдоху и, возможно, найдет ее истоки, обратившись к истории русского языка и русской культуры (см. у В.И. Даля: *нѣмецъ* – «неговорящий по-русски, всякій иностранецъ съ запада, европеецъ» [Даль, 1994, с. 562]). Происхождение второго процитированного высказывания из того же сатирического комментария точно установить не удалось. Возможно, оно является квазицитатой и основано на трансформации высказывания Г. Брума: *Просвещенный народ легче вести, но его труднее гнать, им легче управлять, но невозможно поработить*. Думается, замысел автора, использующего «живописный» стиль введения чужой речи, не связан с обозначением определенной референтной отсылки, а напротив, ориентирован на пробуждение творческого подхода читателя, вовлечение его в своего рода ассоциативно-смысловой «лабиринт» (именно так в семиотическом анализе общения читателя с текстом У. Эко характеризует «абстрактную модель догадки»: [Эко, 2011, с. 109]). Причем вовлечь себя в этот «лабиринт» позволит не каждый читатель: стиль изложения позволяет автору «отобрать» своего читателя, готового включиться в пространство игры, догадок, интерпретаций. В этом случае метод изложения в газетном тексте приближается к майевтике Сократа, поскольку автор помогает «рождению истины», а не дает ее как готовую, четко сформулированную.

Актуализация связей с культурным пространством, усиливая диалогическую ориентацию текста, выполняет в аналитической и художественной публицистике несколько функций, среди которых отметим концептуальную, эмоционально-образную и композиционную, взаимосвязанные в контексте.

Концептуальная функция заключается в выражении ключевых для автора мыслей. Так, сам характер отбора журналистом источников для цитирования подчеркивает в работах В. Немирова значимость мысли о живой связи поколений. Например, заголовок материала «*Кузнецких людей радением*» (04.06.2009) является цитатой из доклада царю воеводы Михаила Овчина. Это высказывание, в свою очередь,

приводится со ссылкой на работу бийского историка-краеведа Сергея Исупова «Как кузнечане Бийск строили».

Заголовок другого материала В. Немирова – «Тонкая связь поколений» (20.06.2009), – посвященного такому важному для города событию, как 80-летие Кузнецкого металлургического комбината, является реминисценцией. Автор объясняет интертекстуальную связь заголовка с другим заголовком – «Живая связь поколений»: *Сегодня город отмечает 80-летие с того дня, когда «на Горбуновскую площадку, окруженную болотами и чахлым кустарником, пришли первые артели землекопы». Между прочим, я цитирую передовую статью «Кузнецкого рабочего» тридцатилетней давности, которую написал Николай Ермаков, тогдашний первый секретарь горкома КПСС, и которая озаглавлена «Живая связь поколений». Материал отражает одну из важнейших для человека тем и выражает авторскую позицию с помощью трансформации исходного выражения – замены словарного компонента, введения другого метафорического эпитета (контекстуального антонима по отношению к высказыванию Н. Ермакова). Журналист говорит об умерщвлении связи поколений: *Заголовок этой статьи сегодня читать как-то неловко, я бы сказал, даже стыдно. Мы уж не раз говорили о том, как постепенно умерщвляли «живую связь поколений», сначала лишив комбинат его имени. Экспрессия передана с помощью использования смысловой лексической парадигмы со связью несовместимости «умерщвляли – живую». Важно отражение в тексте нравственных категорий, обозначенных эпитетами *неловко, стыдно*. Стыд – это ощущение современника, осознающего, что нарушаются нравственные заповеди. Если Николай Ермаков уверен, что «традиции Кузнецкостроя живы сегодня и будут жить завтра, всегда», то наш современник Валерий Немиров вынужден сказать «увы»: *Увы, в нашем сегодня такой уверенности что-то не просматривается.***

Эмоционально-образная функция основана на использовании чужих высказываний, обогащающих текст коннотативной информацией комического или лирического характера. Комическая тональность характерна для современной газетной публицистики и создается благодаря взаимодействию чужой речи с контекстом. Неоднократно чужая речь вводится с помощью приема анамнезиса – цитирования по памяти (см. определение приема: [Москвин, 2006, с. 56]), создающего эффект живого, во многом спонтанного слова. Например, в городском дневнике В. Немирова «Консервная банка с окурком» (03.04.2010) использован прием анамнезиса, включенный в контрастное изложение воспоминаний автора и его сегодняшних впечатлений: *До сих пор помню золотистые капли масла, плавающие на поверхности. <...> Открываю*

банку и вижу, что нынешняя килька мало похожа на прежнюю: не килька, а килькины дети, право слово, мелочь какая-то (чем ловили?), да и соус к томату по виду отношение имеет малое. С помощью анамнезиса, гармонирующего с духом воспоминания, вводится цитата из известного монолога А. Райкина: *Вкус, как говорил Аркадий Райкин, специфический*. Цитата оживляет у представителей старшего поколения образ выступающего артиста, с его богатейшей мимикой, выразительной интонацией, благодаря чему эпитет *специфический* наделяется коннотациями.

Мастером в работе с интертекстом является А. Белокуров, прекрасно владеющий «живописным» стилем, Например: *Представились безбрежные золотые нивы Канзаса, пьяные негры заодно орут ча-стушки: «Дайте в руки мне гармонь, золотые планки...» («Казалось, что хотелось, но оказалось, хотелось, потому что казалось», 16.06.2007)*. Введенные журналистом реминисценции основаны на использовании известных образов, наполняющихся в тексте авторскими коннотациями, при этом образы существуют не «точечно», а включаются в ассоциативные комплексы. Так, ассоциативный комплекс передает гротескную характеристику иностранцев, являющуюся одновременно характеристикой ограниченности взглядов радикальных патриотов: *Да и вообще, каждый знает, что у инородцев черное небо, говорят они по-вороны, рождаются слепыми, с маленьким хвостиком и медным рогом («Нашему царю показали фигу. Умрем все до последнего!»), 03.09.2005)*. Приведем примеры других ярких ассоциативных комплексов А. Белокурова: *Так бы и обрели мы свое мужественное патриотическое счастье, кабы не сволочная заокеанская мышка. Которая бежала там где-то себе, хвостиком махнула – так, между прочим, не по злобе даже – просто неуклюжая или блошка цапнула. Но наше яичко снесла. Напрочь. Так, что Владимир Владимирович вынужден был снова выступить с заявлением («Когда есть нечего, все равно, в какой руке вилка, а в какой нож», 25.08.2007); Законодательным мужам, как в сказке, отведено место у Лукоморья – подле дуба. На цепке. Помните? «Пойдет направо – песнь заводит, налево – сказки говорит». Песни и сказки теоретически влияют на удои молока и цены на сыр. Но очень сложным образом («Когда поет далекий друг, теплой и радостней вокруг», 27.10.2007)*. Безусловно, при включении такого рода реминисценций концептуальная функция соединяется с эмоционально-образной, причем важнейшей тональностью изложения становится ирония.

Реже в газетной публицистике создается лирическая тональность. В большей степени она характерна для городских дневников В. Неми-

рова. Например, заголовок материала *«И тема угадана»* (3.10.2009) является цитатой из поэтического текста Юрия Левитанского. Другая строчка из стихотворения гармонирует с пейзажной зарисовкой лирического характера и приводится в тексте как оформленная цитата: *«Золотая» – подходящий эпитет для нынешней осени. Выбрались за гор-род: тихо, прозрачно, струится солнечный свет, и в его потоках неслышно сыплется желтая листва. Хорошее время, когда, по словам поэта Юрия Левитанского, «замысел ясен и тема угадана». И скоро ветер задует последнюю свечу.* Последнее предложение из приведенного примера является реминисценцией и отсылает к ключевому в упомянутом стихотворении («Я люблю эти дни...») образу гаснущей свечи: *<...> как в «Прощальной симфонии» – ближе к финалу – ты помнишь, у Гайдна – / музыкант, доиграв свою партию, гасит свечу <...>; <...> все просторней, все глуше в осеннем лесу – музыканты уходят – / скоро скрипка последняя смолкнет в руке скрипача – / и последняя флейта замрет в тишине – музыканты уходят – / скоро-скоро последняя в нашем оркестре погаснет свеча...* Настроение журналиста, выраженное в лирико-философском контексте, созвучно поэтическому произведению.

Композиционная функция состоит в том, что чужое слово участвует в организации парадигматических связей между входящими в текст высказываниями. Эти связи в единичных случаях основаны на формальных признаках, но чаще всего – на смысловых.

Так, формальное соотношение высказываний в контекстах, где используется чужое слово, позволяет реализовать людическую функцию (выделена Г.Г. Слышкиным как одна из функций концептов прецедентных текстов, см. об этом: [Карасик, 2004, с. 43]). Например, А. Белокуров на основе игровой манеры изложения строит искусственный риторический приступ в материале *«Молчание – золото. Будешь много молчать – ограбят»* (23.09. 2006): *Все-таки цифра «три» обладает какой-то маической притягательностью. «На муромской дороге стояли три сосны», «Три тополя на Плющихе», «Три мифа о Путине».* Здесь связанное с культурной информацией имя числительное становится ассоциативной скрепой для фрагментов текста.

Смысловое соотношение нескольких высказываний в контексте создает эффект стереоскопического изображения. При этом могут соотноситься несколько чужих высказываний или авторская речь и чужое высказывание. Чужая речь вводится с помощью приема анамнезиса. Стилистический эффект цитирования связан с тем, что, с одной стороны, чужое слово иллюстрирует мысль, усиливая смысловые акценты, а с другой, – взаимодействие чужой речи с контекстом создает

эмоционально-образную окраску: *Потому у нас все хорошо, а если что плохо – так это виноват Запад. Как мудро говорил Иван Васильевич Грозный, запрудив Волхов трупами новгородцев: «Все, что ни случилось с нами плохого, все это происходило из-за германцев» («Нашему царю показали фигу. Умрем все до последнего!»), 03.09.2005).*

Используется смысловое развертывание текста на основе тождества (автор подбирает парафразы) или сходства. Например, несобственно-прямая речь в сатирическом комментарии А. Белокурова «Нашему царю показали фигу. Умрем все до последнего!» передает голос не принимающих западную критику российской действительности и склонных во всем винить Запад. Следующая далее конструкция с прямой речью содержит мысль, сформулированную в форме несобственно-прямой речи, и ее парафраз – высказывание А.С. Пушкина: *А тут еще «Штерн», «Фокус» и прочая желтоватая пресса вздумали про нас писать плохо. (Пишут-то они давно так, просто мы их не читали.) О курортных привычках наших новеньких русских, о вонючих подъездах, о поборках на дорогах... Не трожь грязными лапами наше святое! То есть, как сказал Пушкин: «Я, конечно, презираю Отечество мое с головы до ног – но мне досадно, когда иностранец разделяет со мной это чувство».*

Наряду с приемом «стилистического перевода» – подбора тождественных по смыслу, но различающихся стилистически высказываний – журналисты используют также метод аналогии, вводя высказывания не тождественные, а сходные по смыслу. Например: *Отец размышляет над графой «Общедомовые нужды», которые обозначены суммой в 683 рубля 83 копейки. Он восхищен: «Я же могу один содержать подъезд за свои деньги!!!» Наверное, с такой же интонацией восклицал пролетарский писатель Горький: «Человек – это звучит гордо!» (городской дневник «У матросов есть вопросы», 30.01.2010).* Благодаря приведенной аналогии контекст приобретает ироничное звучание. Или: *На прошлой неделе сразу в двух серьезных письмах в редакцию нашел знаменитую цитату из «плана Даллеса»: «... Мы бросим все на оболванивание и одурачивание людей... Честность и порядочность будут осмеиваться...» и т.д. Как верно подмечено, выражается он примерно как султан в средневековых текстах: «Я, безбожный султан Махмуд, со своим окаянными войском пришел на светлую Русь, чтобы сжечь ваши святые церкви, а на их месте построить свои поганые идолища...» («Нашему царю...»). Так достигается эффект усиления авторских смысловых акцентов. В приведенном примере чужое слово выражает иную позицию, не совпадающую с ав-*

торской и заключающуюся в создании образа Запада, виноватого во всех бедах России.

Частный случай реализации отношений сходства при передаче чужой речи – прием экземплификации (см. о нем: [Москвин, 2006, с. 353]). В этом случае чужое слово не только иллюстрирует авторскую мысль, усиливая смысловые акценты, но и сопровождает используемый пример, оживляющий изложение и выстраивающий определенные смысловые ряды: *Патриотизма иногда бывает постыдно мало. Как правило, обнаруживается это только в битве. В частности Геродот рассказывает о жителях города, удравших с поля битвы. Когда царь догнал их и принялся стыдить – дескать, а как же родина, отеческие боги, жены и дети <...> («Нашему царю...»); Потому у нас все хорошо, а если что плохо – так это виноват Запад. Как мудро говаривал Иван Васильевич Грозный, запрудив Волхов трупами новгородцев: «Все, что ни случилось с нами плохого, все это произошло из-за германцев» («Нашему царю...»).*

Таким образом, в актуализации интертекстуальных связей газетной публицистики взаимодействуют такие функции цитирования, как концептуальная, эмоционально-образная и композиционная, причем чужая речь активно «ассимилируется» контекстом, подчиняется авторским целям концептуальной и экспрессивной актуализации. Особое разнообразие интертекстуальных связей, представленных реминисценциями и аллюзиями, характерно для жанра сатирического комментария, нацеленного на аналитическую и яркую интерпретацию событий. Региональное начало проявляется в авторстве и содержании приводимых цитат и в рассмотренном материале раскрывается в жанре городского дневника. Именно для городского дневника характерно использование наряду с иронией (господствующей тональностью изложения современной аналитической и художественной публицистики) лирической окраски, гармонирующей с исповедальным началом жанра.

Литература

- Бахтин М.М. Тетралогия М., 1998.
Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста. Томск, 2008.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. М., 1994. Т. 2.
Дускаева Л.Р. Языково-стилистические изменения в современных СМИ // Стилистический энциклопедический словарь. М., 2003.
Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М., 2004.
Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. М., 2006.

Пантыкина Т.С. Особенности идиостиля В. Немирова (на материале городской газеты «Кузнецкий рабочий», 2005–2006 годы) // Социальная работа, реклама и связи с общественностью в новом коммуникативном пространстве: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Томск, 2006.

Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М., 2006.

Эко У. Заметки на полях «Имени розы». М., 2011.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОППОЗИЦИИ «СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ – НАРОД» В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Н.С. Данкова, Т.В. Дубровская

Ключевые слова: судебная власть, народ, оппозиция, СМИ, репрезентация отношений.

Keywords: judicial power, people, opposition, mass media, representation of relations.

Тема взаимоотношений власти и народа является на данный момент одной из самых обсуждаемых в разных областях знаний: социологии, политологии, психологии, лингвистике [Зуева, 2002; Ильченко, 2011; Мкртчян, 2001; Харламова, 2009; Чеснокова, 2009; Шипов, 2009]. Нередко отмечается наличие дистанции между властью и народом [Dubrovskaya, Kharlamova, 2012] и концептуальной оппозиции указанных субъектов [Невинская, 2006]. В перечисленных работах рассматривались взаимоотношения между народом и законодательной властью, народом и исполнительной властью, но направленных исследований оппозиции «судебная власть и народ» нам не встречалось. Отдельные аспекты отражения в дискурсе взаимоотношений между судебной властью и народом были рассмотрены нами в работах, направленных на исследование интервью с судьями и публичных речей судей как жанров, позволяющих судебной власти представить свою роль в функционировании общества [Дубровская, 2010а; Дубровская 2010б]. Кроме того, были изучены некоторые особенности репрезентации института судебной власти в английских СМИ [Дубровская, 2008].

Полагаем, что репрезентация института судебной власти в отечественных СМИ также заслуживает внимания, поскольку судебная власть является самостоятельной ветвью государственной власти, в значительной мере определяющей благополучие общества. Более того, судебная система претерпела за последние десятилетия значительные

изменения, декларировались попытки сделать судебную систему справедливой, прозрачной и доступной для всех. Происходящие процессы и их результаты находят отражение в медийных текстах, которые являются своеобразным лакмусом отношений между властью и народом. В одной из предыдущих работ мы отмечали противоречивость сложившейся в России ситуации: в средствах массовой информации (СМИ) доминирует отрицательный образ судебной власти, но при этом все больше и больше людей обращается за защитой своих интересов в суд и рассчитывает на справедливое разрешение конфликта в юридической плоскости [Дубровская, Гуляйкина, 2013]. Можно сказать, что указанная выше статья положила начало рассмотрению роли отечественных СМИ в создании имиджа судебной власти, и мы продолжим изучение проблемы. В русле критического анализа дискурса, мы полагаем, что дискурс СМИ является управляющей силой в обществе, в значительной степени конструирует социальную действительность [Bloor, Bloor, 2007] и определяет способ репрезентации отношений между судебной властью и народом. Таким образом, **целью нашего исследования** является выявление в отечественных СМИ типичных репрезентаций отношений «судебная власть – народ», которые впоследствии интерпретируются аудиторией и конструируют социальную действительность.

Материалом для исследования послужили статьи о судебной власти и представителях системы правосудия, опубликованные в правительственной «Российской газете» (далее «РГ») и оппозиционной «Новой газете» (далее «НГ») в период с января по октябрь 2013 года. Количество публикаций составляет 25 статей для «РГ» и 25 статей для «НГ».

Методика обработки материала включает несколько шагов и базируется в значительной мере на методике анализа, предложенной в работе М.Д. Невинской [Невинская, 2006]. Во-первых, были выбраны и сопоставлены назывные лексические единицы, представляющие субъектов оппозиции. Во-вторых, выделены основные топосы, в рамках которых выстраивается оппозиция в отношениях «народ – судебная власть». В-третьих, в рамках выделенных топосов проанализированы языковые средства, которые используются для характеристики данных субъектов. В результате сделан вывод о способах репрезентации в печатных СМИ существующих отношений между народом и судебной властью.

Отношения между судебной властью и народом рассматриваются как отношения между статусно неравными субъектами. То, что статус представителей судебной власти значительно выше статуса народа,

находит отражение, прежде всего, в **назывных лексических единицах**, применяемых как в правительственной, так и в оппозиционной прессе. Судебная власть представлена как *«люди в черном»* (РГ 06.09.2013), *«люди в мантиях»* (РГ 03.10.2013), *«служители Фемиды»* (РГ 09.06.2012), *«представители Российской Фемиды»* (НГ 31.07.2013). В приведенных номинациях полностью устранено личностное начало, обозначена принадлежность судей к некому элитному сообществу, приближенность к богам. В ряде случаев журналисты прибегают к образным средствам языка, чтобы подчеркнуть дистанцию между судебной властью и народом. Именно такую функцию выполняет метафора *«черная птица судьбы на возвышении»* (РГ 20.09.2013), в которой просматривается явное указание на физическую удаленность судьи от остальных участников судебного процесса. Для обозначения субъекта «народ» СМИ используют обобщающие нейтральные номинации *«граждане»* (РГ 03.10.2013), *«люди»* (РГ 24.09.2013), *«общество»*, *«страна»* (РГ 14.01.2013) и т.д. Таким образом, назывные лексические единицы отражают дистанцию между судебной властью и народом, представляя в обезличенном и обобщенном виде обе группы, первая из которых занимает более высокое положение по отношению ко второй.

Анализ материала СМИ позволил выделить некоторые **тематические доминанты**, в рамках которых выстраивается оппозиция «народ – судебная власть». Отмеченные нами топосы несколько отличны от тех, что выделяет М.Д. Невинская [Невинская, 2006], поскольку для обсуждения функционирования судебной власти характерны свои проблемы. Итак, выделенные нами топосы включают топосы доверия / недоверия, защиты / произвола, единения / конфронтации. Под топосом мы вслед за классическими работами по риторике подразумеваем смысловые модели, которые представляют собой «общие места» [Михальская, 2011, с. 150].

Вопрос завоевания **доверия** граждан является актуальным для института правосудия. О существовании такого доверия говорит заместитель председателя Верховного суда России П. Серков, который в качестве аргумента приводит данные о количестве дел, рассмотренных судами общей юрисдикции страны. Его слова цитирует «РГ»: *«Постоянно возрастающая нагрузка на суды в последние годы – признак доверия граждан», – заявил он* (РГ 03.10.2013).

Однако в «РГ» фигурирует и тема **недоверия** народа к судебной системе, указана одна из причин недоверия – обвинительный уклон судебной власти: *«Пока весы нашего правосудия больше склоняются в сторону обвинения, и это вызывает недоверие к судебной системе»*

(РГ 24.09.2013). Отсутствие доверия к судебной системе рассматривается в качестве одной из причин нежелания предпринимателей инвестировать капитал в производство и массового отъезда людей из страны:

«Главная причина массового отъезда – отсутствие у людей ощущения собственной защищенности, во многом обусловленное недоверием к суду, потому что у них нет оснований полагать, что суд является независимым. По этой же причине не растут инвестиции ни иностранные, ни внутренние, и бизнесмены сегодня не хотят вкладывать деньги и развивать производство. Предприниматели боятся незаконных наездов, рейдерских захватов, необоснованных претензий контролирующих органов и не верят в то, что суд защитит их права» (РГ 24.09.2013).

Сами представители судейского сообщества и представители других ветвей власти также признают остроту данной проблемы и рассуждают о возможных способах ее решения на страницах СМИ, неоднократно повторяя ключевое слово «доверие». Так, председатель Высшего арбитражного суда РФ А. Иванов отмечает: *«Мы стоим перед лицом серьезнейшего кризиса – кризиса доверия к судебной системе, справиться с которым можно, но объединив наши усилия»* (РГ 14.01.2013). По словам председателя Комитета Госдумы по конституционному законодательству и государственному строительству Вл. Плигина, *«именно правосудие является сердцем правового государства, и добиться в этой области понимания, доверия общества особенно важно»* (РГ 06.09.2013). Эту же мысль подчеркивает и губернатор Краснодарского края А. Ткачев, чье высказывание цитирует «РГ»: *«Суд - символ власти. От вашей работы зависит уровень доверия не только к судебной системе, но и к государству»* (РГ 13.08.2013).

Оппозиционная пресса также затрагивает тему доверия, цитируя высказывания авторитетных лиц. Так, председатель президиума общественного движения по противодействию коррупции Приморского края П. Довганюк, комментируя работу краевых судов, заявляет: *«Сегодня судебная система Приморского края работает на подрыв доверия и уважения к президенту страны как к лицу, лично ответственному за работу судей»* (НГ 23.09.2013). Отрицательные характеристики системе правосудия дает «НГ», метафорично называя суды *«фастфудом, продающим обвинительные гамбургеры, отделами технического контроля (ОТК) на большом производстве и говоря о деградации судебной системы»* (НГ 24.07.2013). Топос доверия / недоверия в рамках отношений «судебная власть-народ» также затронут автором и представлен в виде следующей метафоры: *«Судья Блинов приговорил российскую судебную си-*

стему к высшей мере наказания — пожизненной потере доверия со стороны общества» (НГ 24.07.2013).

Важно отметить, что в «РГ» приводится значительное количество цитат из речи представителей судебного корпуса, которые получают возможность озвучить свою позицию по актуальным вопросам, и это способствует соблюдению определенного баланса мнений. В оппозиционной прессе, напротив, доминирует речь журналистов, а также присутствует значительное количество статей, в которых слово предоставляют пострадавшим, несправедливо обвиняемым (с позиции «НГ») по тем или иным делам, либо представителям общественности, оставшимся неравнодушными к ситуации последних и желающим огласить свое мнение.

Таким образом, в проправительственной «РГ» фигурирует как топос доверия, так и недоверия народа суду, тогда как в статьях оппозиционной «НГ», которые мы анализировали, топос доверия нам не встретился. То, что сами представители системы правосудия признают факт недоверия граждан суду и отмечают шаги в направлении решения данной проблемы, указывает на самокритичность и создает положительный имидж судебной системы. Однако значительное количество примеров отсутствия доверия суду со стороны общества свидетельствует о создании оппозиции «судебная власть – народ» в прессе.

Другой выделенный нами топос – **защита прав человека**. «РГ», желая подчеркнуть функцию ответственности власти за интересы общества и отдельно взятого гражданина, цитирует слова руководителя администрации президента С. Иванова:

«Создатели Основного Закона, по оценке руководителя администрации президента, смогли выполнить очень сложную задачу – найти золотую середину, форму общественного устройства: с одной стороны – гарантирующую все основные права и свободы человека, развитие гражданского общества, с другой – позволяющую строить сильную власть, способную защитить национальные интересы и в конечном счете – интересы каждого конкретного человека» (РГ 03.10.2013).

В частности, именно судебная власть призвана проявлять заботу и участие по отношению к простым людям, что констатируют сами представители судебной власти. По словам первого заместителя председателя Верховного Суда России П. Серкова, *«именно действующая Конституция возложила правозащитную функцию на судебную власть»* (РГ 03.10.2013). Председатель Высшего арбитражного суда А. Иванов напоминает об ответственности судебной власти перед народом: *«Мы, судьи, никогда не должны забывать о своем долге перед обществом и перед страной»* (РГ 14.01.2013). Наличие двойного отрицания придает особую весомость его высказыванию, а использование инклюзивного

«мы» в совокупности с приложением «судьи» звучит как призыв, обращенный к коллегам. Полагаем, что в приведенном высказывании содержится скрытая оппозиция: судьи с одной стороны и общество, страна с другой.

Топос произвола ярко и наглядно реализуется в оппозиционной «НГ» при обсуждении несправедливости судебных решений, что способствует созданию отрицательного имиджа судебной системы в глазах народа, а значит, конструированию оппозиции. Показательной в этом плане представляется статья «Каждому свое» (НГ 20.09.2013), название которой является прецедентным текстом и несет в себе эмоционально-оценочную коннотацию: «Каждому свое» гласит надпись над входом в концентрационный лагерь смерти Бухенвальд.

В статье идет речь о судебном процессе в отношении участников митинга на Болотной площади Москвы в мае 2012 года. Для создания отрицательно-оценочной картины судебного процесса используется лексика с негативной коннотацией: *двести долгих и утомительных часов, монотонная бубнежка прокуроров, казенное обращение, в тоне окрика, боль родных, пытка двенадцати невинных людей, мясорубка процесса, монотонное, повторяющееся изо дня в день надругательство над смыслом слов и временем жизни, монотонные процедуры и похабная ложь* (НГ 20.09.2013).

Институт судебной власти в целом и его конкретные представители также получают нелестные номинации: *ледяная издевка судьи, несомненная спайка с обвинением, суд сумасшедших, тайно захвативших власть над живыми людьми, машина власти, уничтожение суда как такового, стыд и позор страны* (НГ 20.09.2013).

Номинации абсолютно противоположного характера, подчеркивающие беззащитность и уязвимость людей перед властью, использованы по отношению к подсудимым: *заложники, узники, невинные, мирные сограждане, люди, которые не сделали ничего* (НГ 20.09.2013).

Такие стилистические приемы, как параллельные конструкции, градация, контраст, лексические повторы создают картину несправедливости, произвола и безысходности, царящих в системе правосудия:

«Второй год в тюрьме за то, что пришел на разрешенный митинг в центре Москвы. Второй год без нормальной еды, без нормального сна, без нормального воздуха, без общения с близкими (его запретила судья на время процесса), без свободы выйти в город и выпить кофе в кафе, без катания на велосипеде по дорожкам, которые так заботливо прокладывает для нас мэр, без интернета, без любимого кресла и расслабляющего дивана, без душа и сигареты, выкуренной в родном доме в створку окна, без телефонных разговоров, без цветов на подоконнике,

без всего того, что составляет нормальную человеческую жизнь. Второй год идет пытка двенадцати невинных людей лишением их нормальной человеческой жизни» (НГ 20.09.2013).

Используемые языковые средства являются «действенным вербальным способом создания оппозиционного судебного системе настроя у читательской аудитории» [Дубровская, Гуляйкина, 2013, с. 122]. Одновременно эти языковые приемы способствуют конструкции оппозиции «судебная власть – народ». Еще более выразительно данная оппозиция проявляется в следующем примере, где в ходе процесса подсудимый обращается с вопросом к представителям власти:

«Они делают вид, что не слышат. Судья на своем возвышении тоже старательно не слышит. Все представители суда, охраны и обвинения делают вид, что не слышат этот глухой голос слепнувшего заложника, тринадцать месяцев сидящего в тюрьме ни за что, потому что такой простой и короткий вопрос они не хотят, не должны, не могут себе позволить услышать. Не слышит этого вопроса президент страны <...> Не слышит этого вопроса и премьер-министр, который вообще-то у нас юрист и прекрасно понимает, что в высоком торжественном зале, на глазах у всей страны, день за днем и месяц за месяцем происходит уничтожение суда как такового» (НГ 20.09.2013).

Таким образом, народу в лице *мирных сограждан* противопоставлены представители как законодательной и исполнительной власти, так и судебной. Особо подчеркивается физическая дистанция между судьей и остальными участниками процесса (*на своем возвышении*). Оппозиция выстраивается также использованием образных средств: гиперболизации (*побоища, устроенного полицией*), литоты (*сидящего в тюрьме ни за что*), сравнения (*словно они победили великого врага, а не избili мирных сограждан*), метафорических высказываний (*уничтожение суда как такового*).

Судебному процессу в отношении участников митинга на Болотной площади посвящено большое количество статей в «НГ». В них процесс характеризуется как *«выдуманный в подлой голове и сконструированный по грязным, в бурых пятнах, лекалам Ежова и Берии, не только фальшивый, но еще и плохо, дурно, криво сделанный»* (НГ 27.07.2013), а основную идею этих публикаций можно резюмировать следующим образом: *«во всем этом деле живет и дышит непреодоленный, неуничтоженный ГУЛАГ»* (НГ 27.07.2013).

Судьи подвергаются критике не только в тех случаях, когда их приговоры кажутся слишком строгими и безосновательными. В ряде публикаций, напротив, речь идет о судебных решениях, которые в недостаточной мере реализуют функцию наказания. Показательным приме-

ром такой публикации представляется нам статья «Вы кого судить собираетесь?!» (НГ 13.09.2013), в которой сообщается о *чрезмерно снисходительном* приговоре полицейскому, зверски убившему пятнадцатилетнего подростка: «Судья Елена Алексеева сочла, что для «исправления» Иванову хватит 6,5 года колонии строгого режима, полтора года из которых ему зачтутся за пребывание в СИЗО». Глагол «хватит» имеет отрицательную коннотацию и выражает оппозиционное по отношению к суду и приговору мнение автора статьи. Журналист также цитирует слова матери убитого, которые подчеркивают беспомощность обычного человека перед системой власти: «В суде, после вынесения приговора, журналисты спрашивали: что я чувствую? В тот момент я не могла говорить. Сейчас скажу: бессилие». Заканчивает статью риторический вопрос женщины: «И меня мучает только один вопрос: а у этой страны есть будущее?» Вывод, который предлагается газетой читателю, очевиден – будущего нет.

«РГ» тоже затрагивает тему судебного произвола, но делает это в более мягкой форме, отмечая проблемы, стоящие перед судебной системой, которые необходимо решать. А именно речь идет о *колоссальных полномочиях* председателей судов, зависимости вопросов о распределении дел между судьями, карьеры судьи, судейских надбавок и т.д. от самих председателей судов, что *не согласуется с независимостью при осуществлении правосудия* (РГ 24.09.2013). Представляется, что в том виде, в каком проблема чрезмерной власти судей представлена в «РГ», она не конструирует оппозицию «судебная власть – народ», поскольку акцент ставится главным образом на противоречиях внутри самого судебного сообщества.

Таким образом, тоpos защиты наглядно раскрывается в проправительственной «РГ» и озвучивается самими представителями судебного корпуса, которые признают высокую степень ответственности перед обществом за результаты своей профессиональной деятельности. Данная репрезентация создает положительную картину отношений между судебной властью и народом, однако отрицательно-оценочные эпитеты, характеризующие несправедливость судебного решения, являются признаком конструирования в прессе оппозиции между судебной властью и народом. В «НГ» данная оппозиция проявляется гораздо более наглядно и выражена лексическими, синтаксическими и образными средствами языка.

В СМИ прослеживается не только тенденция к противопоставлению судебной власти и народа, но и тема их **единения**, которая находит свое отражение в высказываниях, направленных на формирование положительного образа судебной системы: «Сейчас в экспертном сообще-

стве звучат самые разные идеи, как улучшить работу наших судов» (РГ 03.10.2013). Инклюзивное местоимение *наших* говорит о причастности общества к процессу, о намерении произвести изменения, которые пойдут на благо простым людям.

«РГ» цитирует слова руководителя администрации президента С. Иванова, который подчеркивает принцип юридического равенства, заявленный в Конституции РФ: *«Безусловным достоинством Конституции Сергей Иванов назвал принцип юридического равенства. «Такое равенство предполагает, что не только граждане, но и сама власть подчинена праву», – сказал он»* (РГ 03.10.2013). С одной стороны, ссылка на принцип равенства ставит власть и народ на одну ступень, уравнивает их права. С другой стороны, упоминание граждан и власти как двух отдельных субъектов автоматически разводит их в разные стороны и образует оппозицию.

Подобный противоречивый эффект наблюдается и в других примерах. Председатель Высшего арбитражного суда А. Иванов говорит о необходимости сделать судебную систему более открытой и доступной, в том числе путем возможности получения любой информации из зала суда: *«Мы должны понимать, что за стремлением к закрытости и нежеланием разговаривать кроется обычное высокомерие <...> Но мы не можем себе позволить отворачиваться от общества»* (РГ 14.01.2013). Местоимение *мы* в данном контексте не выполняет функцию объединения в одну группу судебной власти и народа; оно имеет ограниченную референцию и касается только судейского корпуса. Происходит противопоставление «мы» (судейский корпус) и «общество».

Наряду с неявными проявлениями оппозиции в газетных публикациях просматривается и эксплицитно выраженная тема **конфронтации** судебной власти и народа. Попытке оправдать судью, уснувшего во время процесса, противопоставляется мнение общества. Журналистский комментарий полон иронии: *«Впрочем, народ от жалости к судьям, терпящим нечеловеческие муки, так и не заплакал»* (РГ 21.02.2013), и в нем явно просматриваются два «лагеря», противопоставленные друг другу: народ и судьи. Эмоционально-оценочное *«нечеловеческие муки»* употребляется иронически, и все высказывание в целом имеет гиперболический характер, что придает ему экспрессивность. Наличие «двух лагерей» подтверждает и следующее высказывание, описывающее ситуацию с заснувшим судьей: *«Народу же остается одно – тайная видеозапись служебного и человеческого безобразия и ее обнародование»* (РГ 21.02.2013).

Публикации в «НГ» широко используют метафоры для описания действий судей, направленных на подавление других сил. Представле-

ние судебной власти как активного агента реализуется рядом глаголов в действительном залоге, после которых употреблены прямые дополнения, обозначающие объекты действий со стороны судей: *регулирует выступающих адвокатов, гасит эмоции публики, держит в черном теле узника Акименкова, затыкает ему рот* (НГ 27.07.2013). Таким образом, судебная власть как агент противопоставляется всем остальным силам. Данная оппозиция усиливается благодаря стилистическому приему контраста: *«Так они ведут эту упорную борьбу, где один, в красной майке с Че Геварой, изнуренный тюрьмой, недосыпом, отсутствием нормального питания и монотонными процедурами процесса, бьется за право быть услышанным, а другая, в строгой черной мантии, сидящая под огромным золотым двуглавым орлом, пытается не дать ему сказать то, что он хочет»* (НГ 27.07.2013).

Противопоставление судьи как фигуры, наделенной властью, и простых людей, находящихся в этой власти, наблюдаем и в других примерах. В следующем фрагменте описывается реакция судьи на смех, вызванный решением суда отклонить ходатайство: *«И эта реакция очень разозлила судью, решившую выгнать весь первый ряд зрителей»* (НГ 10.08.2013).

Примером оппозиционности сторон могут служить и следующий журналистский комментарий: *«Вы рано уходите из зала, Ваша честь, вам следует один раз остаться и посмотреть, как родные узников, теснимые охраной в черном, машут им руками»* (НГ 27.07.2013). В данном контексте наблюдается эксплицитно выраженное противопоставление суда в лице судьи, исполняющей свои должностные обязанности и лишенной каких-либо человеческих проявлений, и общества в лице простых людей, обеспокоенных судьбами своих близких. Между сторонами наблюдается явная дистанция на физическом уровне (*теснимые охраной, уходите из зала*).

Таким образом, топос единения, фигурирующий главным образом в проправительственной прессе, раскрывается неоднозначно и противоречиво и нередко содержит в себе скрытую оппозицию, выраженную посредством репрезентации судебной власти и народа как двух отдельных групп. В «НГ» данная оппозиция выражена эксплицитно с помощью маркеров дистанцирования.

Анализ репрезентации в СМИ отношений между судебной властью и народом показывает, что представители судебной власти показаны как лишённые личностного начала и образующие сообщество, которое обладает полномочиями и стоит над народом. Представители народа выступают как отдельные лица в своем человеческом проявлении и находятся в полной зависимости от судебной власти. В рамках топосов дове-

рия / недоверия, защиты / произвола, единения / конфронтации просматривается разведение народа и представителей власти в «разные лагеря», но тенденция к созданию оппозиции менее ярко выражена в проправительственной прессе, в интересы которой, безусловно, не входит конструирование неблагоприятной дискурсивной картины общественной жизни. В оппозиционной газете, напротив, оппозиция «судебная власть – народ» просматривается явно и нередко строится на основе гиперболизации. Чтобы сделать выводы о зависимости дискурсивных репрезентаций от направленности газеты, требуется дальнейшее внимательное исследование речевого материала и разработка новых методик анализа этого материала.

Литература

- Дубровская Т.В. Интервью с судьями как гибридный тип дискурса // Юрислингвистика. 2010а. № 10.
- Дубровская Т.В. Публичные речи судей: диалог с аудиторией // Вопросы филологии. 2010б. № 2.
- Дубровская Т.В. Образ судьи и судебной власти в дискурсе английских СМИ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. № 3.
- Дубровская Т.В., Гуляйкина С.О. О роли печатных СМИ в создании имиджа российской судебной системы // Язык. Право. Общество. Пенза, 2013.
- Зуева Т.М. Образы политической власти в массовом сознании россиян: дис. ... д-ра. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2002.
- Ильченко А.А. Институциональные и технологические аспекты взаимодействия органов власти и общества: дис. ... канд полит.наук. Астрахань, 2011.
- Михальская А.К. Русский язык: Риторика. М., 2011.
- Мкртчян А.С. Общественное мнение и власть: Проблемы взаимодействия: дис. ... канд полит.наук. М., 2001.
- Невинская М.Д. Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе: дис. ... канд филол.наук. Волгоград, 2006.
- Харламова Т.В. Диалог власти и общества в России и США (на материале предвыборных программ партий) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2009. Т. 9. № 3.
- Чеснокова Т.Ю. Социально-психологические аспекты отношений народа и власти: дис. ... канд психол.наук. Санкт-Петербург, 2009.
- Шипов А.Л. Российская власть в оценках граждан (1993–2008 г.г.): дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.
- Bloor M., Bloor Th. The Practice of Critical Discourse Analysis: an Introduction. London, 2007.
- Dubrovskaya T., Kharlamova T. Representations of ideological and cultural values in modern Russian political discourse // Philologia Hispalensis. 2012. Vol. 26/1-2.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
НОМИНАНТОВ КОНЦЕПТА *ЛЮБОВЬ*
НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

М.В. Смоленцева

Ключевые слова: синонимы, концепт, любовь, русский песенный дискурс.

Keywords: synonyms, concept, love, Russian song discourse.

Эмоциональный концепт *любовь* рассматривается как многоаспектное явление. Компонентный анализ семантики номинантов концепта *любовь* позволяет установить базовую смысловую структуру исследуемого лингвоконцепта.

По данным русскоязычных лексикографических источников синонимический ряд номинанта концепта *любовь* включает существительные *влечение, влюбленность, вождеделение, восторг, избранье (устар.), обожание, пассия, предпочтение, приверженность, привязанность, признательность, пристрастие, приязнь (устар.), расположение, симпатия, склонность, слабость, страсть, тяга, (устар.), тяготение, увлечение, (разг.)* [Александрова, 1989, с. 172; Ключева, 1961; СС, 2001, с. 115, с. 221; ССРЯ, 2001, с. 522].

Лексема *любовь* часто встречается в русском песенном дискурсе. Она выражает «самоотверженную сердечную склонность, глубокую привязанность, влечение к лицу другого пола, расположение, симпатию к кому-либо, внутреннее стремление, склонность, тяготение к чему-либо, пристрастие к чему-либо» [Ожегов, 1973, с. 305].

Лексема *восторг* неоднократно используется для описания вариаций любви. *Восторг* выражает «необыкновенный подъем чувств, экстаз, упоение, а также восхищение, огромное удовольствие, радость (разг.)» [Ожегов, 1973, с. 92]. Лексема *восторг*, описывающая чувство человека в состоянии любви в русском языке признается синонимом заглавного слова *любовь* [ССРЯ, 2001, с. 522]: «*Восторг любви нас ждет с тобою, / Не уходи, не уходи*» [Люб. песн., 1994, с. 41].

Если согласиться с определением, что любовь – это связь, или *привязанность*, между двумя людьми [Александрова, 1989, с. 172], тогда мы вынуждены будем признать, что ни человеческая фантазия, ни самый изощренный ум не могли бы породить более прочной, более универсальной связи, основанной на «чувстве близости, глубокой симпатии, преданности кому/чему-нибудь» [Ожегов, 1973, с. 540]. Чувство *привязанности* в русском песенном дискурсе проявляется имплицитно

(«Не забудь меня, мой милый друг!/ На что оставляешь сердце бедное./ Без тебя оно не надобно!» [Лир. песн., 1990, с. 284]).

Синонимический ряд заглавной лексемы *любовь* продолжают слова *страсть* и *влечение*. Релевантным для русского языкового сознания является то, что лексема *страсть* является синонимом слова *любовь*, которая обозначает «сильно выраженное чувство, увлечение, создаваемое побуждениями инстинкта, сильное влечение к чему-нибудь, постоянную склонность, а также сильную, безудержную любовь с крайним преобладанием чувственного, физического влечения, душевный порыв, безотчетное влечение, необузданное, неразумное хотенье» [Ожегов, 1973, с. 710]: *«Не уходи, побудь со мною./ Пылает страсть в моей груди»* [Люб. песн., 1994, с. 41]. Согласно «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова *влечение* определяется как «сильная склонность к кому-нибудь, чему-нибудь» [Ожегов, 1973, с. 80]. В песенном любовном дискурсе реципиент, выражая свое искреннее чувство любви, признается в том, что испытывает влечение: *«У меня к тебе влечение, / Безо всякого сомнения»* (<http://www.pojelanie.ru>). Очевидно, что *страсть* и *влечение* различаются степенью интенсивности.

Помимо того, что *любовь* является эмоцией и относится к сфере эмоциональных переживаний, ее сопровождает переживание потери. Вследствие этого, *боязнь потери любимого человека* в некоторой степени может предполагать определенный склад души: предусмотрительность, осторожность, нерешительность, неуверенность в себе: *«Потеряла я колечко, / Потеряла я любовь»* (<http://www.pojelanie.ru>).

Влюбленность определяется как «пылкое, страстное состояние любви» [Даль, 1978, с. 214], но обычно эта эмоция характеризуется меньшей продолжительностью и стойкостью, чем непосредственно сама *любовь*: *«Зачем тебя я, милый мой, узнала, / Зачем ты мне ответил на мою влюбленность?»* (<http://www.pojelanie.ru>).

Лексема *влюбленный*, образованная при помощи постфикса *-н* и флексии *-ый* и обозначающая «субъекта, испытывающего или выражающего страстную любовь, влечение к кому-нибудь, чему-нибудь» [Ожегов, 1973, с. 80], часто встречается в песнях русского народа: *«А утром у входа в ворота завода / Влюбленному девушка встретится вновь»* (<http://www.pesni.retroportal.ru>).

Увлечение, которое является синонимом слова *любовь*, в русском языке имеет одну из дефиниций – «сердечное влечение к кому-нибудь, влюбленность» [Ожегов, 1973, с. 755]. В психологии оно определяется как стремление, которое относится не только к душе, но и к телу.

Редко *любовь* рассматривается как прототип *страдания*, то есть

«физической или нравственной боли, мучения» [Ожегов, 1973, с. 709]. В русском песенном дискурсе часто *любовь* выступает в качестве несчастной, страдательной: «*Может быть, ты перепутал час свидания, / Иль, быть может, перепутал день?.. / Я хожу одна, со мной мое страдание / Тоже ходит рядом, словно тень*» (<http://www.pesni.retroportal.ru>).

Так, в песнях «Позарастали стежки-дорожки» («*Где ж милый скрылся, где пропадает? / Бедное сердце плачет, страдает*» (<http://www.pesni.retroportal.ru>)), «Ромашки спрятались, поникли лютики...» («*Зачем вы девочки красивых любите / Одни страдания от той любви*» (<http://www.pesni.retroportal.ru>)), «Чудный месяц плывет» («*Но иди, пусть одна я страдаю. / Пусть напрасно волнуется грудь. / Для кого я жила и любила*» (<http://www.pesni.retroportal.ru>)) и «Разлилась Волга широко» («*До свиданья, – милый скажет, / А на сердце камень ляжет. / До свиданья, до свиданья, / Не забудь мое страдание*» (<http://www.pesni.retroportal.ru>)) *любовь*, являясь, с одной стороны, положительной эмоцией, влечет за собой, с другой стороны, негативные последствия.

В русском песенном дискурсе лексема *расположение* выступает в качестве синонима номинанта концепта *любовь*, одним из значений этой лексемы, согласно «Словарю русского языка» С.И. Ожегова, является «хорошее, отношение, тяготение, симпатия к кому-нибудь, чему-нибудь; желание, настроение» [Ожегов, 1973, с. 609]: «*Ах вы очи, очи ясные, / Вы глядели, да огляделися, / Не по моему расположенью вы друга выбрали, / Не по моему по обычаю*» [Люб. песн., 1994 с. 287].

Особое внимание заслуживает ряд лексем *охота*, *охотушка*, *избранье*, *зазноба*, *зазнобушка*, *забавушка*, которые не значатся как синонимы в лексикографических источниках, но контекстуально зафиксированы как синонимы номинанта концепта *любовь*.

Лексема *охота* в «Словаре русского языка» определяется как «желание, стремление» (разг.) [Ожегов, 1973, с. 444]. В русском песенном дискурсе встречается ее диминутив *охотушка* («*Свою волюшку я да ле те... ой, тешила, / Ой тешила, да ле ой, / Свою волюшку да ох... ой, охотушку, / Охотушку, да ле ой, / полюбила я да парня да... ой, дальнего*» [Лир. песн., 1990, с. 339]).

Лексема *избранье* используется для обозначения субъекта любви («*Воротись, моя надежда, / Во... ой, воротися, сердце, эй, ну! / Воротись, мое избранье...*» [Лир. песн., 1990, с. 338]).

Особый интерес представляют дериваты лексем *зазноба*, обозначающей любовное влечение, страсть (устар., обл.): существительное, образованное при помощи уменьшительно-ласкательного пост-

фикса -ушк, («*Есть не малая заботушка – / В ретивом сердце зазнобушка*» [Лир. песн., 1990, с. 280], «*Хорошо тому на свете жить, / У кого нету заботушки, / В ретивом сердце зазнобушки*» [Лир. песн., 1990, с. 291]), а также глагол *зазнобить*, имеющий в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля значение «влюбить в себя, возбудить в ком-либо страстную любовь» [Даль, 1978, с. 579] («*Зазнобил меня любезный друг, / Зазнобил сердце, повысушил*» [Лир. песн., 1990, с. 280]).

Необходимо отметить, что в любовном песенном дискурсе была отмечена лексема *забавушка*, которая, выступая в функции детерминанта слова *любовь*, служит для обозначения легкого, мимолетного, не очень серьезного состояния любви. Ее прямая дефиниция – «детская игрушка» (разг.) [Даль, 1978, с. 549], но в поэтической речи она может выступать в качестве синонима любви: «*Во зеленой травушке муравушке / Не сыскать растерянных колец / Не найти любви забавушки / Тут и счастьяцу конец*» (<http://www.waplib.ru/lib.ru>).

Следующий номинант эмоции *любовь* – *слабость*, входящий в синонимический ряд [СС, 2001, с. 221], имеет стилистическую помету (*разг.*), что указывает на употребление преимущественно в обиходно-разговорной речи, а также нередко в песенном дискурсе: «*Подайте мне мальчишку, в того что влюблена. / Подали ей гитару, / Налили ей вина, / Но не дали мальчишку, к тому, что слабость испытывала она*» (<http://www.pesni.retroportal.ru>). В основе переживания чувства, имеющего имя *слабость*, лежит эмоция *любовь*, сопровождаемая страстным влечением. Слово *слабость* означает «страсть, влечение, склонность, симпатию, которую трудно преодолеть (разг.)» [Ожегов, 1973, с. 669], например, «*Может быть, влюбляясь, ты меня позабыл, / И смеешься слабости, что всегда мне мил?*» [Собр. нар. рус. песн., 1955, с. 72].

В большинстве словарей синонимов лексема *обожание* также признается синонимом лексемы *любовь* [СС, 1975, с. 221; Александрова, 1989, с. 172]. *Обожание* определяется как «сильное, до крайней степени, любовное преклонение перед кем-нибудь» [Ожегов, 1973, с. 394]: «*Много я любил / Женщин молодых, / Но потом решил / Сразу бросить их; / И обожанию взамен / Вино будем пить, / Чтоб не знать измен, / Чтоб свободным быть!*» (<http://www.russianplanet.ru>).

Лексема *обожать* и ее дериваты нередко встречаются в русском песенном дискурсе. Согласно толковому словарю данное слово обозначает то, что «кто-то питает к кому-нибудь, чему-нибудь чувство сильной, доходящей до преклонения любви, сильно любит или про-

являет к кому-нибудь чувство сентиментальной влюбленности» [Ожегов, 1973, с. 394]: «Я ли тебя не любил, / Я ли тобой не гордился, / След твоих ног целовал, / Я тебя обождал» (<http://www.pesni.retroportal.ru>).

Следующий номинант эмоции *любовь* – *нравиться* обозначает «полюбить, найти себе по нраву, по вкусу, облюбовать; быть угодным, прийтись по нраву, по вкусу и по желанию; полюбиться кому-нибудь» [Даль, 1979, с. 558]. Особый интерес вызывает синтаксическая структура с данной глагольной лексемой, где предикат *нравиться* может быть однонаправленным (например, «Мне нравится она» = я к ней испытываю чувства, но не уверен во взаимности, или «Я нравлюсь ей» = она испытывает чувства ко мне, но неизвестно, испытываю ли я данную эмоцию) или двунаправленным, то есть реципрокным («Мы нравимся друг другу», что свидетельствует о полной гармонии), например, «Уж больно мне понравилась / Смышленная девчонка» [Рус. нар. песн., 1975, с. 205], «Понравилась мне, молодцу, / Пригожая девчонка» [Люб. песн. и ром., 2002, с. 16], выявление данного синтаксического признака часто зависит от контекста («Была весна, цвела сирень, и пели птишечки. / Братишка с Балтики сумел кой-что забыть. / Он очень нравился хорошенькой Наташечке, / И не хотел такой кусочек упустить» (<http://www.pesni.retroportal.ru>)). Необходимо отметить, что лексема *нравиться* может употребляться для описания положительных, приятных эмоций, испытываемых субъектом.

В аналогичной синтаксической структуре встречается предикат *быть милым(ой)*, именная часть которого образована от прилагательного *милый, мил*, часто обозначающей начальную стадию эмоционального состояния *любви*: «Молви, я мила тебе, иль отстать готов» [Собр. нар. рус. песн., 1955, с. 72]. Прилагательное *милый(ая)* в сочетании с лексемой *друг / подруга* нередко в русском песенном дискурсе используется для выражения субъекта любви: «У меня ль, у красной девицы, / Ни отца нету, ни матери, / ..., / Ни того ли мила друга, / Мила друга любовника» [Люб. песн., 1994, с. 250].

Проведенный компонентный анализ семантики номинантов лингвоконцепта *любовь* позволяет выявить ряд его семантических признаков, зафиксированных в лексикографических источниках:

1. В значениях всех лексем, составляющих синонимический ряд слова *любовь*, зафиксированы следующие семантические компоненты: «эмоциональное состояние», «чувство», «реакция на симпатию», «расположение», «склонность», «приятное, положительное/ отрицательное чувство». Данные признаки являются инвариантными прото-

типическими семантическими признаками эмоционального концепта любовь.

Семантические признаки: «интенсивность», «причинность», «продолжительность» являются общими сразу для нескольких синонимов. Эмоции различаются силой, или интенсивностью и глубиной переживания, что выражается следующим образом: чувство, сильное в смысле интенсивности или стремительности, с которой оно захватывает человека, может быть неглубоким. Обзор научной литературы показал, что в изучении семантических признаков эмоций большой вклад внес Ю.Д. Апресян. Он замечает, что при классификации эмоций по интенсивности необходимо иметь в виду, что шкала интенсивности для эмоций ассиметрична. Это значит, что на ней хорошо представлена норма интенсивности (удивление, неприязнь, восхищение, страх, грусть, радость, злость и другие прототипические эмоции) и большая степень интенсивности (изумление, ненависть, восторг, ужас, горе, ликование, ярость). Однако слабых эмоций, противопоставленных сильным, в русской языковой картине нет. Ю.Д. Апресян считает, что большую степень интенсивности следует трактовать как семантическую константу, которая должна включаться в описание всех сильных эмоций. Эмоции могут проявляться внешне и существенно различаться этими внешними проявлениями [Апресян, 1995, с. 371]. Так, изумление и восторг в большей степени требуют выхода в речи, поведении, действии, жесте или мимике, чем радость, любовь, удивление, восхищение соответственно: их можно испытывать, никак внешне не выдавая своих чувств. Возьмем за основу шкалу градаций эмоции *любовь* (см. схему 1.), полученную в результате психологического эксперимента и представленную непосредственными лексическими характеристиками данной эмоции в русском языке (<http://www.ksu.ru/fl10/publications/konf/romanov.pdf>).

сильно			средне			слабо
страсть	обожание	любовь	влечение	привязанность	влюбленность	симпатия

Схема 1.

В ходе лексико-семантического анализа синонимов заглавной лексемы *любовь* в песенном дискурсе выяснилось, что ее самыми интенсивными синонимами, характеризующими высшую степень любви, являются *страсть*, *завноба*, определяемые как сильное, до крайней степени, любовное преклонение перед кем-нибудь, а также слово *слабость* с пометой разговорное, обозначающее «страсть, влечение, склонность, симпатия, которую трудно преодолеть (разг.)». *Обожа-*

ние, причиной которого является «сильное, до крайней степени, любовное преклонение перед кем-нибудь», также отличается огромной интенсивностью. Меньшей интенсивностью обладает *влечение*, которое базируется на «непреодолимой склонности» и «сильном стремлении». Кратковременностью и относительной стойкостью отличается *влюбленность*. *Расположение* по интенсивности уступает *влюбленности* и включает в себя в большей степени «благоприятное отношение, симпатию». Если рассматривать синонимы любви на шкале градации по интенсивности, то «еще ниже ступенькой» будет находиться *увлечение*. Схематично мы можем предложить следующую шкалу градаций эмоции *любовь*, основанную на обобщении дефиниций, данных словарями, и определяемую контекстуально (см. схему 2).

сильно		средне					слабо		
страсть, завноба, слабость	обожание	боязнь потери близкого человека страдание	влечение	охота	привязанность	восторг	влюбленность	расположение	забавушка, увлечение

Схема 2.

Все номинанты концепта *любовь* подразделяются на те, что однозначно описывают состояние данной эмоции без указания субъекта или объекта, ее вызывающих: *страсть*, *обожание*, *привязанность*, *влюбленность*, *влечение*; и на те, которые не обязательно предполагают состояние *любви*, для декодировки которых используется контекст: *страдание*, *страх*, *охота*, *охотушка*, *избранье*, *забавушка*, *заботушка*. В значениях некоторых лексем второго типа (*страдание*, *страх*) содержится следующий признак, построенный на контрасте: «мучение, физическая или душевная боль»; «нечто, заставляющее кого-либо испытывать боль»; «нечто, вызывающее чувство сильной любви и боли».

2. Наряду с вышеперечисленными семантическими признаками выделяются уникальные (единичные) признаки, глубокое понимание которых требует этнокультурного осмысления. Если инвариантные семантические признаки, выделенные ранее, обозначить номинантом *любовь*, то схематично значения всех членов синонимического ряда можно изобразить следующим образом: *восторг* = любовь + восхищение; *привязанность* = любовь + чувство преданности, близости; *страсть* = любовь + физическое влечение; *страх* = любовь + боязнь

потери любимого человека; *влюбленность* = любовь + симпатия; *увлечение* = любовь + непреодолимое стремление; *страдание* = любовь + мучение; *расположение* = любовь + благоприятное отношение; *слабость* (разг.) = любовь + страсть; *обожание* = сильная любовь + преклонение; *охота* = любовь + желание; *избранье* = любовь + субъект; *зазноба*, *зазнобушка* = любовь + страсть; *забавушка* = любовь + мимолетное чувство.

Особенностью русского песенного дискурса являются лексемы, дополняющие синонимический ряд номинанта концепта *любовь*, которые не были зафиксированы лексикографическими источниками, но были выделены в ходе анализа песенного дискурса такие, как: *охота*, *охотушка*, *избранье*, *зазноба*, *зазнобушка*, *забавушка*. Лексемы *признательность*, *приверженность*, *симпатия*, *тяготение*, *тяга*, *вожделение* (*устар.*), *избранье* (*устар.*), *предпочтение*, *склонность*, *приянь* (*устар.*), *нассия*, отмеченные словарями синонимов русского языка, не были зафиксированы в ходе анализа исследуемых песенных дискурсов.

Литература

- Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: около 11000 синоним. рядов. М., 1989.
- Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., 1995. Т. 1.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. М., 1978–1979.
- Т. 1,2
- Клюева В.Н. Краткий словарь синонимов русского языка. М., 1961.
- Лирические песни. М., 1990.
- Любимые песни: Песенник. Чебоксары, 1994.
- Любимые песни и романсы. СПб., 2002.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1973.
- Русские народные песни. 100 песен в обработке А. Фляровского. М., 1975.
- Словарь синонимов. М., 1975.
- Словарь синонимов русского языка. М., 2001.
- Собрание народных русских песен с их голосами на музыку положил Иван Прач. М., 1955.

Список сокращений

- Лир. песн. – Лирические песни
- Люб. песн. – Любимые песни
- Люб. песн. и ром. - Любимые песни и романсы
- Рус. нар. песн. - Русские народные песни
- СС – Словарь синонимов
- ССРЯ – Словарь синонимов русского языка
- Собр. нар. рус. песн. – Собрание народных русских песен

**К ПРОБЛЕМЕ ЛИРИЧЕСКИХ ЖАНРОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ И.А. БУНИНА)**

О.Н. Владимиров

Ключевые слова: жанр, пейзажное стихотворение, сонет, баллада, жанровая интерференция.

Keywords: genre, landscape poem, sonnet, ballad, genre interference.

В буниноведении остается открытым вопрос о логике пути поэта, писавшего стихи 66 лет (первое стихотворение датировано 1886 годом, а последнее создано за год до смерти, в 1952 году). Перспектива движения Бунина-стихотворца намечается лишь в нескольких работах, в частности, – в монографии Р.С. Спивак, исследующей лирику Бунина в аспекте философского метажанра в основном на материале стихотворений 1900-1917 годов [Спивак, 2003].

Этими хронологическими рамками, как правило, ограничены работы, посвященные бунинским стихам, причем 1910-м годам уделено в них места значительно меньше, чем предшествующему десятилетию. Без изучения же творчества начального периода (1886-1899) невозможно выявление имманентных особенностей в лирике Бунина, как и логики ее развития. Наименее исследованной частью поэтического наследия писателя являются стихи 1916-1952 годов. Вопрос о том, почему стихотворный дар поэта иссякает в эмиграции, связан с выявлением закономерностей движения Бунина-поэта от периода к периоду. Представляется, что жанровый подход к рассмотрению бунинской поэзии в ее диахронии, к выявлению в ней причинно-следственных связей является наиболее продуктивным. Жанр при этом понимается как динамичная формально-содержательная структура, имеющая ряд устойчивых признаков и воплощающая определенную эстетическую концепцию действительности, и акцентируется такой фактор жанра, как творческая индивидуальность писателя. Н.Л. Лейдерман, подчеркнувший необходимость рассмотрения этого фактора в понимании категории жанра, указал, что «для писателя жанр – это форма его художественного мышления, которая трудно поддается перестройке или смене» [Лейдерман, 1982, с. 30]. На этот момент обращают внимание и другие теоретики жанра, подтверждающие мнение Буало о необходимости правильного выбора поэтом своего жанра («Поэтическое искусство», песнь первая).

Так, по мнению Ю.В. Стенника, жанр – это «формула добытой эстетической истины, которая отражает момент «конечности» определенного этапа развития художественного сознания». Исследователь выделяет две основные функции жанра: «выявлять устойчивое в литературном потоке» и «служить инструментом литературной классификации» [Стенник, 1974, с. 173].

Понимание жанра как «формулы добытой эстетической истины», формы творческой самоориентации художника особенно актуально в лирике, так как при этом снимаются вопросы, возникающие при рассмотрении лирики в классификационном (нормативном) аспекте. В рамках этого аспекта проблема жанра в лирике постклассицистической эпохи неразрешима принципиально, ибо «сущность лирики – потенция особенного, или различимости» [Шеллинг, 1966, с. 345].

Выражение внутреннего мира поэта, большей частью спонтанное, сиюминутная субъективная реакция, эмоциональный выплеск разрушают любую предуказанную форму или жанровое задание. Лирическое произведение в стихах – это прежде всего просто стихотворение, «стихотворение как таковое» [Баевский, 1996, с. 184]. В общелирической стихии поэтического творчества растворяются отдельные стихотворения, выполненные в том или ином жанровом ключе. Бунин-поэт в этом отношении — не исключение из общего правила. У него, как почти у каждого поэта последних веков, основной корпус стихов составляют просто стихотворения, без четкой жанровой ориентации. В то же время и отдельные стихотворения поэта, и лирика того или иного периода его творчества в целом предполагают определенную организацию. Рассуждая о «некоей внутренней системности» лирики, Н.Л. Лейдерман подчеркивает: «<...> лирические жанры упорядочивают внутренний мир личности, придают строй душевной жизни – она приобретает осмысленность, осознанность» [Лейдерман, 2010, с. 311].

В выявлении «устойчивого в литературном потоке», то есть ведущих жанров, означающих «формулу добытой эстетической истины» в определенный творческий период, априорно – при отсутствии авторских жанровых обозначений (элегия, сонет, баллада) – можно руководствоваться количественным принципом. Среди стихотворений как таковых у Бунина чаще других встречаются пейзажные стихотворения в первый период творчества (1886–1899), сонеты во второй (1900–1910), баллады в третий (1910–1916) (о жанровом статусе каждого из этих понятий будет сказано ниже).

В целом же жанровый репертуар составляют элегии («Стояли ночи северного мая...»), «Сумерки», «Могильная плита», «Запустение» и др.), стихотворные очерки и рассказы («Дядька», «Дворецкий»;

В.Н. Афанасьев называет такие произведения «небольшими стихотворными новеллами» и относит к ним «На Плющихе», «Балагулу», «С обезьяной», «Художника» [Афанасьев, 1966, с. 186]), антологические стихотворения («Чашу с темным вином подала мне богиня печали...», «Надпись на чаше», «Могила поэта», «Черные ели и сосны сквозят в палисаднике темном...», «За измену», «Спор», «Завет Саади», «Морфей» и др.), отрывки («Отрывок» («В окно я вижу груды облаков ...»), «Отрывок» («Старик с серьгой, морщинистый и бритый ...»)), песни («Песня» («Зацвела на воле...»), «Песня» («На пирах веселых...»), «Песня» («Я – простая девка на баштане...»)), гнома («Завет Саади»), эпитафии («Надпись на могильной плите», «Эпитафия» («Я девушкой, невестой умерла...»), «Эпитафия» («На земле ты была точно дивная райская птица...») и др.), эпиграмма («Эпиграмма»), колыбельная («На глазки синие, прелестные...»), заклинание («Заклинание»), эпиграмма («Поэтесса»), газель («Газелла») и др.

Но стихи с очевидной принадлежностью к тому или иному жанру встречаются значительно реже, чем сонет или баллада, и не определяют, в конечном счете, жанрового своеобразия лирики Бунина в тот или иной период его творчества. Не определяет его и элегичность как основной эмоциональный модус бунинской лирики. «Основное настроение стихотворной лирики Бунина, – отмечал А.Т. Твардовский, – элегичность, созерцательность, грусть как привычное душевное состояние» [Твардовский, 1965, с. 23]. Элегия у Бунина – едва ли не синоним стихотворения как такового.

Выявление стихотворных жанров, выделенных по разным основаниям (тематическое деление, близкое к нему выделение «ритуальных» стихотворений; ориентация на классические и – глубже – античные жанры; различие непосредственной и опосредованной (включающей описание и повествование) лирики, жанров литературных и фольклорных и т.д.), подчеркивает значимость для поэта основных его стихотворных жанров, их он предпочитает другим.

Обращает на себя внимание и то, что в широком жанровом диапазоне Бунин работает в 1900-1916 годы, лирика же предшествующих и последующих лет в жанровом отношении однородна; до 1900 и после 1916 года создаются в большинстве своем просто стихотворения. Значит, к сонету и другим жанрам, как и к ритмическим экспериментам (терцины, ронсарова строфа, гекзаметр, белый пятистопный ямб, имитация народных размеров), поэта могло привести, в частности, осознание малого «запаса прочности» его ранней лирики, не обеспеченного жесткими формально-жанровыми ориентирами.

Принятое здесь понимание жанра позволяет разрешить проблемную ситуацию жанровой интерференции (и вытекающей отсюда жанровой полисемии), когда одно стихотворение может иметь различную жанровую маркировку, «без ясной принадлежности к тому или иному жанру» нести в себе «черты, память нескольких жанровых форм» [Бавевский, 1996, с. 184]. Так, стихотворение «Кондор» может быть прочитано и как пейзажное, и как сонет, и как элегия; «Рыбачка» – как сонет, диалог и баллада, стихи «Могила поэта» – как элегия, эпитафия и антологические, «Завет Саади» сочетает черты антологического жанра и гномы, «Заклинание» – заклинания и баллады, «Старая яблоня» – элегии и идиллии, «Надпись на могильной плите» – молитвы, эпитафии, элегии и т.д. Определяющую роль в понимании жанра и, следовательно, смысла стихотворения играет учет его написания (первой публикации) и, соответственно, включение его в жанровый контекст периода, соотнесение его с ведущим жанром того или иного периода. Дата написания при отсутствии жанровых помет, таким образом, выполняет функцию жанрового сигнализатора.

По этой причине первый бунинский сонет «Северное море» (1897) – написанное в форме сонета (достаточно строгого исполнения) пейзажное стихотворение, его внешний сонетизм не поддержан значительностью проблематики, в отличие от остальных сонетов 1900-х и 1910-х годов. Последний же сонет «Петух на церковном кресте» (1922), несмотря на 14 строк и четырехчастность, соответствующую упрощенной (сравнительно с итальянской и французской) английской сонетной схеме, трудно отнести к этому жанру не только из-за серьезных нарушений других требований к сонетной версификации (сплошь мужские рифмы, 4-стопный ямб), но и потому, что этот сонет – единственный в заключительный период; скорее это просто стихотворение, как и другие бунинские стихи после 1916 года.

Традиционную тематическую характеристику поэзии раннего Бунина – «пейзажная лирика» – условно можно принять за жанровое обозначение, если следовать жанровым концепциям, основанным на тематическом делении в лирике, в частности, – систематике Л.И. Тимофеева [Тимофеев, 1976, с. 368].

При этом нельзя не учесть мнения тех, кто, как И.К. Кузьмичев, считает деление по темам неправомерным, так как «<...> тема – не содержание, а указание на предмет лирического произведения. Предмет же в лирике <...> сам по себе цены не имеет» [Кузьмичев, 1968, с. 99]. Справедливое возражение Л.И. Тимофееву нуждается, однако, в уточнении. Этот довод верен, если рассматривать «предмет» в лирике с точки зрения родовых приоритетов лирики и эпоса. Вместе с тем оче-

видно, что поэтом-лириком «предмет» его переживаний – в данном случае природа – не выбирается лишь как повод для этих переживаний; он может представлять и самостоятельный интерес.

Иными словами, если речь идет об описательной (дескриптивной, изображающей) лирике, то субъективность в ней проявляется не столь явно, как в лирике «непосредственной» (автопрезентативной). В описательной лирике непосредственное лирическое высказывание отодвигается на второй план, уступая место изображению «предмета». В этом случае описательность размывает границы между лирикой и эпосом (подобные пограничные явления есть и в эпосе).

Уточненное таким образом утверждение И.К. Кузьмичева дает ключ к пониманию жанрово-родовой природы поэзии Бунина. В бунинской описательной лирике первого периода субъективность отодвигается на задний план, «предмет» же, то есть пейзаж, оказывается самоценным, обладающим автономной эстетической значимостью. Для раннего Бунина отображение природы является главной задачей.

«Самодостаточность» бунинского поэтического пейзажа, его безотносительность лирическому «я», которое мало себя обнаруживает, объяснимы авторской установкой на точное соответствие слова предмету, заданной первыми же поэтическими опытами и оставшейся в силе на протяжении всего бунинского творчества. Этот принцип является едва ли не единственным критерием художественности для Бунина.

Вместе с тем изображение природы (место, роль и характер пейзажа) у Бунина эволюционировало: менялись соотношение человека и природы в лирике (относительная объективность и субъективность изображения природы), поэтическая функция образа природы. От точной «топографической съемки» местности («Затишье», «Октябрьский рассвет», «Высоко полный месяц стоит...» и др.) Бунин проделал путь к наделению природы максимально глубоким в рамках своей поэтики субъективным содержанием («Последний шмель», «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...»), «Сириус» и др.).

Понимание жанра как «формулы добытой эстетической истины» действительно и в отношении такой, по признанию поэта, «излюбленной» им «формы», как сонет. Теоретическая противоречивость в отношении к сонету отражена, в частности, в статье М.Л. Гаспарова о сонете в «Литературном энциклопедическом словаре». Сонет здесь определен как «твердая стихотворная форма», но в историко-литературной справке о сонете замечено: «<...> в эпоху романтизма и символизма оживает вновь (сонет. – *О.В.*) преим. в нем., англ. и отчасти в слав. лит-рах, как жанр филос., описат. и любовной лирики» [Гаспаров, 1987, с. 411-412].

Понятие же «твердой формы» инвариантно, существует в отвлечении от реальной поэтической практики. Поэтому возникает множество спорных случаев, обостряющихся из-за отсутствия авторских помет. Бунин не дает обозначения «сонет» ни в заглавиях стихов, ни в их подзаголовках (в стихотворении «На высоте, на снеговой вершине...») первоначальный подзаголовок «Сонет на льдине» позже был снят – видимо, поэт столкнулся с проблемой разграничения 14-стиший, просто стихотворений, и сонетов). Вопрос о том, является ли жанром бунинский сонет или это твердая форма, а если твердая форма, то как ее отличить от простого 14-стишия, решается в пользу жанра. Форма обретает статус жанра, когда становится средством видения мира, его художественного запечатления; «форма может стать жанром, – пишет Л.Г. Кихней, – коль скоро она начинает «работать» как способ отбора автором художественного материала, средством организации его» [Кихней, 1989, с. 17].

Все написанное после пейзажных стихотворений первого периода творчества воспринимается на фоне заданной поэтом нормы: слово должно соответствовать реалии. Мир и человек у раннего Бунина поставлены лицом к лицу: мир, для поэта «онтологически первичный» [Сливицкая, 1994 с. 80], видится бунинским героем в гармонии его противоположностей, извечные космические антиномии – жизнь и смерть – диктуют художнику соответствующую поэтику. Начиная с первого периода, эта антиномичность отражена в оксюморонности бунинского стиля, дальше к ней добавился сонет с его антитетичностью и жанровой необходимостью ее снятия в синтезе и сонетном замке.

После итогового для раннего Бунина «Листопада» в рамках формируемой поэтики сонета поэт ищет приемлемого баланса между максимально точным воспроизведением мира и своим, субъективным к нему отношением.

По мере углубления в жизнь природы пейзаж как таковой, «самодостаточный», все заметнее пронизывается токами человеческих переживаний, осложняется рефлексией. Взрослеющий бунинский герой, изначально приобщенный к природе, осознает и взаимное отчуждение природы и человека. Поэт приходит к мысли о необходимости преодоления ложности, условности слова, книжного знания. В прозе эта борьба со словом приведет к лирическому фрагменту с его максимальным «освобождением» от «литературы». В стихах же на пути к «просто стихотворению» 1916-1952 годов поэту предстоит пройти через последовательное освоение сонета и баллады.

Сонет в 1900-е годы органичен для Бунина. Его отношения с сонетом диалектичны: принимая его, он преодолевает литературоцен-

тризм этого жанра, его ориентацию на предшествующую версификационную культуру и сонетные традиции в рамках сонетной формы, раздвигая их. С другой стороны, поэту близок протезизм сонета, живой диалог его структуры с бытием; сонет осваивается и усваивается, становится «излюбленной формой». Сонет явился своеобразной синекдохой бунинского поэтического мира 1900-х годов, объединяя такие образные его константы, как полдень, путь, сон, след и другие, а афористичный сонетный замок – гербовым знаком Бунина-поэта: «...Я человек; как бог, я обречен / Познать тоску всех стран и всех времен» («Собака») [Бунин, 1965, т. 1, с. 319], «Тот миг воскрес. И на пять тысяч лет / Умножил жизнь, мне данную судьбою» («Могила в скале») [Бунин, 1965, т. 1, с. 322], «...Нет в мире разных душ и времени в нем нет!» («В горах») [Бунин, 1965, т. 1, с. 401] и др. Сонетные замки представляют собой метавысказывания, требующие их соотносительности не столько с сонетом, сколько со всей бунинской поэзией. Не случайно эти строки так часто цитируются: откристаллизованная в них мысль повернута к исследователю той или иной гранью. Антиномичность бунинского поэтического мира находит свое наиболее емкое выражение в сонете и сонетном замке не только в силу жанровой специфики сонета, но и – родовой: «состояние лирической концентрации» (Т.И. Сильман) бунинского героя максимально полно выражается в сонетном замке. Искомое равновесие между миром и «я» достигнуто именно здесь, об этом здесь же и сказано: «Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне» («Вечер») [Бунин, 1965, т. 1, с. 322].

Поэзия Бунина сонетного периода творчества была «взрачена» на почве его ранней пейзажной лирики и в том отношении, что в этот период художника интересует не вся культура, а та, что преодолевает разрушительное воздействие времени, становится вечной, как и природа («По жестким склонам каменные плиты / Стоят раскрытой Книгой Бытия» – «Долина Иосафата») [Бунин, 1965, т. 1, с. 305].

В отношении же баллады данное здесь определение жанра переносит акцент с ее родового синкретизма (совмещения в ней черт эпоса, лирики и драмы) на понимание ее именно как формы-носительницы определенной концепции действительности. В нашем случае баллада, отвечая такому родовому качеству лирики, как запечатление внерациональных импульсов и ощущений, соответствует третьему периоду бунинского поэтического творчества. В это время писатель видит мир не столько гармоничным, как в предшествующий, «сонетный» период, сколько грозным; столь же грозным, «не-мыслимым» оказывается внутренний космос человека. Если сонет являлся средоточием культурологических, «всемирных» интересов поэта, то баллада концентриро-

вала его внимание к отечественной истории. Балладные сюжеты отражают семейный деспотизм на Руси («Мачеха», «Отрав», «Алисафия»), противоречия между христианской этикой и апологией воли («О Петре-разбойнике»), диалектику греховности и святости («Мушкет»). Поэт постоянно стремится заглянуть по ту сторону разумности – в подсознание, прапамять, безумие и в довременное, доисторическое состояние человечества. «Неземное» в балладе «Князь Всеслав» и других выступает знаком преодоления метафизической разорванности человека и природы, конкретно-исторической роли личности и ее внутренней, подлинной сущности. Баллада наследует сонетный лаконизм, драматизм сонета перерастает согласно жанровому заданию в балладную трагедийность. В бунинских балладах воплотились эсхатологические и провиденциальные настроения писателя. Мифологические, агиографические, фольклорные сюжеты баллад автор проецирует на современность в стремлении понять и прогнозировать судьбы страны («Святогор», «Святогор и Илья», «Святой Прокопий», «Сон епископа Игнатия Ростовского» и др.). Повышенная событийность баллады, острота ее фабулы отражали тенденцию к эпизации бунинского творчества, усиление эпического в этом жанре отвечало наметившемуся сокращению стихов в пользу прозы.

Лирика 1900-х и 1910-х годов не является у Бунина жанрово нейтральной: сонетизм и балладность пронизывают и стихи, формально не соответствующие жанровым признакам сонета и баллады или написанные в другом жанре. В ходе реконструкции бунинского определения сонета выявлены следы работы над сонетами не только в структурно близких к ним 14-стишиях, но и во многих других текстах. Балладная проблематика и соответствующая ей поэтика (субъектная многомерность, усложнившаяся ритмика) присущи поэзии 10-х годов в целом.

Выявление логики жанрового мышления Бунина-поэта, смены жанров, различающихся на уровне видения мира, корректирует общепринятую периодизацию его поэтического наследия (ранний (1886-1899), время поэтической зрелости (1900-1917) и послереволюционный периоды). Второй период подразделяется на два: 1900-1910 годы, когда поэт наиболее часто обращается к сонету, и 1910-1916 годы, когда пишутся баллады и близкие к ним стихотворения. Заключительный период творчества начался не в 1917, а в 1916 году, с довольно отчетливой смены жанров (точнее, с их отмены: в этот год написаны последние сонеты и баллады), тем, субъектной и ритмической организации. После 1916 года поэт пишет стихотворения с установкой отказаться от всякого рода условностей, говорить о том, что *«истинно твое и единственно настоящее, требующее наиболее законного выражения»* (рассказ «Книга») [Бунин, 1966, т 5. с. 180]. Отсюда и стертость границ между стихами

и прозой, как и в первый период творчества, отсюда и подчеркнутая исповедальность, в отличие от ранней «безличностной» поэзии. В этот период написаны классические, с точки зрения их соответствия лирике как роду, стихотворения: «Настанет день – исчезну я...», «Этой краткой жизни вечным измененьем...», «Ночь» («Ледяная ночь, мистраль...») и др. «Истинно» своим, «единственно настоящим» для стареющего бунинского героя являются все отчетливее воспринимаемые отсветы незримого света, все чаще слышимые «зов, печаль времен». Однако он не может смириться с конечностью, замкнутостью этого, данного ему сейчас, здесь, «*круга земного*». Противоречие это остается неразрешенным.

Поправки существующей периодизации подтверждаются и наблюдениями А.Ф. Белоусова за динамикой соотношений между бунинскими четырех- и пятистопными ямбами. До 1900 года 5-стопный ямб у Бунина – «довольно случайное явление», а «с 1903 по 1911 год 4-стопный ямб остается далеко позади», заметим, что 5-стопный ямб – канонический сонетный размер, и именно в эти годы поэт создает основной корпус своих сонетов; «со второй половины 10-х гг. предпочтение вновь оказывается этому «популярному» метру русской поэзии» [Белоусов, 1971, с. 52]. В промежуток же с 1911 по 1916 годы Бунин пользуется менее распространенными или редкими размерами, так как в это время активно обращается к ритмике устной народной поэзии. Парадигма жанрового мышления Бунина-поэта, таким образом, зафиксирована ритмически.

Стихотворные жанры явились у Бунина пространством постоянного противоборства между природой и искусством, миром и книгой, реальностью и словом. Соотношение объекта и слова в каждый период творчества зависит от усложняющегося мировоззрения поэта. Ведущие его стихотворные жанры (раннее пейзажное стихотворение, сонет, баллада, стихотворение как таковое) различаются и на уровне видения мира. У каждого жанра – свой жанровый субъект, свои композиционные и ритмические приоритеты. Но новый взгляд на действительность (во второй, третий, последний творческие периоды) не отменяет предыдущих: он совмещен с ними, свидетельством чему являются сквозные мотивы (ночи, прапамяти, метемпсихоза, следа и др.), условные циклы (стихи о невыразимом, о встрече-разлуке с любимыми, написанные от лица всеведущего «я» и др.), которые составляют стихотворения разных периодов.

Литература

- Афанасьев В.Н. И.А. Бунин: Очерк творчества. М., 1966.
Баевский В.С. История русской поэзии: 1730-1980. Компендиум. М., 1996.
Белоусов А.Ф. О метрическом репертуаре поэзии И.А. Бунина // Русская филология: 3-й сб. научн. студ. работ. Тарту, 1971.

-
- Бунин И.А. Собр. соч.: в 9-ти тт. М., 1965-1967.
Гаспаров М.Л. Сонет // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
Кихней Л.Г. Из истории жанров русской лирики. Стихотворное послание начала XX века Владивосток, 1989.
Кузьмичев И.К. Границы лирики // Жанры советской литературы (вопросы теории и истории). Горький, 1968.
Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра. Свердловск, 1982.
Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Екатеринбург, 2010.
Сливицкая О.В. О природе бунинской «внешней изобразительности» // Русская литература. 1994. № 1.
Спивак Р.С. Русская философская лирика. 1910-е годы (И. Бунин, А. Блок, В. Маяковский). М., 2003.
Стенник Ю.В. Системы жанров в историко-литературном процессе // Историко-литературный процесс: проблемы и методы прочтения. Л., 1974.
Твардовский А.Т. О Бунине // Бунин И.А. Собр. соч.: в 9-ти тт. М., 1965. Т. I.
Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. М., 1976.
Шеллинг Ф.В. Философия искусства. М., 1966.

ЭСТЕТИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В.Г. РАСПУТИНА¹

Н.В. Ковтун

Ключевые слова: эстетика истории, русский традиционализм, В.Г. Распутин, «Новая профессия».

Keywords: history aesthetics, Russian traditionalism, Valentin Rasputin, «The New Profession».

Для русской культуры в целом характерно восприятие истории, минувшего как художественного произведения, текста [Шатин, 2002, с. 100-109]. Былое представляется сотворенным человеческими усилиями, что придает ему структурированность, единство. В разные эпохи актуализируются свои подходы к пониманию истории: от идеи безусловно благой цели, лежащей в основании поступательного исторического движения, жесткой связи времен до образа «живого прошлого», с которым можно вести «диалог», и трактовки непредсказуемости истории, ее хаотичности, отчужденности от человека, развернутой в эпоху постмодерности [Исупов, 1992, с. 6-9].

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-14-24003

Вопрос о статусе *истории как памяти* – один из ключевых в современной традиционалистской прозе, что связано с особым пониманием миссии *писателя-пророка*, когда поступок превращают в высказывание, а высказывание – в поступок. В классическом традиционализме действительность представляется пластичной, ее можно и должно возделывать словом. На этом настаивают А. Солженицын, В. Белов, В. Распутин, В. Личутин. Процесс культурного зодчества возводится к временам собирания Московской Руси первыми святыми и осуществляется далее усилиями великих писателей, философов – национальных гениев, проявляющих особый *смысл истории*. Обращение к именам святых, юривых отчасти нивелирует противоречие между пониманием предопределенности истории (доктрина православия) и активностью пассионариев.

Взгляды современных традиционалистов во многом опираются на идею эстетизации Древней Руси, «пестрой», «византийской» Московии, развиваемую славянофилами, почвенниками, отчасти Н. Данилевским и К. Леонтьевым. Последний придает теории избранности, выстроенной по законам воображения (Москва – Третий Рим), статус *футурологического проекта*, чья реализация отодвигается в будущее. Одним из первых философ усомнится в бесспорном благе технического прогресса, сославшись на интуиции русского народа, который уже тем хорош, что не верит в прогресс, но признает – «все от Бога» [Леонтьев, 1996]. Н. Данилевский в качестве движущей силы истории называет национальный фактор, ставит Россию в один ряд с «богоизбранными» Израилем и Византией, подчеркивая ее молодость и всечеловеческую миссию, связанную с «синтезом всех сторон культурной деятельности»: религии, политики и собственно «культуры», не присущей более ни одной из стран [Данилевский, 1894, с. 556]. Труды К. Леонтьева, Н. Данилевского, наравне с работами Г. Федотова, И. Ильина, оказали серьезное влияние на мировоззрение В. Распутина, безусловного лидера направления.

В последние десятилетия XX века эстетика истории стала играть компенсаторную роль в условиях маргинализации, очуждения нации, личности от «своего», знакомого мира [Корчагина, 1999, с. 114]. Разрушение патриархального уклада воспринимается традиционалистами в апокалиптических тонах, рождается потребность опереться на более древние, лежащие в основании нации архетипы, чтобы предотвратить потерю *национальной идентичности*, угрожающую культуре официальной [Смирнов, 1991, с. 169-193]. Эстетизация истории становится одной из форм выживания в дефицитном настоящем.

Философия истории, развернутая в текстах В. Распутина, складывается неоднозначно. В произведениях 1960-х годов автор совпадает с настроениями эпохи НТР, разделяя веру во всемогущество науки, машины, которые спасут человечество от бед, выведут на новый виток развития. В книге рассказов и очерков «Костровые новых городов» покорение дикой природы (первозданного хаоса) описано в романтических тонах, и нет сомнений в праведности победы техники над стихией. Однако уже в сборнике «Край возле самого неба», в рассказах «Продолжение песни следует», «Эх, старуха» встает мучительный для зрелого мастера вопрос о дисгармонии, разительном несоответствии патриархального и нового, современного, укладов жизни, заявлен самобытный распутинский герой – старуха-тофаларка [Тендитник, 1987, с. 41-43]. Заповеданная Саянская страна и ее коренные жители – тофы – хранители тайны, открывающей путь к постижению смыслов, угаанных в природе, но уже недоступных и ненужных современникам. Здесь и начинается формирование той системы авторских представлений об истории, миссии художника, которая определится в произведениях конца 1960 – начала 1970-х годов, получит окончательное завершение в рассказах и повестях 1980–2000-х.

Вослед Ж. Нива, подчеркнем особое качество *авторского историзма* – «он смотрит на историю каким-то внутренним, мистическим взглядом. Если можно так выразиться, он медленно проникает сквозь дебри, через лабиринт познания-опыта» [Нива, 2012, с. 23]. Писатель затрагивает важнейшие вопросы русской истории XX века, но его интересуют не столько сами события, сколько духовное состояние личности, народа, их претерпевающего. С этим связаны особенности поэтики – автор не прибегает к панорамной фактографии, подобно А. Солженицыну или В. Астафьеву, его влечет «периферия» истории, частности, детали, за которыми угадывается «второй», символический план повествования, метафизическая история «души России».

Тексты В. Распутина как национального художника суть отражение потребности народа осознать самого себя, свой путь, предназначение. Автор последовательно отстаивает такие идеи и ценности, как *совесть – память – жертвенность и ответственность* за сделанный в истории выбор. Означенный ряд отвечает традиционалистской версии национального самосознания, обозначенной еще в споре: старообрядцы – никониане, славянофилы – западники, почвенники – революционные демократы, патриоты – либералы [Плеханова, 2007, с. 308-334]. Писатель верит в спасительную силу традиции, *припоминание* которой определяет «запас отечественной прочности», открывает перспективу будущего (очерки «Поле Куликово», 1976; «Ближний

свет издалека», 1991). Намеченная логика коррелирует с идеей Платона, рассматривающего процесс познания как некое «припоминание» души, ведущей истинное бытие¹.

Охранительный, реставрационный пафос зрелого творчества В. Распутина диссонирует с идеями «перестройки», интеграции России в мир западных ценностей, ее ускоренной модернизации. Этим обусловлено и следующее противоречие в мировоззрении автора между признанием важности общинного духа (идея соборности) и ценностью человеческой самореализации. В конце 1990-х он выступает ревнителем государственности и сразу выпадает из принятой риторики о защите интересов личности. Сам язык описания событий, выдвигаемая В. Распутиным система приоритетов, расходятся с языком официальной культуры². В осмыслении идеи государства писатель следует линии религиозно-нравственного обоснования миссии России как *самобытной цивилизации*, утвержденной (освященной) на *почве православия*. Отступление от нее выглядит предательством собственной судьбы и веры. С особым тщанием проговариваются имена тех, чьими усилиями собиралась духовная основа Отечества. Важнейшее место здесь отведено Сергию Радонежскому, Серафиму Саровскому, Оптиным старцам, Иоанну Кронштадтскому, дело которых продолжили и мастера слова, среди которых названы имена А. Пушкина, Ф. Достоевского, И. Шмелева, Б. Зайцева, И. Бунина, из современных авторов им наследуют представители «деревенской прозы». Отметим, духовные лица, писатели вписываются в историю страны не столько из-за собственного старания / творчества, сколько в доказательство самопутьности, самодостаточности Руси.

Возрождение русского народа должна обеспечить «сильная, на роду ему написанная идея», суть которой – духовное водительство в мире, взывание «последней истины» [Распутин, 2007, с. 234], отчего столь высок авторитет святых и юродивых: «В свято-звездном русском небе так много юродивых: как знать, не в одной ли небесной келье братствуют за одинаковым занятием столь, казалось бы, разнившиеся в земной службе Сергей Радонежский и Василий Блаженный» [Распу-

¹«В отличие от европейской, по сути рационалистической философской традиции, имевшей в основании своем учение Аристотеля, русская философская мысль оказалась более восприимчива к идеям Платона, который процесс познания представлял как некое “припоминание” души, ведущей истинное бытие». См.: Колесникова А.В. Жизнетворчество русской интеллигенции, или Бытие, творящее идеи нового бытия. Новосибирск, 2005. С. 14.

² «Понять смысл значит понять язык. Тайна истории – это загадка ее языка». См.: Лотман Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн, 2010. С. 28.

тин, 1994, с. 350]. Венцом духовно-религиозных усилий должно стать *славянское государство*, в основе которого соборный образец Византии: «Россия, как известно, вся вошла в храм»¹. Шанс на обретение русскими Царьграда в реальной истории утрачен, что, как считает В. Распутин, отразилось в войнах, размежевании славянских народов внутри метрополии (очерк «Что дальше, братья-славяне?», 1992) [Каминский, 2007, с. 36-45]. Компенсируя чувство утраты, писатель выносит образ Святой Руси из пространства во время, расширяет границы реальности, достраивая, заклиная настоящее словом.

Автор-пророк требователен и к согражданам – русские молоды, их путь к постижению собственной миссии только намечен, требует *жертв*: «убедить россиян, что достоинство нации должно быть выше их личного благополучия, призвать к жертвам мирного порядка» [Распутин, 1994, с. 386]; *мужества, аскетизма*: «в правильных очертаниях русского лица» проступают «следы жертвенности и аскетичности». Русский – указание не столько на национальность, сколько на *праведность*: «Русскость в широком смысле – это не набор и не ассортимент качеств, свойственных русскому человеку, а духовная качественность» [Распутин, 1994, с. 348]. И уже это, по В. Распутину, лишает народ возможности исторического выбора, ибо «быть славянином» (духоборцем и праведником) – «не воля наша... Это наша доля, врученный нам в рассветные времена человечества духовный надел» [Распутин, 1994, с. 408]. Гипертрофирование этнической идентичности приводит к жесткому фиксации качеств, манифестаций, ее определяющих. Отступление от призвания равнозначно для писателя отступлению от судьбы и веры, главная причина политического, социального и экономического кризисов. Отсюда настороженное отношение к западной модели демократии, где понимание добра и зла лишено определенности: «Способность западного человека и в пороке выглядеть немножко добродетельным, а в добродетели немножко порочным» В. Распутин считает непостижимым для соотечественников искусством [Распутин, 1994, с. 400]. Вряд ли с этой мыслью согласились бы классики (от Ф. Достоевского до А. Чехова и Ю. Мамлеева), но она отражает ценностную логику рассуждений писателя, для которого интуитивное следование русского человека добру есть реализация даже не нравственной программы, но промысла Божия [Плеханова, 2007, с. 319]. Эпоха постмодерности с ее плюрализмом ценностей, отсутствием идеалов,

¹ В. Распутин вслед за Н. Бердяевым рассматривает соборность как «проповедь органической культуры в противоположность культуре Просвещения». См.: Бердяев Н. Самопознание (опыт философской автобиографии). Париж, 1949. С. 172.

тотальной иронией предстает в этом контексте символом духовного распутства, аналогом Содома.

Предпринимая различные попытки обоснования *славянской цивилизации* (от нравственных до эстетических), писатель настаивает: западные культуры – только отдельные притоки, «впадающие затем в Мировой океан», в то время как русский народ «сам по себе река», со своим уставом, словом и тайной: «Судьба России самопутна, и только на собственном пути, а не через колено, она может развиваться в полную силу и полный рост. И находится он, этот путь, быть может, там, куда с презрением тычут как на задворки цивилизации» [Распутин, 2007, с. 107]. Так периферия выдвигается в центр мирового бытия, поражение в настоящем компенсируется идеей высокого прошлого, ценности которого транслируются в будущее.

Духовный порыв русского народа ввысь, к небу, сбивался «мировым порядком», покорными ему вождями: от Петра I до большевиков и «новых русских», власть которых приобретает в творчестве художника откровенно демонические черты. Жесткое государство оправданно, по В. Распутину, в момент грозящих нации опасностей как организующая, охранительная сила, но одновременно оно связано с угрозой подавления всякой инаковости, человечности. Свойственный мировоззрению писателя дуализм здесь проявляется особенно ярко и разрешается в драматической борьбе нации за право на существование (тексты конца 1990-х–2000-х годов). Неким идеальным примером разрешения коллизии выступает идея соподчинения духовной и светской власти (Сергий Радонежский и Дмитрий Донской), высказанная еще в очерке «Ближний свет издалека».

Многообразие мнений, нейтралитет по отношению к судьбе Руси как страны *духоборческой* невозможны, отсюда сложное отношение В. Распутина к западничеству, культуре эмиграции, в которых видится проявление раскола, нигилизма (исключение – судьбы И. Шмелева, И. Бунина, А. Солженицына, сохранивших в произведениях святоотеческий дух и язык). Идеи П. Чаадаева, В. Белинского, А. Герцена рассматриваются как основа «Катехизиса интеллигента, который переродился потом в нечаевский “Катехизис революционера”» [Распутин, 1994, с. 361]. Русская интеллигенция, заронив искру сомнения в избранности Отечества, лжепророчествовала и тем разрушила «почву», подписав мученический приговор и себе (продолжение идей, высказанных в сборнике «Вехи» Н. Бердяевым, а также Г. Федотовым, зрелым А. Солженицыным).

Ценности, провозглашенные западным миром, – *свобода, демократия* – не вызывают в писателе сочувственного отклика, ибо никак

не связаны с выдвинутой концепцией **праведничества**, единственной, нуждающейся в защите, приятии всем миром. Вне этого история всякий раз заходит в тупик, прогресс оборачивается невосполнимыми нравственными потерями. Потому в самостоянии России должна быть заинтересована и Европа, национально индифферентная и «духовно остывшая»: «Россия подтвердила свой путь, и когда бы поддержана она была хоть немногими странами, задававшими тон в ходе мировых событий, как знать, может быть, мы сегодня все вместе не оказались бы у края пропасти» [Распутин, 1994, с. 353]. Рациональные пути исторического развития для русских неприемлемы, «мудреная Русь» не укладывается в «самодавливающие мерки, торопливо и дурно скроенные», ее призвание – **«духонпроводимость»**, дающая миру ощущение присутствия высшего начала. В летописи Руси автор прозревает знаки высшего участия, история **сакрализуется**, за политикой проступает **метафизика**, подлинная, Святая Русь уже напрямую совмещается с градом Китежем, инореальностью, находящейся где-то рядом с настоящим и открытой пророкам. Эта идея воплощается отнюдь не только в художественных произведениях (повесть «Прощание с Матерью», 1976), но и в публицистике («Мой манифест», 1996; «Байкал предомно...», 2003).

Смысл современной истории понимается В. Распутиным гораздо шире геополитической борьбы за контроль над миром, природными ресурсами, он – в духовном противостоянии идей **глобализации** и **национального самостояния**. Теория глобального мира возводится В. Распутиным к проповеди Великого Инквизитора из «Легенды...» Ф. Достоевского, определяется как «жестокий закон естественного отбора и ступенчатого выживания, звериная конкуренция, могила всего индивидуального и заповедного, окончательная инфльтрация души и воли» [Распутин, 2007, с. 244], противостоять которой может только сильное национальное государство (очерк «Россия уходит у нас из-под ног», 1990). И здесь писатель идет вразрез не только с общепринятыми либеральными ценностями, но и с основами национальной культуры, провозглашенными ее гениями (от А. Пушкина, Ф. Достоевского до А. Блока) как **всепонимание** («Нам внятно все») и **«всечеловечность»**.

Стремясь развернуть русских в сторону от идеи «всечеловечства» к осознанию необходимости заботы о собственной земле, народе, языке, вере, В. Распутин настаивает на «духовной качественности» нации, основанной на законах православия: «Это литургическое настроение народа, его осознанная цель, заключающаяся в сердечной деятельности, в работе над благополучием духовным» [Распутин, 2007, с. 108]. Писатель убежден – самобытная русская культура и глобальная

цивилизация суть «разнонаправленные, разнокачественные» миры: «Это был неравный спор, спор духовного с материальным, победу в котором не представляло труда предсказать» [Распутин, 2007, с. 109]. Однако в дальней исторической перспективе, определенной не волей человека-прогрессиста, но Промыслом Божиим, восстание России, оберегаемой национальными святыми, выглядит для писателя неизбежным. Те же, кто вольно или невольно противится исполнению предназначенного, выпадут из истории, памяти народа навсегда: «...покинувшие родину и канули бесследно, не оставив заметного следа ни на какой другой земле» [Распутин, 2007, с. 127]. Подчеркнем, для В. Распутина национальное бытие, культура не наделяются **исключительностью**, но являются свидетельством «цветущей сложности» (по К. Леонтьеву), полноты Божьего замысла о мире. Как отмечают исследователи, в понимании миссии России автор стремится подчеркнуть «не приоритет, а ответственность, не замкнутость, а открытость, не привилегии, но равенство», что плохо сочетается с им же намеченным идеализированным образом народа-богоносца [Плеханова, 2007, с. 324]. Вопрос, способный разрешить противоречие, суть вопрос ответственности нации за сделанный в истории выбор.

Описывая в конце 1990-х отношения **власти, интеллигенции и народа**, писатель во многом следует уже существующим в культуре моделям. Власть и интеллектуалы признаются виновными в узурпировании государства, равнодушии к вере и чаяниям «молчаливого большинства», выступающего в образе сироты, лишённого Руси/дома, жертвы, которой не дано не только жить, но и умереть на собственной земле: «Была власть, и сильная, было огромное социальное облегчение, но отвержение души и Бога сделало народ сиротой. Десять лет назад веру с триумфом вернули, но не стало Власти» [Распутин, 2007, с. 427]. Так народ, выведенный в образе жертвы, инфантилизируется, освобождается от ответственности за происходящее с ним, и поэтому нуждается в духовном наставнике, ведуне, прозревающим истину (от святого до писателя-пророка).

Россия как держава и должна осуществить утопическое общественное устройство по типу **патриархальной семьи**, основанной не на законах, а на согласии, не на свободах, а на ответственности каждого перед каждым, на чувстве любви и долга. Причем, речь идет о любви ко всему живому – родной земле, траве, небу, деревьям, животным, с которыми связан человек. Процесс реинтеграции патриархального прошлого в современную культуру связывается и с памятью самой земли, вобравшей опыт, «след» минувшего – земля осознается по аналогии с книгой, писатель – хранитель мудрости. Намеченный идеал

служит гарантией и от жестких имперских амбиций, и от культурной ассимиляции. Интонацию В. Распутина Ж. Нива не случайно называет *меланхолической*, а не героической, что остается верным вплоть до заключительных текстов рубежа XX–XXI веков, когда в повести «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003) появится образ народного мстителя, отстаивающего не память и веру, но право народа на жизнь. Стиль произведения маркируют элементы античной трагедии, идея «всеродства» заменена идеей мести, законом Талиона. Однако нетерпимость, апокалиптическое пророчества не встречают поддержки у читателей, витальное чувство оказывается сильнее. Понимая это, В. Распутин в поздних рассказах, публицистике высказывает надежду на явление нового человека, которого «Господь вразумляет»: «Сейчас наступает такой момент, что мы (благодаря или вопреки правительству и общей обстановке) начинаем прибавляться уже не худшим, но лучшим числом» [Распутин, 2004, с. 3].

Художественно осмысленное содержание славянской цивилизации в зрелом творчестве нашло воплощение в мифологическом образе острова Матера, история заселения которого восходит к временам старообрядческой колонизации сибирских земель. Картина острова отсылает к идее мистического града Китежа и Небесного Иерусалима, несмотря на всю детальность и конкретику описания. Здесь же развернута типология распутинских героев, на которых держится русский мир: *богатыри*, *юродивые* (Богодул – Богов посох), *пророчицы* (образ старух, прежде всего Дарьи), *национальные святые* – их образы подсвечивают фигуры сокровенных героев (дед Егор и «немтырь» Коляня как Егорий Храбрый и Николай Угодник) [Ковтун, 2012, с. 60-85].

В позднем творчестве каждый из типов трансформируется, уходят приметы иконографии в описании русской земли, прагматизируются образы насельников¹. Знаменитые распутинские старухи утрачивают объемность сознания, связь с трансцендентальным, но демонстрируют верность родовой памяти, этическому долженствованию. Мужчины как защитники отечества оказываются неспособными исполнять водительские, охранительные функции, на их место заступает *трикстер* (цикл рассказов о Сене Позднякове), чья роль – разбудить культурного героя и наставить на путь [Топоров, 1987, с. 5-27]. Явление последнего и описано в текстах конца 1990-х – начала 2000-х годов, где в образе спасителя выступает *баба-богатырка*: Пашута из рассказа «В ту же

¹ Ср. высказывания новой критики, о том, что рассказы В. Распутина 1990-х годов предсказуемы, в них «бессмысленно искать – новых слов, нового порыва, новой правды, если угодно». См.: Ремизова М. Только текст. Постсоветская проза и ее отражение в литературной критике. М., 2007. С. 287.

землю», Агафья из рассказа «Изба», Тамара Ивановна из итоговой повести «Дочь Ивана, мать Ивана» [Ковтун, 2010, с. 80-93]. Тема пророчества, будущего связывается с образом *интеллектуала*, близкого авторскому сознанию, что намечено уже в рассказах 1980-х. Ключевые тексты в этом ряду – «В больнице» (1995), «Видение» (1997), «Новая профессия» (1998). Тривиальный сюжет последнего текста, повествующий о кризисе 1990-х, бессилии власти, вымирании провинции, растерянности интеллигенции подсвечивает история явления *нового мессии*. Фабула строится по модели испытания пророка, который приходит в отпавший от Бога мир со Словом любви, подобно Христу, на что указывает и возраст – 35 лет.

Главный герой – преуспевающий ученый, которому прочат блестящую карьеру, в годы социального хаоса теряет работу, друзей, любимую женщину, перемещается из центра на городскую окраину, в убогое общежитие. Его комната напоминает «угол», перекресток, гроб (в стилистике Ф. Достоевского), где жить нельзя, но мучиться и умирать, даже зеркало *«от несчастной жизни искажает Алешины черты»* [Распутин, 2007а, с. 309]. Значимость имени персонажа – Алеша Корнев (корневой, вечный) – подчеркивается автором: *«Имя, даваемое по святым ли, или, казалось бы, наугад из воздуха, не бывает случайным, а есть звуковой и образный оттиск личности, это имя носящей»* [Распутин, 2007а, с. 310], отсылает к сокровенным героям русского мира: от Алеши Поповича, Алексея, человека Божьего до Алеши Карамазова и самого Христа. Аскетический образ жизни (отчасти, невольный), неузнаваемость, портретное сходство с иконографическим образом святого Алексея – приметы избранности.

Судьба героя строится как преодоление видимой, бытовой реальности в поисках подлинного, смысла. Он отчуждается от близких, социума, изменяется внешне и внутренне, когда открываются особые зрение и слух: *«На него смотрели, как на иностранца, привезшего новые слова»* [Распутин, 2007а, с. 321]. В соответствии с житийным каноном герой появляется тихо, остается незамеченным, его новая роль – родственник молодых на свадебном пиру (метафора возрождения), произносящий тост о любви. Свадебный мотив вызывает разнообразные ассоциации, среди ключевых – диалог Платона «Пир», посвященный философии любви, первое чудо Христа в Кане Галилейской, указывающее на сострадание к людям, смену Ветхого Завета Новым, и праздник Пасхи. Исполнению миссии в рассказе предшествует этап очищения: Алексей читает русскую классику, переходит в идиллическое пространство патриархальной семьи (дом друзей), одевает праздничные одежды, *«чтобы легче было проникнуть внутрь чему-то по-*

стороннему, хорошо его знающему, что способен завтра навести в нем безупречный порядок», заполнить душу «огненным током» [Распутин, 2007а, с. 311]. На одной из свадеб новобрачным дарят катер (образ мира), подарок напоминает «пасхальное шоколадное яйцо, внутри которого спрятана игрушка» [Распутин, 2007а, с. 318]. Дети, сопровождающие действо, названы «херувимчиками». Однако праздник утрачивает приметы живого обряда, превращается в театральное действо, бедлам, оргию, когда родственников вытесняют нужные люди, а для слов любви приглашают специального человека. Сам герой понимает, что «говорить о любви тут было некому» [Распутин, 2007а, с. 319].

Характерно, что публика на свадьбах случайна, никого из гостей Алексей не встречал в реальности: «Ни одного знакомого лица. И это почти всегда – ни одного знакомого лица. На свадьбах гуляют, выходя вперед, новые люди» [Распутин, 2007а, с. 351]. Складывается атмосфера вымороченного, отраженного мира. И сам образ пророка остранен, непроявлен: «Он мягок и чуток характером, на светлом лице, без азиатской скуластости, чуть вытянутом, все расчерчено правильно и все мужское, но без мужской продавленности и крепости черт» [Распутин, 2007а, с. 310]. Герою дано понимание несоответствия собственной жизни проповедуемому идеалу любви (он оставляет двух женщин, сын ему «чужой»), безрезультативности проповедей – знает, что придет время, «когда не потребуются его слова о любви». Однако и после он готов спасать от ужаса бессонницы людей, осознавших, что жизнь, лишённая смысла – «не-жизнь». Сниженный образ пророка не является в рассказе объектом писательской критики, но служит проявлению «духовной сущности человека, ищущего метафизические ценности в мире практицизма» [Рыбальченко, 2007, с. 21]. Это указывает на изменение авторской позиции – пророческие интонации уступают место философичности, иронии (в «Видении» нарратор уже с юмором относится к прежним попыткам диалога со смертью).

В названных рассказах избранным героям дано приблизиться к непознаваемому. Глубина проникновения в метафизическое соответствует уровню самопостижения, что отличает *интеллектуального странника*. Как правило, свидание с тайной происходит ночью, в одиночестве, минутам откровения предшествуют преображение природы, сияние и тихий звон, указывающий на чистую беспредельность. В «Видении» рассказчик просыпается и слышит «Будто трогают длинную, протянутую через небо струну и она откликается томным, чистым, занывающим звуком» [Распутин, 2007б, с. 429]. Алеша Коренев, возвращаясь со свадьбы, «точно от ада, был отведен и перенесен в

рай», захвачен игрой света и «нескончаемой музыкой», звучащей над Байкалом. Метафорически выход из лабиринта-города к миру живой природы, «чувствилищу», напоминает платоновский сюжет о движении из пещеры к свету, когда душа человека «где-то чистится рядом, освобождаясь от всего чужого и низкого, что он неожиданно занес в нее» [Распутин, 2007а, с. 320]. В это мгновение герой становится «миром больше видимого мира», ему открываются слова о сострадании и любви, дар Златоуста. Общество новых русских, следующее рациональным ценностям, нуждается в них, как в «кислородной подушке», чтобы заполнить «удручающую неполноту» собственного существования.

Описание современных свадеб в рассказе периферийно, напоминает ярмарку тщеславия, «балаган и шутовство», где фигуры кружат в заведенном порядке, подружки невесты «*фальшиво и завистливо голосят над судьбой пропащей головушки, зыряка по сторонам ведьмиными накрашенными глазами*» [Распутин, 2007а, с. 325]. Одно из торжеств выделено, акцентированы имена жениха и невесты – «*Георгий, по имени победитель, и красавица Елена, по имени царица*» [Распутин, 2007а, с. 327], отсылающие к временам освобождения Руси от ига. Легендарный сюжет профанируется, жених наделен чертами дряхлости, вампиризма (с «*бескровным, точно напудренным лицом и подламывающейся улыбкой*»), сравнивается с Вием («*Обращается он, приспуская на глаза веки, бесстрастным и сильным голосом*»), Хозяином, окруженным шайкой домовых, из знаменитого сна Татьяны Лариной и мужем-генералом. Мотив сна усиливает атмосферу «зеркальности», шутовства, свадьба оборачивается поминками [Лотман, 1995, с. 655; Razumovskaya, 2014, p. 1432-1443]. Юная невеста всем чужая, полураздета (подвенечное платье «столь же нагое, как тело»), задыхается, «полумертвые холодные губы», «на ней нет лица», происходящее напоминает «торжественную казнь», сделку с дьяволом. Актуализируется архетипический для отечественной культуры мотив поруганной красоты. Русь/невеста ошибается в выборе жениха (Христа заменяет нечистый), история страны заходит в тупик, травестируется. Развитие мотива связано с образом пушкинской Татьяны, в котором увидят «апофеоз русской женщины» (Ф. Достоевский), «страстотерпицу», отдавшую судьбу в руки мужчины (В. Розанов), воплощение страдающей «русской души» (Д. Ранкур-Лаферьер). С публицистической откровенностью мотив пленения развернут в «Моем манифесте» (1997): «Подняли из укрытия национальную Россию, ограбили и раздели ее донага – вот она, “русская красавица”. И невдомек им, лукавцам (а часто и нам невдомек), что это уже не так, что, не выдержав позора и бесчестья,

снова ушла она в укрытие, где не достанут ее грязные руки. А та, что осталась, есть только похожесть» [Распутин, 1997, с. 77].

В историософии писателя, развернутой в рассказе, драматические заблуждения современной России очевидны на фоне периодов «цветущей сложности», к которым отнесены времена Рюрика, Киевской Руси, императорского двора времен Александра III, отмеченных особым единством власти и народа. Память о великом прошлом имманентно присутствует в настоящем: *«Точно земная кора сдвинулась и все поменяла, натянув сверху пленку похожести, на которой изредка что-нибудь мелькнет из старого»* [Распутин, 2007а, с. 352]. Перед проповедью Алексей Коренев идет к университетским друзьям, наделенным знаковыми именами – Игорь и Ольга, *«благодаря им Киевскую Русь на физмате знали не хуже, чем на историческом факультете»* [Распутин, 2007а, с. 311]. В тексте усилена параллель женского образа с образами Софии Премудрости («с розовым лицом хозяйка дома») и княгини Ольги – «первой русской святой», что в притче героя о красоте председательствует за Русь. Имя жены Алексея – Дагмара (светлая дева) – отсылает к образу Марии Федоровны – супруги Александра III. Героине не хватает в избраннике силы и мужества, как у «Трувора или Рюрика», основавших, по преданию, Древнерусское государство.

История героя как проповедника, хранителя «русской идеи» ограничена от профанной действительности ссылками на авторитет классики. Собираясь на торжество, Алексей *«книги читает спокойные эпического и чистого письма, окунаясь в “дворянские гнезда”, с их теплой и возвышенной жизнью под просторным небом»* [Распутин, 2007а, с. 308]. В завершение свадьбы он знакомится с *«молодую женщину, маленькой и хрупкой, заметной только достоинством, с каким она себя держит»* [Распутин, 2007а, с. 328]. Показательны имя героини – Ася и ее профессия – телохранитель. Складывается ситуация, близкая героям Ф. Достоевского (Алеше Карамазову, князю Мышкину), когда смысл их собственной миссии открывается через познание женского национального характера, былинных дев-богатырок [Смирнов, 2013, с. 25-36]. Тема женского богатырства – определяющая в историософии позднего В. Распутина, с ней связывается будущее страны. На эту идею работает и мифологический подтекст повести И. Тургенева «Ася», суть которого – космоизация мира посредством любви. В процессе рассказывания героем истории утраченной любви прошлое преобразуется, становится источником эстетического наслаждения. «Любовь предстала ценностью абсолютной, но при всем том всецело здешней, доступной, в принципе, каждому человеку, потому что ценность эта создавалась субъективным человеческим пережива-

нием и оставалась его достоянием – столь же хрупким, как и оно само, но в его пределах безусловно реальным» [Маркович, 2008, с. 288]. Известно, что прообразом «тургеневских барышень» стала пушкинская Татьяна Ларина [Печерская, 2002 с. 130], в этом контексте образ девушки-телохранителя альтернативен образу плененной невесты, однако снижен, ироничен. Алексей скептически рассуждает: *«Можно бы, конечно, ею увлечься... Но подумать только: как любить ушуистку? Женщина ли она?»* [Распутин, 2007а, с. 352].

Притча о любви, рассказанная героем на свадьбе, суть ироническое продолжение идеи Ф. Достоевского о красоте, спасающей мир. Бог, удовлетворяющий самые нелепые желания современных женщин, жаждущих походить на кинодив и моделей, делает это из сострадания, ибо *«если они не удержат возле себя любовь, у них ничего не останется»*. Но даже «десять капель любви» от той, что заповедовалась человечеству две тысячи лет назад, достаточно для начала новой истории: *«Но если бы они нашли нужным снова начать с этих десяти капель...»* [Распутин, 2007а, с. 344].

Итак, в позднем творчестве автор связывает будущее Руси и мира с возвращением к исконным **бытийным ценностям** любви, семьи, памяти, долга перед собственной землей и народом. Подлинная история страны далека от фактографии, связана со становлением **души народа**, ее искушениями, страданиями и прозрением. Цели истории открыты пророческому сознанию, но современное население ему не внимлет, отсюда снижение образа новых проповедников, их сосредоточенность на идее онтологии, выживания, а не трансцендентном. Спасение от рационализации настоящего – в расширении пределов видимого, когда бытийное пространство открывается в неназываемое (смерть, видение, сон), что находится где-то рядом с сущим. Будущее, лишённое благодати, приемлемым для жизни делают сострадание и милосердие, чувство родства, что акцентирует приоритет женского, рождающего начала.

Вместо идеала соборности, утверждаемого в зрелом творчестве, в позднем формируется идея личностного самостояния, мужественного одиночества, что связано с разочарованием в современной власти, утратой традицией охранительных свойств. Сокровенные герои поздних текстов заняты сотворением иной обрядовости и веры (дуализм языческой и христианской символики), способной объединить единых душных. Подобное отречение от современности, обращение к архаическим формам культуры, которые угадываются в настоящем, роднит творчество В. Распутина с идеологией старообрядчества. И, наконец, пересматривается авторская позиция, уходит пророческая нетерпи-

мость, абсолютизация слова. Если в рассказах «В больнице», «Новая профессия» герои еще перечитывают классику, то персонажи итоговой повести «Дочь Ивана, мать Ивана» отказываются от книжной мудрости, следуя родовой морали. Это связано и с разочарованием писателя в действенности собственных текстов, ироническое отстранение (без отчуждения) от идей переустройства мира.

Литература

- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1894.
- Исупов К.Г. Русская эстетика истории. СПб., 1992.
- Каминский П. «Славянские мечтания» В. Распутина (очерк «Что дальше, братья-славяне?») // Русскоязычная литература в контексте восточнославянской культуры. Томск, 2007.
- Ковтун Н.В. «Никольский» и «георгиевский» комплексы в повестях В.Г. Распутина: канон, народно-поэтическая интерпретация, историософия автора // Универсалии культуры. Красноярск, 2012. Вып. 4.
- Ковтун Н.В. Старуха, ангел, богатырка: генекратический миф традиционалистской прозы // Литературная учеба. 2010. № 4.
- Корчагина Е.Ю. Культура как базовая категория анализа российской идентичности // Дефиниции культуры. Томск, 1999. Вып. 4.
- Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1996.
- Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. СПб, 1995.
- Маркович В.М. Избранные работы. СПб., 2008.
- Нива Ж. Путь В. Распутина по опустевшему русскому дому // Время и творчество Валентина Распутина. М.; Иркутск, 2012.
- Печерская Т.И. «Ужель та самая Татьяна»? // Материалы к Словарию сюжетов и мотивов русской литературы. Новосибирск, 2002. Вып. 5.
- Плеханова И.И. Идеи русской религиозно-нравственной философии в публицистике В. Распутина // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения. М.; Иркутск, 2007. Вып. 16.
- Распутин В. «Главное в нынешней ситуации – держаться и не сдаваться!». Интервью В.Г. Распутина «Байкальской ниве» // Байкальская нива. 2004. № 3.
- Распутин В. В поисках берега: Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. Иркутск, 2007.
- Распутин В. Мой манифест // Аврора. 1997. № 3/4.
- Распутин В. Собр. Соч.: в 4-х тт. Иркутск, 2007а. Т. 4.
- Распутин В. Собр. Соч.: в 4-х тт. Иркутск. 2007б. Т. 3.
- Распутин В. Собр. соч.: в 3-х тт. М., 1994. Т. 3.
- Рыбальченко Т.Л. Интуиция метафизического в прозе В. Распутина // Три века русской литературы. М.; Иркутск, 2007.
- Смирнов В.А. Семантика имен в романе Ф. Достоевского «Идиот» // Mundo Slavico. 2013. № 12.
- Смирнов И.П.О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории. Wien, 1991.
- Тендитник Н.С. Валентин Распутин. Очерк жизни и творчества. Иркутск, 1987.
- Топоров В. Образ трикстера в енисейской традиции // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987.

Шатин Ю. Исторический нарратив и мифология XX века // Критика и семиотика. 2002. Вып. 5.

Razumovskaya V.A. Mysterious Scenes in the Novel «Eugene Onegin»: Reconstruction in Translations // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2011 (4). № 10.

ФЕНОМЕН ВЫДВИЖЕНИЯ В СТИХОТВОРНОЙ РЕЧИ И ПРОФИЛИРОВАНИЕ ОБЪЕКТА И СИЛЫ ВНИМАНИЯ ЯЗЫКОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Т.В. Устинова

Ключевые слова: выдвижение, фокус внимания, когнитивная поэтика, «языковая поэзия».

Keywords: foregrounding, focus of attention, cognitive poetics, language poetry.

В отечественной филологии выдвижение имеет давнюю – заложенную формалистами – традицию изучения. Концепт «выдвижение» относится к ключевым понятиям стилистики и получает вариативные трактовки в этой области знаний в зависимости от разновидности исследовательского подхода в литературоведении, функциональной стилистике, коммуникативной стилистике, стилистике декодирования и др. В классическом определении И.В. Арнольд под выдвижением понимаются «способы формальной организации текста, *фокусирующие внимание* читателя на некоторых чертах текста и устанавливающие смысловые связи между элементами разных уровней или дистантными элементами одного уровня» (курсив наш. – Т.У.) [Арнольд, 1999, с. 203]. Традиционно выдвижение рассматривается как средство создания экспрессивности текста и исследуется путем анализа стилистических приемов (фигур, тропов), образующих эстетический контекст.

В западной научной традиции выдвижение (*foregrounding*) считается сложным объектом, исследуемым с позиций, «как минимум, трех методологических подходов – лингвистического, литературоведческого и психолингвистического» [Aristar-Dry, 1992, с. 437]. По мнению Х. Аристар-Драй, одна из базовых предпосылок исследования данного феномена состоит в необходимости разграничения выдвижения как универсального когнитивного процесса и выдвижения как языкового и текстового явления, «запускающего этот когнитивный процесс»

[Aristar-Dry, 1992, с. 438]. Соответственно, выдвижение требует комплексного, многоаспектного анализа в рамках исследования «когнитивной выделенности» (*cognitive saliency*), реализованной языковыми средствами, «семантической выделенности» (*semantic saliency*), «нарративной выпуклости» (*narrative prominence*), «тематической важности» (*thematic importance*) [Aristar-Dry, 1992, с. 438-443], то есть анализа аспектов системно-языковой, содержательной, экспрессивно-выразительной и контекстной обусловленности данного феномена. Попытка дискурсивно-когнитивного анализа выдвижения осуществляется в рамках «когнитивной поэтики» – междисциплинарной научной области, которая продолжает «определяться» с кругом объектов своего изучения и методологией [Ахапкин, 2012]. По мнению И.А. Щировой, «уточнение принципов выдвижения на основе подходов когнитивистики представляет очевидный интерес и позволяет описать базовые принципы организации текста, основываясь на универсальных механизмах *распределения внимания* и языковых способах их реализации» (курсив наш. – Т.У.) [Щирова, Гончарова, 2006, с. 167-168].

Интересным представляется тот факт, что и в традиционнo-стилистической, и в дискурсивно-когнитивной парадигме исследования акцентируется важность (см. выше наш курсив) специфического профилирования внимания в процессе текстового выдвижения. Тема языковой обусловленности распределения внимания сегодня получает широкое распространение в различных областях лингвистики (см., например, [Падучева, 2003], [Talmy, 2003]). Распространение термина «фокус внимания» и инициация исследований соответствующей проблематики связаны, прежде всего, с именем американского типолога Леонарда Талми [Talmy, 2003]. Тема языковой обусловленности распределения внимания у Талми и его последователей разрабатывается в связи с изучением когнитивных процессов перспективизации, профилирования, дифференциации внимания между объектами, относящимися к фигурам и фону. Е.В. Падучева отмечает: «В книге Леонарда Талми о когнитивной семантике центральное место занимает глава о кадрировании внимания (*windowing of attention*), посвященная избирательности человеческого восприятия, которая – избирательность – отражается в языке в виде разнообразных возможностей сдвига фокуса внимания при описании одной и той же внеязыковой ситуации» [Падучева, 2003]. Проблема выраженности фокуса внимания в речи имеет прямое отношение к определению взаимосвязи структуры человеческого опыта и особенностей восприятия окружающей действительности с возможностями выражения воспринимаемого, заданными языковой системой и речевой ситуацией. В работах Л. Талми описаны фак-

торы языковой реализации распределения внимания, учитывающие разнообразные свойства «морфем». В терминологии Л. Талми морфемы – «минимальные языковые формы, связанные со значением» [Talmy, 2003, с. 5]), к которым автор относит множество речезыковых единиц от «элементарных частиц» (несоставных морфем) до идиом и конструкций (подробнее о понимании термина «конструкция» и его теоретической интерпретации в когнитивной лингвистике см. в [Рахилина, Кузнецова, 2010]). В самом общем виде описанные Л. Талми факторы лингвистического влияния на профилирование внимания можно классифицировать по двум основаниям [Talmy, 2003]: (1) факторы, имеющие отношение к системно-языковым свойствам морфемы (ее словообразовательные особенности, фреймовые и прототипические параметры выражаемого концепта, лексико-семантическая структура); (2) факторы, имеющие отношение к морфолого-синтаксическим параметрам употребления морфемы в речи.

Большинство исследований языкового распределения внимания ведется на материале нормативной разговорной речи в процессе бытовой коммуникации. По нашему мнению, изучение феномена выдвигения в художественной коммуникации способно расширить представления о языковой обусловленности смещения фокуса внимания и языковой организации содержания высказывания, соответствующего уникальной категоризации человеческого опыта. Как отмечает Р. Цур в своих работах по когнитивной поэтике, некоторые явления художественного текста проявляются как результат «интенсивного вмешательства в регулярное течение когнитивных процессов» [Tsur, 1997]. С этой точки зрения, особый интерес представляют «экстремальные случаи» радикальной поэзии (например, русского авангарда, итальянского футуризма, американского модернизма и др.), которые являются, в терминах Р. Цура, «организованным насилием над когнитивными процессами» [Tsur, 1997]. Если в норме в обыденной коммуникации стоит цель достичь смысловой «отчетливости и ясности» [Talmy, 2003], то в поэтической коммуникации очевидны совершенно иные коммуникативные интенции. Соответственно, профилирование внимания в процессе организации поэтического высказывания осуществляется другими (по сравнению со стилистически-нейтральным высказыванием) средствами, что делает необходимым изучение намеренного управления «аттенциональными эффектами» (*attentional effects* [Talmy, 2003, с. 6]), способов создания языкового контраста между областями более и/или менее выделенными с точки зрения внимания адресанта, а также экспрессивно-стилистического потенциала различных способов языкового маркирования смены фокуса внимания.

Очевидно, что феномен профилирования внимания в стихотворной речи требует изучения совокупности многих факторов влияния на языковую реализацию объекта и силы внимания. Данная статья посвящена описанию лишь одного из многочисленных языковых факторов, акцентирующих объект и силу внимания в речи – фактора влияния формальных характеристик морфемы (*factors involving formal properties of the morpheme* [Talmy, 2003, с. 5-6]). Материалом исследования стали тексты из поэтического сборника *The Guard* Лин Хеджинян [Hejirian, 1984], представителя постмодернистского авангардного течения «Языковая Школа Поэзии».

По Л. Талми, важная формальная характеристика морфемы, устанавливающая объект и силу внимания, – степень ее морфологической автономности [Talmy, 2003, с. 6]. По его мнению, «концепт получает большее внимание и, как следствие, большую отчетливость и ясность, если он выражен свободной, а не связанной морфемой» [Talmy, 2003, с. 6]. В качестве примера Л. Талми анализирует способность морфем *ship* и *-port* передавать значение *convey bulky objects by vehicle over geographic distances* во фразовых глаголах типа *ship in*, *ship out* и дериватах типа *import*, *export*, *transport*. Автор приходит к заключению, что автономная морфема обеспечивает отчетливое выдвижение концепта именно благодаря отсутствию морфологической связанности с аффиксами [Talmy, 2003, с. 6]. В стихотворной речи Л. Хеджинян наблюдается противоположная тенденция – благодаря смене фокуса внимания выдвижению зачастую подвергаются концепты, выраженные словами со сложными словообразовательными значениями. Так, в проанализированных текстах сборника *The Guard* наблюдается следующая идиостилевая особенность: сравнение вводится не посредством свободных словосочетаний, содержащих коннекторы *like*, *as*, *than*, а с помощью окказионализмов, образованных с помощью суффикса *-like*. В таких случаях авторская номинация задействует два основных способа словообразования:

1) суффиксацию (мотивирующая основа плюс суффикс *-like*) в новообразованиях типа *taffylike*, *leopardlike*;

2) префиксально-суффиксальный способ (приставка *un-* плюс мотивирующая основа плюс суффикс *-like*), например, *unstationlike*, *unsurflike*, *unrecipelike*.

Формально такие окказионализмы представляют собой прилагательные, обозначающие уподобительный признак предмета. Что касается содержательного аспекта таких окказиональных образований, то его следует рассматривать в комплексной взаимосвязи со значениями других элементов, составляющих такой троп, как сравнение. Концептуальная интеграция этих элементов становится возможной благодаря ком-

прессии взаимодействующих структур [Fauconnier, 2005]. В поэтическом идиостиле Л. Хеджинян в окказиональных сравнительных конструкциях компрессия происходит с использованием механизмов аналогии и дизаналогии. Например, в следующем высказывании выдвигению подвергается именно качество «подобия» и отношения аналогии:

<...> *Nasturtiums
are like goldfish. Parachutes a nuisance
like umbrellas. The slowness increases
angelic, taffylike* [Hejiniyan, 1984].

В последнем предложении в фокусе внимания находятся отношения аналогии между абстрактным понятием *slowness* («медлительность») и вещественным *taffy* («ирис»). Уподобление строится на основе сходства одного признака – *requiring or taking a long time* (здесь и далее английские дефиниции приводятся по [Online and Mobile Language Reference Service, URL]). В качестве *tertium comparationis* в данном случае выступает временной критерий: ≈ «делать что-то медленно, так же медленно, как тянется ириска, как жуют ириску». Аналогическое прояснение здесь задействует метонимические переносы нескольких типов: «причина ® следствие» и «материал / вещество ® его свойство» (тягучая консистенция вещества обуславливает необходимость большого количества времени для его производства / потребления). Выдвижение уподобления сопровождается процессом дефокусирования, то есть «выведением из фокуса внимания определенных свойств объектов или ситуаций» [Ирисханова, 2007, с. 72]. Вероятно, в данном случае нерелевантным оказывается целый ряд свойств концептуализованных объектов – например, свойств *sluggish* и *gradual* для *slowness* и свойств *sweet* и *glossy* для *taffy*.

В другом примере в фокусе внимания оказывается отношение дизаналогии и качество «различия» между двумя концептами:

*The morning warms and it is noisy, bees
raising pitch, flowers packed onto their pedestals.
<...> A beauty of the indescribable. Leopardlike
loose. The buzzing is unrecipelike
though it makes the social sound of thought
in train, accelerating, between the stages of recognition*
[Hejiniyan, 1984].

Здесь своеобразное отрицательное сравнение звука (*buzzing*) с предметом (*recipe*), оборачивается противопоставлением «хаотическое vs. четко структурированное». По сути, такое противопоставление относится к категории, обозначенной в данном отрывке автором как *A beauty of the indescribable*: красота природы (ее звуки) не поддается

четкому исчислению, разложению на составляющие компоненты. Соответственно, словообразовательные форманты *-un* и *-like* в окказионализме *unrecipelike*, вероятно, в совокупности можно семантизировать как «невозможность уподобления по причине отсутствия основания сравнения». В случае с другим окказионализмом из процитированного стихотворения в выражении *leopardlike loose* суффикс *-like* имеет значение, скорее, принадлежности («как у леопарда», «как в случае с леопардом»), а не подобия или тождества.

Таким образом, во всех проанализированных примерах автор демонстрирует лингвокреативные способности преобразования языковых форм и значений на основе переосмысления внутрисловных отношений (между производящей базой и формантной частью деривата) и междусловных взаимосвязей (между элементами сравнения). Сознательно эксплуатируя семантический потенциал словообразования, по-своему интерпретируя и развивая заложенные в системе языка деривационные возможности, поэт ставит перед собой цель диаметрально противоположную стремлению добиться «отчетливого выдвигания концепта», как в случае употребления морфологически автономной морфемы в обыденной коммуникации. В рассмотренных примерах использования производных слов акцент делается на поэтическом приращении смыслов, на тех эмерджентных свойствах морфемы, которые образуются в процессе сложной взаимосвязи и взаимодействия составляющих ее элементов и контекста ее функционирования. Наибольшую силу внимания в проанализированных примерах получает связанная морфема, а именно словообразовательный формант *-like* (или форманты *-un* и *-like*), маркирующий определенный тип концептуальных отношений (тождество, подобие, соотнесенность, противопоставление). Таким образом, чрезвычайная сложность уникальной концептуализации в процессе поэтического речепорождения требует использования других (отличных от обыденной коммуникации) механизмов установления силы и объекта внимания. Как было показано на примерах окказионализмов Л. Хеджинян, в фокусе внимания оказывается как раз связанная морфема, а не автономная, в отличие от случаев, описанных Л. Талми на материале обиходно-бытовой речи, лишенной эстетической выразительности. Факторы влияния формальных характеристик морфемы (в частности, ее морфологической автономности или связанности) могут целенаправленно использоваться поэтом для достижения несвойственных разговорной речи аттенциональных эффектов, то есть эффектов, обеспечивающих семантические приращения за счет смещения фокуса внимания. Например, в случае «языковой поэзии» выдвиганию подвергается семантическая многоплановость поэтического слова, его потенциальность, «смысловая сте-

реоскопичность». В автометаописаниях «языковые поэты» заявляют о стремлении «умножить точки внимания» и добиться «сложной читабельности» своих текстов [Andrews, 1980].

Подведем итоги:

1. Стратегии распределения внимания в стихотворной речи находятся в тесной связи с интенциональностью поэтической деятельности.

2. Сложность уникальной концептуализации в процессе поэтического речепорождения и специфические авторские интенции требуют использования других (отличных от обыденной коммуникации) языковых механизмов реализации когнитивного феномена профилирования внимания. Так, в проанализированных стихотворениях Л. Хеджинян выдвиганию подвергается связанная морфема – суффикс *-like*, маркирующий определенный тип концептуальных отношений (тождество, подобие, соотнесенность, противопоставление).

3. Специфическое видение возможностей смещения фокуса внимания в процессе порождения высказывания позволяет элитарной языковой личности поэта создавать в процессе речезыковой деятельности разнообразные прагмасемантические и стилистические эффекты.

Литература

- Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб., 1999.
- Ахапкин Д. Когнитивный подход в современных исследованиях художественных текстов // Новое литературное обозрение. 2012. № 114.
- Ирисханова О.К. Концептуальный анализ и процессы дефокусирования // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М.-Калуга, 2007.
- Падучева Е.В. К когнитивной теории метонимии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Paducheva.htm>
- Рахилина Е.В., Кузнецова Ю.Л. Грамматика конструкций: теории, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций. М., 2010.
- Щирова И.А., Гончарова Е.А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. СПб., 2006.
- Andrews B. Text and Context. [Электронный ресурс]. URL: <http://eclipsearchive.org/projects/LANGUAGESupp1/pictures/019.html>
- Aristar-Dry H. Foregrounding: An Assessment. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sil.org/resources/archives/8931>
- Fauconnier G. Compression and Emergent Structure. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ling.sinica.edu.tw/files/publication/j2005_4_02_9806.pdf
- Hejninian L. The Guard. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eclipsearchive.org/projects/GUARD/Guard.pdf>
- Online and Mobile Language Reference Service. [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.reference.com>
- Talmy L. Attention Phenomena. [Электронный ресурс]. URL: <http://wings.buffalo.edu/linguistics/people/faculty/talmy/talmyweb/Recent/attention.pdf>
- Tsur R. Aspects of Cognitive Poetics. [Электронный ресурс] – URL: <https://www2.bc.edu/~richarad/lcb/fea/tsur/cogpoetics.html>

**ФИЛОСОФИЯ БЫТИЯ ГУЦУЛЬЩИНЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ЮМОРА В УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА**

Т.В. Быкова

Ключевые слова: текст, юмор, художественное творчество, поэтика, Гуцульщина.

Keywords: text, humor, arts, poetics, Hutsulshchina.

В украинской литературе начала XX века среди тем, которые больше всего интересовали писателей того времени, особое место принадлежит художественно-философскому изображению бытия Гуцульщины. Прежде всего, это было связано с непостижимой и величественной красотой гуцульского экзотического края. Многие художники слова стремились исследовать загадочный мир Карпат, доискаться причин неисчерпаемой энергии духа его жителей-гуцулов.

Интерес к гуцульской тематике проявляли как писатели-гуцулы (Ю. Федькович, С. Воробкевич, Марко Черемшина, М. Атаманюк, М. Козорис, А. Крушельницкий, А. Манчук и др.), так и литераторы, которые при определенных жизненных обстоятельствах находились на Гуцульщине в разные периоды своей жизни (М. Коцюбинский, О. Олесь, В. Гжицкий, Х. Алчевская, И. Хоткевич и др.). Увидев удивительный, нетронутый цивилизацией Карпатский край, восточно-украинские писатели не без восхищения и любви воплощали все увиденное в искусство слова. Таким образом, в начале XX века в украинской литературе выделяется «отдельная ветвь – гуцульское тематическое стилевое течение» [Денисюк, 2005, с. 3]. Гуцульщина предстает в произведениях писателей того времени в разных ипостасях, как своеобразный организм, со временем растущий и развивающийся, приобретающий «зрелый» вид и получающий в процессе своего формирования необходимые знания. В таком понимании юмор, являясь составляющим элементом жизненного пространства всего «разумного», логично становится неотъемлемой частью бытия Гуцульщины.

К «чужим» писателям, которые величием художественного слова воспели этот необычный горный край, принадлежит украинский автор, представитель Восточной Украины, Игнатий Хоткевич. «Гуцульский» период жизни писателя наполнен прозаическими («Каменная душа», «Горные акварели», «Довбуш», «Авирон», «Гуцульские картинки»), а также драматическими произведениями – пьесы «Верховинцы», «Довбуш», «Гуцульский год», «Непростое», «Практичный поляк» и пр.

Литературное творчество писателя исследовали в своих научных трудах многие украинские ученые, в частности: П. Арсенич, А. Болабольченко, Я. Партала, И. Пелипейко, И. Приходько, Ф. Погребенник, В. Стефюк, В. Шевчук и другие. Однако характеристике особенностей использования юмора в прозаическом наследии художника не было уделено особого внимания.

Все гуцульские рассказы Хоткевича построены на основе впечатлений от увиденного и услышанного писателем во время путешествия по Гуцульщине. С точностью корреспондента писатель стремится воссоздать все чувства, эмоции, целую гуцульскую жизнь, увиденную собственными глазами. Находясь под впечатлением красоты этого экзотического края, с позиции неместного жителя автор раскрывает эпизоды повседневной жизни гуцулов, где юмора значительно меньше, чем хотелось бы увидеть или услышать. Однако такое отношение к представлению материала не свидетельствует о незаинтересованности автора гуцульским юмором или отсутствии комических либо смешных ситуаций в их жизни. Юмористическая тематика стала центральной темой рассказов И. Хоткевича «Блуд», «Волшебная палка», «Две дьячихи», «Пожарище», «В корчме», «Гуцул», «Утро» и др.

В рассказе «Блуд» юмором наполнены довольно необычные жизненные ситуации, когда представитель степного региона не понимает некоторых особенностей культуры, быта и обычаев карпатских жителей. Непонимание гуцулами позиции степняка вызывает немало комических ситуаций, в которые попадает непосредственно автор-рассказчик. Причем довольно интересно наблюдать, что, собственно, специально гуцулы не хотят видеть объектом насмешки действия самого автора, не стремятся они и стать объектом юмора с его стороны, остаются серьезными и неуязвимыми эмоционально во время развертывания события. Повествование в произведении построено таким образом, что читатель сам должен понять, над чем стоит искренне смеяться, а что является своеобразным моральным наставлением с помощью незлобной улыбки.

Рассказ «Блуд» не является вполне юмористическим, потому что начинается довольно трагически: автор-рассказчик вместе с маленьким мальчиком заблудился в горах в лесных чащах. В процессе неспешных размышлений-воспоминаний событий, которые предшествовали трагической ситуации, становится понятно, что виновным является «блуд». Это понятие в произведении раскрывается с позиции опытного гуцула: *«То є нечїсть така, шо си ловит чоловіка, тай мусиш їзблудити, хучь би єк дорогу знав»* [Хоткевич, 1931, с. 215].

Г. Хоткевич в процессе развития события выбирает позицию активного наблюдателя за собственными эмоциями, подробно фиксируя весь ход изменений своего внутреннего состояния: *«Страх мене взяв. Це ж воно сидить десь, бідне хлоп'я, під деревом, може плаче... Страх обхоплює дужче, уява починає малювати жахливі картини (письменники, вони ж спеці по цій часті)... Одчай заповз у душу. Хвилини здаються годинами. Іду вже наосліп, трачу свідомість і – натрапляю на свого хлопця. Воно сиділо-сиділо й заснуло, притулившись спинкою до дерева... Ну, скажіть самі – хіба несе діло рук нечистої сили»* [Хоткевич, 1931, с. 214]. В данной ситуации выбор именно такой формы представления материала лучше воспроизводит весь ход размышлений автора, служит непосредственным подтверждением предварительно изложенному мнению опытного гуцула. Создается впечатление, что автор ищет в собственных эмоциях доказательство существования «блуда».

На самом деле, оказывается, виновным является сам рассказчик, ведь не захотел послушаться опытных гуцулов, не поверил, что так легко можно заблудиться в лесу, потеряв ориентировку на местности: *«Чув я про Чорногору й її особливу красу. Вийшовши на грунь, бачив тасмні, в туман далечини повті контури, а гуцули мені казали: ото Говерля, ото Пип Іван... І надумав я, безсила нікчемна ленка (так гуцулы называют одетых не в гуцульский убор или интеллигентов. – Т.Б.), зробити прогулку по Чорногорі. Сам... Для більшої приступності вражисьь...»* [Хоткевич, 1931, с. 214].

Однако именно юмористическое отношение к событиям, которые произошли в жизни героя, и помогает ему преодолеть напряжение, посредством улыбки «спрятать» в душе страх за безысходность, сориентироваться на местности, «включить» разум, а не чувственную сферу. Путем воспоминаний всех событий, которые предшествовали их «углублению» в Черногору, автор стремится одновременно и «подавить» страх, что запал в душу, и адекватно спокойно реагировать на такое «приключение» в горах.

События, которые вспоминает автор, по насыщению юмора и за объектом юмора разные. Наиболее эмоционально нагруженной есть история с пшеном, который захотел приобрести рассказчик, чтобы по чумацкой традиции в пути сварить кулеша. Здесь происходит своеобразное «наложение» двух культур и двух традиций, когда рассказчик, вводя собственную традицию казацких походов в горах, а не в степи, не учитывает местных особенностей. В комическую ситуацию попадают как рассказчик, так и гуцулы. В качестве объекта комизма рассказчик выступает в момент собственного рассуждения, что в гуцульской корчме

среди гор можно купить все: *«Це гуцульський Мюр і Мериліз (крупнейший торговый центр в Москве в начале XX века. – Т.Б.), як говорилося давніше, чи універмаг, як говориться тепер. У корчмі ви можете дістати все, «ну рахувати – все», так бодай мене запевняли гуцули. І я йшов туди з думкою купити ананасів, електричний прилад для манікюру й ще інші дрібниці. А насамперед пиона»* [Хоткевич, 1931, с. 215].

Объектом юмора становятся и гуцулы, например, в эпизоде, когда не могут понять значение слова «пшено». Опытные гуцулы просят совета у старшего гуцула, «патриарха семьи», который «объясняет» «пшено» как пшеницу. Таким «пояснением» он и «раскрывает глаза» рассказчику на перспективу «купить все» в корчме. Стоит заметить, что комизм ситуации, проявляется, собственно, при оценке ее читателем, который невольно становится наблюдателем события – ни рассказчик, ни гуцулы не смеются друг над другом. Рассказчик информирует реципиента таким образом, чтобы читатель как наблюдатель события со своей стороны сумел оценить комизм ситуации.

Добрый «гуцульский» юмор демонстрирует автор в ситуации с гуцулом-поводырем, смеющимся над своей шуткой про молодую ель, на которую много лет назад надел катушку для ниток: *«Смерічка росла – і підіймала разом із своїм вершком і катушку. І тепер вона, та катушка, висо-око! Хіба не смішно? І сміялися ми обоє. І сонце з нами сміялося»* [Хоткевич, 1931, с. 219]. Такая добрая улыбка, искренность гуцула улучшает атмосферу общения между друзьями, свидетельствует об открытости души гуцула, способности и в простых жизненных буднях найти повод для поднятия настроения, положительно настроить собеседника на восприятие нужной информации.

Однако иногда такая детская наивность оборачивается и против гуцула. Например, в ситуации, когда все тот же гуцул Иосиф в трюлявом пне у дороги скорее по привычке, чем по логике хочет отыскать тайных сокровищ опришков-разбойников. «Солнцеподобная улыбка» гуцула при этом вызывает у рассказчика шутовское удивление над недостаточной рассудительностью поступка Иосифа.

В произведении автор вспоминает все события, когда по очереди то он, то гуцулы выступали объектами юмора. Однако лишь через некоторое время становится понятно, что большинство ситуаций, которые могли, по мнению автора, случиться с рассказчиком, можно было обойти. Здесь причина, по мнению писателя, прежде всего находится в непонимании соотношения двух различных культур: *«І тільки потім, поживши трохи на Гуцульщині, я зрозумів, що не всі думки, які здаються геніальними, є такими в дійсності. І що треба було бути зовсім сліпою»*

людиною, щоб думати, що в Чорногорі можна йти от так собі, як на проспекті» [Хоткевич, 1931, с. 217].

Таким образом «развенчивается» культ гениальности рассказчика. Ведь читатель фактически должен воспринимать его больше как человека интеллигентного, образованного, однако на самом деле он неопытен в общении с гуцулами. Своеобразным доказательством этой позиции выступает диалог двух гуцулов, из которого (как оказывается на удивление автора) один, имея физическое несовершенство, является более сильным, «стопроцентным гуцулом» в моральном плане. Мнение такого гуцула стоит большего внимания здесь в горах: *«А Соломіїчук хіба не горець, хіба не стопроцентовий гуцул? І виходило, що ні. Він більше в селі, а оцей у полонинах, у властивих горах, так би сказати, в горах у квадраті»* [Хоткевич, 1931, с. 217].

Оценивая диалог гуцулов, автор дает возможность читателю с юмором отнестись к собственно авторской искренней наивности. Не перетягивая юмористический акцент повествования, герой вспоминает до мельчайших подробностей все веселые эпизоды их путешествия горами. Искрометным юмором наполнены воспоминания о встрече с маленькой девочкой, дочкой лесника, вызывающей добрую улыбку из-за неумения еще четко говорить; юмористическая ситуация с ожиданием лесником богатого гостя; шутливая история гуцула Иосифа о деяниях нечистой силы над неместными; собственные мысли рассказчика, когда он, по его мнению, по настоянию черта решил не дорогой широкой идти, а выбрал непролазные чащи, чтобы сократить себе путь. Автору-рассказчику удается ловко удерживать внимание читателя вокруг той ситуации, в которую он попал. С одной стороны, реципиент уже предвкушает по юмористической тональности повествования, что рассказчик и маленький мальчик найдут выход из леса, а с другой — сопереживает главному персонажу, ведь по замыслу автора невольно углубляется в его мысли.

Так создается эффект присутствия читателя в произведении, мысли персонажа становятся собственно мыслями самого реципиента, которые полны оптимистического взгляда на жизнь, даже несмотря на трагичность ситуации: *«Насамперед – що таке мох? Оце собі хто-й-зна яке лушпиннячко якесь – то оце й єсть мох? Чи може це само собою, а мох само собою? Якщо це мох, то він же, бісів син, росте на всіх чотирьох сторонах світу – і од захід, і од схід і по ньому ніяк до архікнязя не попадеш. А якщо не це мох, то ох! Де ж той мох?»* [Хоткевич, 1931, с. 223].

Таким образом, автор отправляет читателя искать ответ в собственных мыслях, побуждая задуматься его, а что бы он сделал в такой

ситуации. Развязка произведения наступает внезапно, ведь выход рассказчик находит довольно быстро, благодаря «могучему человеческому интеллекту»: выйти из гор можно ручьем, впадающем в реку, которая протекает возле дома лесничего: *«І я почав їти так, щоб натрапити на потік. І – натрапив! І зійшов униз, на ту саму дорогу, якою я не хотів був їти»* [Хоткевич, 1931, с. 223].

Юмористические воспоминания рассказчика помогли ему внутренне успокоиться, настроили на логическое мышление, что и позволило сориентироваться в довольно сложной ситуации. Последствия приключения, в которое попал рассказчик, могли не быть такими счастливыми, ведь лесничий, первым встречающий его из страшной поездки, констатирует: *«Ну, щастя ваше, що ви схаменулися скоро. Бо ви там і тиждень могли б блудити»* [Хоткевич, 1931, с. 223]. В представленной ситуации довольно юмористически выглядит комментарий рассказчика: *«Так от і я знаю, що таке є блуд... (прошу не розуміти мене криво)»* [Хоткевич, 1931, с. 223]. Такой «легкий» юмор служит шутивным намеком рассказчика на настоящую, более прозаическую причину «блуда» горами, дает читателю возможность в довольно прозрачной форме понять авторский юмористический настрой. Кроме того, автор способствует решению читателя принять условия такой своеобразной комедийной игры в поисках причин «блуда», где собственная неосторожность и опрометчивость становятся настоящими виновниками событий, развернувшихся в жизни рассказчика в Черногории.

Среди гуцульских рассказов Хоткевича особое место принадлежит и рассказу «Две дьячихи». По своим художественным признакам это чисто юмористический рассказ об отношениях двух гуцулок, на которые отложили отпечаток общественные процессы начала XX века. Выбирая при описании их отношений позицию рассказчика, автор детально воспроизводит последствия изменения внутреннего мира бывших простых гуцулок, которые путем бракосочетания стали выше обычных крестьянок на иерархической ступени – одной удалось выйти замуж и уехать из села в город Станиславов, другая стала сельской дьячихой.

В традициях гоголевской смеховой культуры описаны автором те события, которые происходят с двумя гуцулками после их неожиданной встречи в селе. Сама встреча возле узкой кладки через реку психологически предполагает своеобразную борьбу двух женщин. Борьба должна состояться как в физическом смысле, так в моральном, ведь кто-то должен уступить свое место, чтобы тоже проехать кладкой и не упасть в реку. В этой комической ситуации победительницей становится чувства обеих персонажей, мимоходом углубляясь в их сознание: *«Се був тріумф, але станіславівська дьячиха не показувала зовсім, як її се*

тішити, а тильно дивилася на дно Черемоша, неначе вбачила там щонайменше чудотворний образ.

А сільська дядчиха аж позеленіла, побачивши кому вона дала дорогу. Та чимборше схилилася і почала, мов би щось виколупувати з поміжи пальців – от 'ік би скалку чи що» [Хоткевич, 1931, с. 121]. По реакции станиславовской дьячихи становится понятно, что в моральном смысле эта борьба еще будет продолжаться, несмотря на такой «торжествующий» въезд в родное село.

Собственно «гуцульский» юмор проявляется в произведении в момент «общения» станиславовской дьячихи со старым гуцулом – фирмачом, извозчиком, что знал ее еще совсем маленькой. Природное остроумие старого гуцула лишний раз доказывает гордость и презрение в отношении ко всему гуцульскому со стороны «бывшей» гуцулки – станиславовской дьячихи, которая *«дивилася на нього, як на папуаса, по тричі перепитувала, що він говорить, так що гуцул нарешті плюнув і досить нетречно спитав:...- На наших колачах вігдувала си та вже й нашу бесіду забула? А того не забула, ек я тебе зпавав у наших фасу лях, та задер запашишну та по голій ... вибив добре, абес знала, ек фасулі толочити?...Грубий, некультурний гуцул голосно називав такі часті тіла, про які станіславівська дядчиха навіть сумнівалася, чи взагалі вони можуть у неї існувати» [Хоткевич, 1931, с. 121].* станиславовская дьячиха. При этом автор с юмором анализирует внутренние

Раскрывая далее отношения двух «подружек», автор подтвердит высказанные слова гуцула о прошлой жизни дьячихи. Таким невольным авторским вмешательством Г. Хоткевич усиливает истинность мыслей гуцула в остроумной форме с позиции незаинтересованного наблюдателя: *«Станіславівська дядчиха виросла таки у цім селі, і подія, про яку так нетречно згадував гуцул, дійсно мала місце й була історичним фактом. Правда з того часу мала Одокійка встигла вирости, вийти заміж за таку особу, як дек у самім Станіславові...» [Хоткевич, 1931, с. 122].*

Незначительные на первый взгляд моменты, которые фиксирует автор в сознании читателя, создают полноценную картину пустоты внутреннего мира бывшей крестьянки, которая в городской жизни увидела лишь безмятежность: *«Ідучи сюда забирала з собою все, що тільки знаходилося блискучого в її хаті»*. С позиции опытной городской жительницы и происходит оценка деревенской действительности, в которую попадает станиславовская дьячиха.

Характеры двух «подружек» автор раскрывает во время многочисленных сравнений их поведения. Полноты восприятия образов добавляет углубление во внутренний мир персонажей, который для читателя остается открытым. Это позволяет реципиенту не только с юмором сле-

дить за событиями, разворачивающимися в произведении, но и увидеть внутренний мир двух дьячих, который они скрывают друг от друга.

Комический эффект создается путем сопоставления поведения героинь при их разговоре с реальными мыслями и намерениями. По логике развития событий станиславовская дьячиха получает моральную «победу»: автор подробно комментирует, по каким причинам произошла это «победа»: *«Поволі-поволі, але на всіх пунктах станіславська дьячиха одержала верх. Преці ж знала багато речей цілком невідомих сільській дьячисі: мала нервову кров, мала будз'як, лаковані черевики, а найголовніше – капелюхи. І з того моменту, коли сільська дьячиха смиренно й одверто признала вищість своєї станіславської колежанки – між ними запанувала цілковита гармонія»* [Хоткевич, 1931, с. 127].

Под ироническим финалом, фиксирующим факт временного «перемирия», скрыта тонкая сатира на общественную жизнь определенной прослойки женщин-гуцулок, которые в разной степени стали отстраненными от настоящей гуцульской жизни, а потому и не выступают носителями и продолжательницами традиций, обычаев и обрядов Гуцульщины. Происходит своеобразная констатация неизбежного влияния цивилизации на аутентичную, экзотическую с позиции цивилизации жизнь местных жителей. Собственно гуцульского в этом рассказе и остается, что старый гуцул, который пытается «обратить» бывшую гуцулку к гуцульскому восприятию действительности и «гуцульские» мысли сельской дьячихи, которые под тотальным влиянием станиславовской меняют свое направление. Констатацией такой, на первый взгляд, юмористической истории встречи двух «необычных» гуцулок автор стремится доказать читателю, что с утратой этнических ценностей изменяется их настоящая, внутренняя сакральная, ментальная и глубинная сущность.

Таким образом, исследуя особенности использования юмора в прозаических произведениях Г. Хоткевича, можем заметить следующее. Философское изображение бытия Гуцульщины сквозь призму юмора показано с двух сторон, прежде всего, с позиции интеллигента, человека, приехавшего из города, который стремится как можно скорее «слиться» с жителями-гуцулами. Это так называемый «чужой» взгляд на Гуцульщину, который четко сумел зафиксировать все процессы, происходящие в гуцульском селе начала XX века. Этот взгляд на Гуцульщину юмористическую можно увидеть в «Горных акварелях» и «Гуцульских образках» И. Хоткевича. С позиции «чужака» И. Хоткевич стремится постичь все величие и красоту Гуцульщины, исследовать первопричины несчастливой жизни гуцулов начала XX века. Поэтому он уделяет юмористическому аспекту восприятия действительности значительно меньше внимания, однако не исключает его вообще из гуцульской жизни.

Бытие Гуцульщины сквозь юмористическое измерение с позиции «стопроцентного» гуцула (это другая сторона изображения бытия гуцула, с его собственной позиции – Т.Б.) у Хоткевича предстает в двух ипостасях. Во-первых, такой юмор в гуцульских рассказах писателя возникает на границе столкновения двух культурных миров и традиций, где объектами юмора становятся как гуцулы, так и автор как представитель «чужого» для гуцулов мира. Во-вторых, стоит отметить наличие в его произведениях «стопроцентного» гуцульского юмора. Этот юмор звучит в репликах гуцулов, автор оценивает их поступки и остроумные замечания, комментарии, раскрывающие перед глазами реципиента совсем «другую» смеховую культуру. Однако, не будучи собственно гуцулом, Г. Хоткевич фиксирует эти вспышки гуцульского юмора фрагментарно, не стремясь специально рассмешить читателя. Таким построением художественного произведения писатель хочет не только заинтересовать реципиента, неискушенного в гуцульской жизни, но и побудить его к собственным размышлениям о месте юмора в жизни простого гуцула в начале XX века. Именно поэтому в «Горных акварелях», «Гуцульских образках» юмор присутствует и должным образом воспринимается как неременная составляющая целого аутентичного гуцульского мира.

Литература

- Гуцульщина: Историко-этнографічне дослідження. Киев, 1987.
Денисюк І. Гуцульські п'єси Гната Хоткевича // Хоткевич Г. Неопубліковані гуцульські п'єси. Луцьк, 2005.
Хоткевич Г.М. Твори. Харьков, 1931. Т. 7.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНИЦИАЦИИ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

О.В. Яковлева

Ключевые слова: лингвоконцептуальные исследования, нулевой концепт, инициация, традиционная культура, сказка, обряд.

Keywords: linguistic and conceptual research, zero concept, initiation, traditional culture, fairy-tale, ceremony.

Концептуальные исследования в последние годы стали безусловным «лидером» в рамках новой антропоцентрической парадигмы [Пименова, 2011, с. 4].

Известный украинский лингвист Е.А. Селиванова замечает, что волна лингвоконцептуальных исследований буквально захлестнула тех, кто серьезно изучает язык, и авторы смело пишут о том, что их работы выполнены в рамках когнитивизма [Селиванова, 2012, с. 304].

Однако, несмотря на то, что в современной научной литературе отсутствует четкое определение метода концептуального анализа, нет универсальной методики, а исследование того или иного концепта во многом остается субъективным [Пименова, 2011, с. 88], есть работы, которые помогают описать значение слова в широком понимании.

Здесь имеются в виду выделенные И.А. Стерниным лексикографическое значение слова, которое «всегда оказывается по объему меньше реального значения, существующего в сознании носителей языка», и психологически реальное значение. Последнее гораздо шире и объемнее его лексикографического варианта, который целиком входит в психологически реальное значение. Выделяет автор и концептуальное значение, которое называет просто «концепт». Содержание концепта, как пишет И.А. Стернин, шире и лексикографического, и психологически реального значения [Стернин, 2005, с. 137-138].

Понятно, что описание концептуального значения слова в полном объеме во всех языковых проявлениях – задача монографического исследования. Цель данной статьи — проследить, как представлены фрагменты концептуального значения лексемы «инициация» в текстах одного из сборников «Русские сказки», изданного в Украине [Русские сказки, 2009].

Важным для данного исследования будет и понятие «нулевой концепт», о котором пишет М.В. Пименова [Пименова, 2011, с. 100]. «Принято считать, – замечает автор, – что язык полностью отображает концептуальную систему, однако это не совсем так» [Пименова, 2011, с. 100]. Дело в том, что слово *инициация* для большинства современных носителей как русского, так и украинского языков практически ничего не значит. Оно связано с особенностями мифопоэтического мировосприятия, то есть традиционной культурой, которую исследуют культурологи, филологи, историки. В таком случае, лексема *инициация*, не выражающая никакого смысла для носителей языка (исключая узких специалистов), объективирует *нулевой концепт* [Пименова, 2011, с. 100].

Сказки, как известно, хранят не только забытые знания, но и особенности мировосприятия далеких предков славян. Эти тексты

привлекали внимание многих исследователей. Сказки изучали русские и украинские ученые: В. Пропп, П. Зайцев, В. Давыдюк, Л. Дунаевская и многие др. Роль и значение обряда инициации описывали М. Элиаде, В. Пропп, В. Давыдюк, В. Балушок и другие исследователи.

Лексикографическое значение лексемы «инициация» представлено в энциклопедическом словаре: восходит слово к лат. *Initiation* – совершение таинств и означает совокупность посвячительных обрядов в первобытном обществе, которые связаны с переводом юношей и девушек в возрастную класс взрослых мужчин и женщин [Советский энциклопедический словарь, 1988, с. 492].

Психологически реальное значение *инициации*, по нашему мнению, описано, например, у М. Элиаде, который исследовал это явление. Цель инициации – «радикальное изменение религиозного и социального статуса посвящаемого» [Элиаде, 2002б, с. 12]. У неофитов были наставники, которые их обучали и готовили к посвящению. В первобытном обществе господствовала идея о том, что человек сам, в одиночку, «сделать себя» не может, его «делают» старики, духовные наставники [Элиаде, 2002б, с. 19].

Центральным моментом инициации являлся обряд, символизирующий смерть посвящаемого и его возвращение к живым. М. Элиаде выделил три категории посвящения. Для анализа сказок важен обряд инициации, знаменующий переход от детства или юношества к взрослому возрасту, который был обязателен для всех членов общества. В данном обряде смерть ассоциировалась с Хаосом, который символизировал конец невежества и детской безответственности, а также готовность ребенка-подростка (возраст инициантов у разных народов был разный: от 5-6 лет и до 15-16, периода полового созревания) к новой жизни – духовной [Элиаде, 2002б, с. 15-17; 25].

Прежде чем перейти к анализу фрагмента концептуального значения инициации, выраженного в текстах русских сказок, остановимся на понимании и толковании смерти в первобытных обществах, в том числе у древних славян. Смерти в нашем понимании не было. Смерть у предков в то же время означала рождение (то есть обязательное возрождение) по аналогии с круговоротом жизни в природе [Яковлева, 2005, с. 78-85]. Однако и переход в новый социальный статус был невозможен без символической смерти в прежнем состоянии. Например, в традиционном свадебном обряде выделяют несколько ритуалов, связанных с символической смертью невесты-девушки и ее возрождением в статусе замужней женщины: «Всякий

переход от одной формы существования к другой с необходимостью предполагает символический акт смерти» [Элиаде, 2002a, с. 68].

Сказка «Баба Яга» [Русские сказки, 2009, с. 25] начинается с того, что после смерти жены мужик остался с дочерью и вскоре женился на злой бабе, у которой была сестра Баба Яга – костяная нога. В. Даль указал, что «Ягишною зовут злую, бранчивую бабу» [Даль, 1991, с. 672]. Действительно, мачеха – злая баба, которая часто била, ругала приемных детей, в сознании народа ассоциировалась с образом Бабы Яги: а в данной сказке эти женские персонажи – родные сестры. Мачеха невзлюбила приемную дочь и отправила ее к тетке просить иголку да нитку, чтобы сшить девочке рубаху. Напомним, что инициация как обряд приобщения детей-подростков к миру взрослых людей был обязательным для мальчиков и для девочек. В сказках, где Баба Яга похищает детей, чтобы съесть их (например, «Гуси-лебеди»), или мачеха отправляет приемную дочь в лес зимой за цветами («Двенадцать месяцев»), присутствует мотив инициации, так как смерть в обряде инсценировалась, например, актом пожирания иницианта в темном лесу: «Воспоминание о хижине посвящения, спрятанной в густом лесу, сохранилось в народных сказках европейских стран, где обряды возмужания давно прекратили свое существование» [Элиаде, 2002б, с. 95].

Текст русской сказки не исключение. Перед тем, как отправиться к Бабе Яге, девочка сначала зашла к своей родной тетке, которая предсказала ей все испытания и дала ленточку, масло, хлебец и кусок мяса, которые должны помочь племяннице защититься от желания Бабы Яги съесть ее. Поедание детей Бабой Ягой, представителем потустороннего мира, и было актом символической смерти. Когда девочка пришла в лес, она увидела *избушку на курьих ножках*, на *бараньих рожках*, а в *избушке – Баба Яга – костяная нога – холст тклет* [Русские сказки, 2009, с. 26]. Связь Бабы Яги с миром умерших предков символизируют ее *избушка без окон и дверей* – это *гроб* (укр. *домовина*) и *костяная нога* как символ предков по материнской линии (многозначность образа Бабы Яги описана в словаре «Славянские древности») [Этнолингвистический словарь, 2012].

Баба Яга согласилась дать девочке иголочку да ниточку, но перед этим просит ее поработать и *«вот девочка села у окна и стала ткать»* [Русские сказки, 2009, с. 26]. В давние времена, о которых повествуют сказки, девочку в пять-шесть лет уже приучали к сугубо женскому ремеслу – умению ткать. Известно, что каждая девушка сама готовила приданое, которое состояло из определенного количества одежды для себя и для жениха, обязательными были рушники и

платки. Все это делалось вручную. Обряд инициации для девочек предполагал, в первую очередь, ее умение ткать.

Анализируя тексты украинских сказок, В. Давыдюк писал о том, что в глубокой древности полноценной считалась только та женщина, которая знала все премудрости ткачества [Давыдюк, 2005, с. 150-168].

Живя в лесу, иницианты должны были многому научиться: девушки – управляться по дому, ладить со всеми, кто там живет, включая домашних животных, юноши осваивали премудрости охоты и военного ремесла.

Девочка в сказке, услышав, что Баба Яга собирается съесть ее, испугалась, стала просить работницу и kota помочь ей. Важным для предков был адекватный обмен всего, что необходимо для жизни. Богам, у которых что-то просили, приносились жертвы; перед свадьбой семьи договаривались об обмене подарками; на крестины никто не приходил с пустыми руками, даже покойнику клали в гроб деньги, чтобы он мог без препятствий переправиться на тот свет. Древнейший обычай обмена подарками присутствует и в сказке «Баба Яга». За помощь в побеге девочка одаривает работницу *платком*, kota – *мясцом*, собакам *хлебца* дала, воротам *под пяточки маслица* подлила. Так во время обряда инициации усваивались необходимые правила сосуществования с людьми, животными, а также запоминалось правильное отношение к сакральным предметам, в данном случае к воротам и березке. Девочке удалось спастись от Бабы Яги, которая долго преследовала ее, благодаря помощи людей, животных, волшебных предметов (гребешок, полотенце), а также ее доброту сердцу.

В следующей сказке «Кузьма Дегтев» единственному сыну бедной вдовы исполнилось семнадцать лет, когда он решил пойти по белу свету искать свое счастье. Для обряда инициации детей-подростков, чаще всего мальчиков, силой забирали от матери для подготовки ко взрослой жизни в суровых условиях выживания в лесу. Концептуальное значение лексемы «инициация» в данном варианте включает и добровольный уход из родного дома юноши, решившего вступить в брак.

Мать Кузьмы, естественно, горюет, не пускает, но потом смиряется, кладет ему в котомку три пышки и провожает из дома. Поступок Кузьмы характерен для юношей, решивших вступить в брак, который также предполагал определенную подготовку.

Естественно, Кузьма оказался в дремучем лесу, где вскоре подул холодный ветер и пошел дождь с градом. Обряд инициации для юношей предполагал умение переживать непогоду под открытым небом,

изучение повадок птиц и зверей, которые необходимы охотнику. Юноша спрятался от дождя под косматым дубом, услышав писк птенцов, накрыл их своим кафтаном, а когда буря утихла и перестал идти дождь, заглянул в гнездо, увидел пятерых птенцов ростом с гуся, кричащих и голых, разломил пышку и накормил их.

Лес помогал выживать нашим далеким предкам, и люди бережно относились не только к деревьям, но и ко всем его обитателям. Этому же учили детей. Кузьма задремал на пеньке и не услышал, как налетела огромная птица Ига. Баба Яга в преданиях и сказках славян имела разные варианты своего имени. Возможно, что имя огромной птицы – Ига – один из таких вариантов, тем более что и Баба Яга не ходила, а всегда летала. Птица так сильно ударила крылом юношу, что тот упал *на сыру землю-матушку*. Тогда птица заговорила человеческим голосом. Юноши в процессе инициации учились понимать язык птиц и зверей как свой родной, так как это было важно для будущего охотника. Птенцы рассказали, как Кузьма заботился о них, и птица Ига отплатила ему добром, наделив богатырской силой, но хватать этим не велела.

Пошел Кузьма в большой город, нанялся на работу в конюшню, которая принадлежала молодому царю. Решил царь поехать за тридевять земель, в тридесятое царство и жениться на заморской красавице. Пригласил и Кузьму. Отец невесты, царь Дадон, предлагает жениху пройти испытания – обязательная часть обряда инициации, то есть выполнить три задачи. Все испытания направлены на выявление мужской силы и ловкости: умение владеть мечом, метко стрелять из лука и объезжать строптивого коня.

Молодой царь только благодаря Кузьме выполнил все задания, женился на красавице, а Кузьме полцарства отписал.

В сказке «Царевна-лягушка» царь-отец устраивает испытание женам своих сыновей уже после свадьбы. Прежде всего молодые женщины должны были продемонстрировать умение ткать ковры и хлебы печь. Это, безусловно, мы рассматриваем как элемент концептуального значения женской инициации. Василиса Премудрая лучше всех справилась с этими заданиями. В танце она тоже была лучше других невесток.

После того, как Иван-царевич сжег лягушачью кожу, начинаются испытания, связанные с мужской инициацией: он должен износить три пары железных сапог – это метафора преодоления трудных и долгих дорог для инициантов, которые сутками могли блуждать по лесу, выслеживая зверя, приобретая навыки охотника; «изгрызть», как говорится в сказке, три железных хлеба: питались юноши –

участники обряда тем, что найдут в лесу. В каждой группе инициантов был опытный наставник: в сказке это древний старик, который повстречался Ивану-царевичу, дал в помощь волшебный клубочек и велел идти туда, куда он покатится. Клубочек – это символ нити судьбы, которую плели небесные богини, в современном понимании – это чувство интуиции, которое было хорошо развито у наших пращуров и помогало выживать в трудных ситуациях. Иницианты должны были иметь хорошо развитую интуицию, чтобы самостоятельно выжить в лесу и справиться со всеми испытаниями.

Встречаясь с медведем, селезнем, зайцем и щукой, Иван-царевич понимает их просьбы о пощаде, спасает, несмотря на сильное чувство голода, хорошо знакомое инициантам: *«Мочи моей больше нет – так есть хочется!»*

В лесной избушке он просит Бабу-Ягу накормить его. Здесь избушка Бабы Яги – это край света, пройдя через который герой оказывается в потустороннем мире, где обитают умершие предки в образе Кощея Бессмертного. Герой готов оказаться в подземном мире, пройдя через символическое умирание – необходимое условие для возрождения. Яйцо, где спрятана смерть Кощея, символизирует космогонический миф, то есть миф о сотворении мира. «Только после смерти Кощея испытание героя считается пройденным, а заклятие героини-невесты – снятым» [Русская мифология, 2007, с. 488].

Каждый сказочный образ, как символ, многозначен. Образы Кощея и Бабы Яги, возможно, связаны с «посвятителями в системе архаичных обрядов брачного посвящения. Сказочная героиня, невеста или молодая жена, «получает посвящение» в царстве Кощея, и только после этого происходит ее возвращение к жениху или мужу, имеющему человеческую природу» [Русская мифология, 2007, с. 492]. Таким образом, Кошей Бессмертный как представитель подземного мира, где находится Василиса Премудрая и куда стремится Иван-царевич, связан с символической смертью инициантов, их перерождением и возрождением. После всех испытаний герои возвращаются в свое царство-государство для счастливой жизни в любви и согласии. Без прохождения обряда инициации такая жизнь была бы невозможна, по мнению далеких предков. Понимание того, что счастье вообще и, в частности, в семейной жизни можно добыть, пройдя ряд нелегких испытаний: *износишь три пары железных сапог, изгрызешь три железных хлеба*, свидетельствует о глубокой народной мудрости, которую сохранили для нас тексты сказок. И еще один важный момент в древнем мифопоэтическом мировосприятии, связанный с инициацией: невозможно стать хорошим мужем (женой), не

пережив символическую смерть в прежнем состоянии свободного беззаботного юноши (девушки), не овладев ремеслом и навыками самостоятельной жизни. Истинно: сказка – ложь, да в ней намек...

В сказках герои могли не только сами уходить из родительского дома, иногда отец (царь Берендей в сказке «Иван-царевич и серый волк») [Русские сказки, 2009, с. 49] отправлял сыновей поехать по белу свету и познать новые места, что, естественно, связано с трудностями и опасностями, предусмотренными инициацией. В любом случае, вдали от дома юноши встречали, как правило, *старого человека* или *старенького старичка*, который давал советы, как преодолевать трудности, справляться с невыполнимыми заданиями. В этом образе узнается и наставник юношей во время инициации, и умершие предки, которые, по мнению наших пращуров, с того света следят за нами и в трудных ситуациях обязательно приходят на помощь.

Иногда, как уже отмечалось, представителем загробного мира могла быть Баба Яга или просто старуха, которая лежит на печке да охает [Русские сказки, 2009, с. 42]. У Бабы Яги могли быть сестры, с которыми встречалась Марьюшка в сказке «Финист – ясный сокол» [Русские сказки, 2009, с. 55].

Предок-наставник мог в сказке появиться и в образе серого волка [Русские сказки, 2009, с. 51], который служит Ивану-царевичу верой и правдой.

Женская инициация, как отмечалось, была не такой сложной и опасной, как инициация для юношей. В обряде предполагалось обучение девушек прясть, ткать, вышивать, что и требуется от Марьюшки [Русские сказки, 2009, с. 59], когда она занимается в работницы к царице хрустального терема. В сказке «Финист – ясный сокол» девушке, чтобы отыскать суженого-ряженого, нужно трое башмаков железных износить, трое посохов железных изломать, трое колпаков железных порвать [Русские сказки, 2009, с. 57]. Чтобы добраться до места, где спрятан жених, Марьюшка шла *чистым полем, темным лесом, высокими горами. Все темнее становился лес, за ноги ее цеплял, за рукава хватал...* Преодолевать трудности девушке помогали домашние животные – кот, собака, а также серый волк.

Неукоснительно выполняла Марьюшка их советы, была послушной, работающей, умела выполнять любую женскую работу, чему и учила наставница девушек во время инициации. Мужеством невесты восхищается жених, Финист – ясный сокол: «*Неужели это ты, Марьюшка! Трое башмаков износила, трое посохов железных изломала, трое колпаков железных поистрепала и меня нашла?*» После

этого стала Марьюшка настоящей женой, и стали они жить-поживать да добра наживать.

Таким образом, проанализировав сюжеты нескольких русских сказок, выделив фрагменты текстов, в которых присутствуют элементы очень древнего обряда посвящения (инициации), можно сделать общие выводы о концептуальном значении этого слова. Во-первых, инициальные обряды присутствовали в традиционных культурах многих народов и очень важны «для понимания до-современного человека» [Элиаде, 2002б, с. 22], что и подтверждают тексты сказок, которые имеют прямую связь с мифологией.

Во-вторых, в сказках присутствуют варианты только одного типа посвящения, в частности, обряд, связанный с переходом из одной возрастной категории – детства, в другую – взрослую жизнь, что автоматически означало готовность к семейной жизни, рождению детей, самостоятельному ведению хозяйства.

В-третьих, обряд посвящения проводился отдельно для юношей и девушек, предполагал прохождение целого ряда испытаний и обязательную символическую смерть.

Без сомнения, тексты сказок дают возможность описать концептуальное значение инициации, но в рамках статьи нет возможности скрупулезно проанализировать максимально большое количество текстов даже одного сборника. Таким образом, предлагаемое исследование дает представление о наиболее значимых моментах интересующего нас обряда и позволяет говорить о концептуальном значении если не в полном объеме, то о значительном его фрагменте, который намного шире и лексикографического, и психологически реального значения.

Литература

- Давидюк В.Ф. Первісна міфологія українського фольклору. Луцьк, 2005.
 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991. Т. 4.
 Пименова М.В. Концептуальные исследования. М., 2011.
 Русская мифология. Энциклопедия. М., 2007.
 Русские сказки. Харьков, 2009.
 Селіванова О.О. Світ свідомості в мові. Мир сознания в языке. Черкаси, 2012.
 Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 2012. Т. 5.
 Советский энциклопедический словарь. М., 1988.
 Стернин И.А. Значение и концепт: сходства и различия // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация, 2005.
 Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре. М., 2002а.
 Элиаде М. Тайные общества: Обряды инициации и посвящения. М., 2002б.
 Яковлева О.В. «Потойбіччя» в уявленнях прадавніх українців // Народна творчість та етнографія. 2005. № 3.

ОБРАЗ ОЙРОТИИ В ЖУРНАЛЕ «СИБИРЬ»

Т.П. Шастина

Ключевые слова: образ, областническая традиция, этничность, очерк, Ойротия, Горный Алтай.

Keywords: image, regional tradition, ethnicity, essay, Oirotia, Gorny Altai.

В раннесоветскую эпоху тот интерес к жизни русского населения «на Азиатском Востоке и в Сибири», о возрастании которого говорил Н.М. Ядринцев в преддверии появления сибирской журналистики [Ядринцев, 1885, б.с.]¹, сменился всячески поощряемым национальной политикой интересом к жизни коренных этносов². Идеолог Сибирского союза писателей В.Я. Зазубрин говорил, что элементы туземного творчества сибирские литераторы закономерно вносят в литературу, поскольку в Сибири «налицо взаимодействие культуры русской и туземной», сибирский же писатель по природе своей метис [Торжественное заседание, 1927, с. 187]. Используя скомпрометированный после революции термин «областничество»³, Зазубрин утверждал, что современные сибирские писатели – областники, то есть истинные патриоты; он предложил новое определение областничества – «изжитие туризма в искусстве» [Торжественное заседание, 1927, с. 187]⁴. В этой трактовке отчетливо просматривается потанинское отождествление областнической тенденции с местным патриотизмом [Потанин, 1907а, с. 56], понимание областничества как «самого характерного репрезентатива» в истории сибирского текста [Янушкевич, 2007, с. 343]. Сибирские художники «параллельно с определением этнической физиономии Сибири» стремились к выявлению ее «культурной личности» [Болдырев-Казарин, 1932, с. 101], что противоречило бытующему определению культуры – «пролетарская по своему содержанию, национальная по форме» [Сталин, 1952, с. 138]. Этничность и культура рассматривались как явления одного порядка.

¹ О репрезентации Сибири в журналах XIX- нач. XX века см.: [Родигина, 2006].

² См. Платформу *Сибирского Союза Писателей* [Первый Сибирский съезд, 1926, с. 229].

³ Победившая в гражданской войне сторона «поставила крест на областничестве» [Анисимов, 2007, с. 397].

⁴ Данная позиция оказалась в меньшинстве, «изъятие наследия областников из контекста литературного развития края закономерно провинциализировало его самобытную литературную традицию, надолго превратило ее в бессистемный набор второсортных с эстетической точки зрения текстов» [Анисимов, 2005, с. 6].

Критиковавший современных писателей за увлечение «поверхностно-видимым» В. Правдухин был обеспокоен тем, что писатели игнорируют «все человеческое», то есть «животное, живое, бытовое, национальное, комнатное, половое» [Правдухин, 1928, с. 208]. Высказывания подобного рода вызвали жесткую реакцию: Крайком ВКП (б) принял резолюцию о журнале «Сибирские огни», в которой перечень «основных ошибок» начинался с «чуждых рабочему классу настроений» и «элементов областничества» [Сибирские огни, 1928, № 4, с. 225]. Но это не отменило складывавшейся в 1922-1928 годы версии областничества с ее усилением *этнографического* аспекта, поскольку раннесоветский нарратив весь был пронизан этнической пропагандой [Слезкин, 2008, с. 159-304]¹.

Ойротия исторически (природа и этнография Горного Алтая в научных исследованиях и публицистике Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева) и идеологически (Каракорум-Алтайская окружная управа и политическая деятельность художника Г.И. Чорос-Гуркина) была связана с сибирским областничеством. Эта автономная область, образованная в 1922 году, полностью соответствовала значению термина «национальная окраина»². Она располагалась на участке государственной границы РСФСР и в этническом отношении являла довольно пеструю картину.

В состав имперских пространств Горный Алтай вошел достаточно поздно (в 1756 году), возможно, поэтому в литературе научной и художественной вплоть до середины XX века он традиционно именовался еще и страной *неизведанной, неизученной*³. Этот статус свободно допускал взаимодополняющее использование образов словесных и живописных/графических (позднее – фотографических). Первым примером подобного изображения экзотического пространства стал труд П. Чихачева и Е. Мейера [Tchihatcheff, 1845]. Затем этот прием был использован в беспрецедентном издании М. Вольфа «Живописная Рос-

¹ Терри Мартин показал, что это являлось частью деколонизационной риторики большевиков на советском Востоке. «В национальных республиках проводимая политика называлась по имени титульной нации: «украинизация», «узбекизация», «ойротизация» [Мартин, 2011, с. 23].

² Как всякая советская «восточная окраина», Ойротия (Горный Алтай) преимущественно описывалась при помощи эпитетов «отсталая» и «дикая» [Потапов, 1933, с. 9-12].

³ Например, достаточно часто можно было встретить утверждения вроде следующего: «несмотря на глубокий научный интерес, прошлое Сибири остается до сих пор почти неизвестным. Особенно не посчастливилось в этом отношении Алтаю» [Грязнов, 1926, ст. 97].

сия»¹, в публикациях «Всемирной иллюстрации» [Сибирские виды, сцены и типы, 1877], где зарождалась «туристическая линия» в создании воображаемого Алтая (на что указывает дискурс «Швейцария»²). «Хозяйская» линия будет опираться на необходимость выявления индивидуальности самого Алтая – это прослеживается в известном труде П.М. Головачева [Головачев, 1902]. Фотоиллюстрации сопровождали и текст очерка «Земли Кабинета Его Величества» в издании «Азиатская Россия. Люди и порядки за Уралом» [Сапожников, Гаврилов, 1914]; а фотоснимки популярного барнаульского фотографа С. И. Борисова, чьи виды Горного Алтая печатались большими тиражами на открытках в Европе, были включены в цикл компилятивных очерков в «Сибирском торгово-промышленном календаре» [Ризенко, 1911, с. 15-36].

Опыт названных изданий, безусловно, был учтен Сибкрайиздатом, когда в 1925 году было решено приступить к выпуску *художественно-литературного и научно-популярного иллюстрированного* журнала «Сибирь»³ (название указывает на иркутскую газету «Сибирь», «первый печатный орган сибирских патриотов» [Потанин, 1907а, с. 32]). Журнал «Сибирь» «являлся первым в Сибири образцом» повременного издания подобного типа [Посадсков, 2007, с. 264], единственным иллюстрированным среди недолговечных региональных тонких журналов той эпохи [Дурылин, Казаринов. 1929, ст. 973]. С ним сотрудничали В. Итин, К. Урманов, А. Коптелов. Ис. Гольдберг, Г. Вяткин, Г. Пушкарев и другие известные сибирские писатели. Журнал просуществовал недолго⁴, вышло всего 11 выпусков (8 – в 1925 году, начиная с февраля⁵, 3 – в 1926 году).

¹ В «Живописной России» Горный Алтай был описан Г.Н. Потаниным [Живописная Россия, 1884, с. 193-224; 253-272].

² Но, как отмечает Дж. Миллер, «что верно в тексте, может очень сильно отличаться от того, что верно в реальном мире» [Миллер, 1990, с. 279] - «рекреационные» уподобления Горного Алтая характерны для туристического подхода, у коренного сибиряка, тем более у туземца, апперцепции в подобных случаях не происходит.

³ Данные К. Муратовой позволяют утверждать, что за 10 лет существования СССР число периодических изданий, названия которых указывали на образы пространства (содержали топонимы), было весьма невелико; среди таковых частотность употребления топонима «Сибирь» в различных словоформах превышает все прочие (столичные и периферийные) локусы [Периодика по литературе и искусству..., 1933, с. 231-233].

⁴ А.Л. Посадсков пишет, что причиной его закрытия стала конкуренция между Сибкрайиздатом и редакцией газеты «Советская Сибирь», но технически и организационно газета не справилась с выпуском журнала. Он был закрыт в 1926 году после третьего номера [Посадсков, 2007, с. 264].

⁵ А.Л. Посадсков ошибочно указывает, что первый номер вышел в сентябре [Посадсков, 2007, с. 264].

Советскими предшественниками «Сибири» были «Красная нива» (и, соответственно, собственно «Нива»¹), «Прожектор» и «Огонек», решавшие прежде всего политико-воспитательные задачи. Резолюция XIII съезда РКП (б) «О печати» требовала бросить все силы на создание массовой литературы для «рабочих, крестьян и красноармейцев» [КПСС о средствах массовой информации, 1987, с. 15]. Широкий тематический и жанровый диапазон позволял тонким журналам «в мозаичной форме давать панораму страны строящегося социализма» [Белая, Скороходов, 1966, с. 443] для массового читателя.

В панораме же региональной жизни, созданной журналом «Сибирь», Ойротия оказалась представленной довольно ярко – в пяти выпусках есть посвященные ей материалы. На наш взгляд, эти ойротские фрагменты сибирской мозаики можно рассматривать как противовес образам суровой реальности недавнего прошлого и буден настоящего, встававшим со страниц сибирской периодики, инерция которых сказалась в первом выпуске «Сибири» (февраль 1925 года). На обложке мартовского номера была помещена репродукция с величественной картины первого алтайского профессионального художника Г.И. Чорос-Гуркина «Хан Алтай», в этом выпуске было еще пять репродукций с картин Гуркина и его фотопортрет. Надпись под ними гласила: «Художник-пейзажист, алтаец Г.И. Гуркин является одним из крупнейших представителей сибирского искусства старой школы. Очарование его творчества исходит прежде всего от самых тем большинства картин художника. Горная Сибирь, могучие горные кряжи, дикие долины – полны влекущей романтической красоты. <...> В настоящее время Гуркин живет в Монголии»² [Сибирь, 1925, № 2, с. 23]. Ключевые слова этой подписи «алтаец», «сибирское искусство старой школы» – отсылают к областникам, прежде всего – к ранним отзывам Г.Н. Потанина о творчестве Г.И. Гуркина с их идеей одухотворения Алтая, близкого «к народному наивному чувству...» [Потанин, 1907б]. В своих раздумьях о сибирском искусстве Г.Н. Потанин неоднократно замечал, что скудость сибирского творчества не соответствует красоте романтической природы Сибири [Потанин, 1903]. По-

¹ «Советский иллюстрированный журнал в начале своего существования в значительной мере использует опыт дореволюционного еженедельника. Эту преемственную связь отмечали и журнальные редакции, сохраняя близкие к старым наименования: «Всемирная иллюстрация», «Красная панорама», позднее «Вокруг света» [Балухатый, 1933, с. 19].

² Г. Гуркин вернулся из эмиграции осенью 1925 года. Публикацию в «Сибири» его репродукций можно рассматривать как акцию в поддержку компании за возвращение художника в СССР, начатой общественностью [Еркинова, 2013, с. 162].

этому он с радостью приветствовал появление алтайца-пейзажиста, поставившего перед собой задачу познакомить Россию с "картинами Алтая". Имя Гуркина вскоре стало известно всей России как имя первого *сибирского художника*. Для наших размышлений об ойротских публикациях журнала «Сибирь» важны три положения, высказанные столичным художественным критиком о специфике дарования алтайского художника: 1) связь человека с природой естественна, она атрофируется лишь городской и «условно культурной» жизнью»; 2) «Сибирь не подвержена разлагающему влиянию подобных условий», в сибиряке остается живое чувство связи с природой; 3) Г.И. Гуркин был «доступен пониманию его среды», он был «истинным сыном природы» [Далькевич, 1908, с. 857]. На наш взгляд, журнал «Сибирь» отдавал себе отчет о том, что индустриализация, урбанизация и в особенности «условно-культурная» жизнь (как тут не вспомнить повесть В.Я. Зазубрина «Общежитие»)¹ значительно ускорили процессы утраты сибиряками связи с природой. Публикация пейзажных работ Гуркина может рассматриваться как один из путей замедления этого процесса. Горный Алтай в публикациях «Сибири» становится символом естественности, мощи сибирской природы, противовеса «условно-культурной жизни».

Отчетливо прослеживается такое понимание локуса в очерке П.А. Казанского «Чемал – «Алтайская Ялта» из серии «Сибирские курорты», пропагандировавшей ежегодные трудовые отпуска как достижение советского строя². Пространственный образ в очерке – вариант ставшего классическим уподобления «Алтай – Сибирская Швейцария» (Г. Спасский, Н. Ядринцев, Г. Потанин, Г. Гребенщиков). Но если в литературе XIX – начала XX веков мотивный субстрат Швейцарии связывал Горный Алтай с идеей путешествия в *страну свободы* – *чужую страну* [Ядринцев, 1885], то в раннесоветском контексте «алтайская Ялта» ориентирует на путешествие в *свою страну в свободное от работы время*. Очерк сопровождался фотоиллюстрациями, демонстрирующими ландшафтную привлекательность курортного местечка, которому Г.Н. Потанин в символической географии летней дачно-экспедиционной жизни томичей отводил роль Парижа³.

¹ См. идеологический контекст ее обсуждения, восстановленный В. Яранцевым [Яранцев, 2009].

² В этом контексте резко возросло значение Горного Алтая (Ойротии) как рекреационного ресурса. [Шемелев, 1925].

³ «В Чемале – «полированные залы и полированные лица», в Аносе процветают наука и искусство» [Письма Г.Н. Потанина, 1991, с. 108]. О моде томской интеллектуальной элиты проводить летние месяцы в Чемале писал М.В. Шиловский [Шиловский, URL].

К этому времени П.А. Казанский, яркий участник литературной жизни Сибири 1900-1910-х годов. [Литературная карта, URL], отошел от активной творческой и издательской деятельности и занимался преподаванием географии в Барнауле. Со студенческой скамьи и до конца жизни он был последователем сибирских областников¹, хорошо знал фольклор алтайцев, переводил с алтайского². В очерке он соединил позицию знатока-лирика с позицией курортника-воздушника (как традиционно в Горном Алтае называли с конца XIX века горожан-дачников), сделав ключевыми словами текста *воздух, воду, камень*. Казанский поэтически описывал дикий хаос скал и камней, ультрамариновые воды реки Чемал, величественные панорамы высокогорья, особенности пеших и конных прогулок по окрестностям Чемала. Топонимическая легенда о богатыре Сартакпае в его изложении может быть истолкована как гуркинская аллюзия – см. картину «Легендарный богатырь Сартакпай» – и как свидетельство осведомленности о значительности работы по сбору фольклора, проделанной коренными алтайцами под руководством Г.Н. Потанина в окрестностях Чемала [Никифоров, 1915]. Ландшафты средней Катунь становятся в очерке вербальными знаками живописных полотен и рисунков Г.И. Гуркина³. В очерке есть Алтай, но нет «Ялты» (ее заменяют курортники-воздушники, практические советы которым по пребыванию в Чемале давал ранее В.В. Сапожников [Сапожников, 1912, с. 35-39]). Публицистическое начало очерка проявляется в постановке проблем «культурного вандализма» по отношению к природе и развращающего влияния зарождающейся индустрии туризма на коренное население. Казанский заканчивает очерк на оптимистической ноте – в новых советских условиях чемальские алтайцы перевоспитаются.

В майском номере «Сибири» вышел очерк С. Журавлева «Чуйский тракт». Его отправной тезис традиционен: «Наша Сибирь чрезвычайно бедна путями сообщения» [Сибирь, 1925, № 4, с. 10]. Кратко изложив историю тракта, автор сосредоточил внимание на его роли геополитического коридора в Монголию, описал техническое состояние дороги и планы ее реконструкции. Вывод, как и у П. Казанского,

¹ Участие в первом съезде областников, поддержка земского движения на Алтае позднее были внесены в перечень обвинений, по которым Казанский был расстрелян, в вину ему ставилась и связь с Г.И. Гуркиным как руководителем контрреволюционной националистической организации в Ойротии [Гущин, 1988, с. 153] – Гуркин был расстрелян 10 октября 1937 года.

² См. развитие алтайских мотивов в его переводах и лирике [Сибирские огни, 1926, № 3, с. 81].

³ См. новейшее издание этнографических рисунков Г.И. Гуркина, подготовленное Р. Еркиновой и Н. Гончарик [Этнографические рисунки..., 2014].

весьма оптимистичен: через три-пять лет Чуйский тракт из труднопроходимой колесной дороги будет превращен в автомобильный путь. Наибольшую ценность этого материала представляют фотоиллюстрации (20 снимков), запечатлевшие природную и этнографическую экзотику местности, по которой пролегает этот путь. Журавлев наделяет Чуйский тракт идеологической ролью дороги алтайцев из «проклятого прошлого» в светлое будущее и делает его символом технического прогресса.

Идея «светлого настоящего» – ключевая в очерке Бориса Бирянина¹ «Алтын-Коль» в вдвоенном летнем номере «Сибири», который можно назвать *алтайским*. Светом и солнцем пронизан этот жизнеутверждающий текст, в нем те же ключевые слова, что и в очерке П.А. Казанского²: воздух, вода и камень. Эта триада – основа семантики незыблемости природы и ее очистительного влияния на человека. По колористике и композиции пейзажей, по отдельным деталям, по жанровому обозначению «этноды» текст классифицируется как художественный очерк живописца. В определении Телецкого озера («Алтын-Коль – Золотое озеро алтайских легенд, Телецкое – на географических картах и в разговорном обиходе, среди русских – Жемчужина «Хана Алтая» – Женевское озеро Сибири³» [Сибирь, 1925, № 5-6, с. 8]) пересекаются этнический, культурологический, географический дискурсы, создающие ощущение избыточности «закадровой» информации, подготовленной автором для «жителей душных городов». В словесных описаниях горных пейзажей ощутимо проявляется стилистика Г.И. Гуркина: «Рванулся ввысь суровый старик Алтын-Тую, застыл гордой вершиной в поднебесном дозоре. Лишь заглушено шумели в его расщелинах тонкие горностаи бешеных водопадов. На просторных венцах массивной Тоолоки зажглись сигнальные костры снегов, в глубоких распадках медлили прозрачные ультрамариновые тени» [Сибирь, 1925, № 5-6, с. 8].

Жанровые каноны раннесоветского очерка в основном были соблюдены: в нем отражено погружение автора в жизнь и «трудовые процессы» небольшого прителецкого поселка, значительна доля этно-

¹ Биографических сведений о Б. Бирянине не сохранилось. Искусствовед П.Д. Муратов проанализировал редкие сохранившиеся в сибирских газетах его отзывы на значимые события художественной жизни региона [Муратов, 2011]. Л.Г. Данилова подготовила републикацию одной из таких статей [Бирянин, 2013].

² Заметим, что рассматриваемые очерки П. Казанского и Б. Бирянина не упоминаются ни в современных им обзорах [Никитин, 1934], ни в обобщающем труде о сибирском очерке [Якимова, Юдалевич, 1983].

³ Традиция непосредственного сравнения Телецкого озера с Женевским отчетливо оформилась в «Письмах сибиряка из Европы» Н.М. Ядринцева [Ядринцев, 1885].

графизма, колоритны «широкоскулые, бронзовые» алтайцы» и их речь (как и речь кондовых сибиряков и ее избыточными «че» и «якорь е возьми»).

Образ смеющегося солнца – «камлание великого шамана – природы» [Сибирь, 1925, №5-6, с. 9] сопровождает читателя на протяжении всего очерка, знаменуя полноту и радость жизни¹. Солнце позволяет очеркисту отчетливо разглядеть черты «проклятого прошлого» этого сказочного места и прокомментировать их в идеологически правильном ключе: вот аил телеса Сергея, где «раскинулся целый иконостас потемневших облупившихся икон» – «на славу поработали отцы из недалекого Чулушманского монастыря»; вот хозяйка аила «в немойтой испокон века чашке» протянула чигень...

Прогулки, рыбалка, охота в окрестностях озера описаны в этюдах как счастливое времяпрепровождение усталого горожанина, постепенно возвращающегося к жизни. Омытый солнечным светом, он получает способность слышать «световую музыку» и «набатный призыв» сияющих снеговых вершин, сливаться с потоками воздуха и стремительно перемещаться в пространстве между водой и небом. Он видит озеро в «праздничном перезвоне солнечных лучей» и в «грозовой красе бури и натиска»; гостит у алтайцев, поднимается с опытным проводником к вершинам, наблюдает за борьбой рыбака с гигантским тайменем и сам выслеживает медведя. Каждый шаг и каждое слово на фоне «дикой величавой красоты» обретают новые смыслы. Схваченные этюдно, они кристаллизуются в художественном целом как гимн новому человеку, человеку-художнику. В финале очерка инициацию знаменует ночная гроза. И все же ностальгическим образом расставания с прошлым становится крошечная иллюстрация, помещенная в конце текста – зарисовка Г. Гуркина «Алтайский аил».

На наш взгляд, эта иллюстрация была необходима для дальнейшего развития темы нового человека и нового искусства: в этом же выпуске напечатан очерк В.Н. Гуляева «Художник – алтаец Н.И. Чевалков». Вадим Николаевич Гуляев, продолжатель династии сибиреведов Гуляевых, внесших значительный вклад в изучение Горного Алтая и сохранение его культурного наследия², полемически противопоставил самобытности Чевалкова академичность Гуркина. «Ори-

¹ Излюбленная солярная семантика раннесоветской литературы оказалась наиболее востребованной именно в «алтайских» страницах – см. повесть Павла Низового (Тупикова) «Язычники», где доминирует образ животворящего солнца [Низовой, 1922].

² В частности, основу для формирования ойротского областного музея (ныне Национальный музей им. А.В. Анохина) составили именно коллекции семьи Гуляевых [Региональный свод книжных памятников, URL].

гинальность и ценность работ Чевалкова заключается в том, что он <...> круто повернулся к примитиву, к каменным бабам, шаманским бубнам, писанцам, яркой пышной красочной гамме, отражающей подлинную красоту Алтая» [Сибирь, 1925, № 5-6, с. 12]. Гуляеву важно было подчеркнуть типичность судьбы пролетарского художника и те возможности, которые советская власть дала «представителям малых окраинных народностей».

К формам «первобытных искусств нацменьшинств» в следующем за очерком Гуляева материале в этом выпуске «Сибири» этнограф А.В. Анохин¹ причисляет и культ шаманистов-алтайцев. В очерке «Шаманизм» известный исследователь пытается противостоять научной тенденции квалификации шаманизма только как одной из форм религии, в частности, он пишет: «...культ шаманистов-алтайцев, нужно сказать, настолько систематизирован, что в нем есть свои стройные мистерии, в которых, с одной стороны, выражается вся идеология шаманства, а с другой – раскрывается творчество фантазии в картинах, полных архаизма и оригинальности» [Сибирь, 1925, №5-6, с. 13]. Очерк сопровождается фотоиллюстрациями: «Таилга», «Жертвоприношение во время камлания», «Той»-свадьба», «Шаманка», «Могилы шамана Баланды» – шаманские мотивы были весьма популярны в раннесоветском сибирском нарративе.

В ставшем последним выпуске «Сибири» (1926, № 3) редакция снова обращается к творчеству Г.И. Чорос-Гуркина, представляя его только как художника национальных меньшинств: «Сам алтаец с головы до ног, Гуркин первый показал на полотне несравненную красоту Ойротии» [Сибирь, 1926, № 3, с. 9]. В заслугу вернувшемуся из эмиграции художнику ставятся многочисленные работы, выполненные в Урянхае и Монголии – в странах, «впервые оживающих под кистью и карандашом живописца». Добавим, что популярность Гуркина как сибирского художника была велика, в его манере усматривали «молитвенно-благоговейное отношение к Сибири»; до 1937 года всякий раз его имя звучало в рассуждениях о Sibirica в искусстве. Графаретное мышление того времени быстро создало миф об алтайце, «всю жизнь прожившем в своем улусе», где «по сей день жив культ старых черных уродливых богов, обвеянных своеобразным, диким, но терпким и острым очарованием» [Болдырев-Казарин, 1932, с. 122].

¹ В тексте ошибочно – Д. Анохин. А.В. Анохиным еще в 1910-1912 годах в нижнем течении р. Катунь были собраны беспрецедентные материалы по шаманству у алтайцев, опубликованные только в советское время [Анохин, 1924].

Но «трезвое реалистическое мастерство» и алтайского художника, и старого (сибиряйздатовского) состава редколлегии журнала «Сибирь» оказались аутсайдерами в «буче боевой кипучей» пролетарского искусства первого советского десятилетия; после 1926 года художник практически свернул свою выставочную деятельность¹, а журнал оказался неподъемным для газетного издательства и был закрыт.

Журнал «Сибирь» – значительное явление в раннесоветской сибирской периодике. Созданный им синтез вербальных и визуальных образов Сибири был, как нам представляется, директивно прекращенной попыткой реализации единственно возможного в тех условиях варианта областнической программы, рассчитанного на развитие интереса только еще нарождающегося массового советского читателя к «родиноведению», к национальным культурам, ко всем видам и формам молодого советского искусства. Созданный им образ Ойротии позволял судить об успешном выполнении идеологических задач по развитию культуры нацменьшинств в отдельно взятой области СССР (художники-ойроты Гуркин и Чевалков), о возрастании культурных запросов населения Сибири в целом (начало массового курортно-туристического движения). Литературная Ойротия засветилась в журнале под светом летнего отпускного солнца, привлекая курортников, физкультурников, туристов; предстала местом отдыха от «битв в пути» на фоне *дикой красоты*. Воображаемая Ойротия, лежащая далеко от столиц и в стороне от промышленных центров Сибири, помогала вспомнить то главное, о чем, повторим, по мнению В. Правдухина, забыли современные писатели – «забыли, что каждому из людей присуще все человеческое – животное, живое, бытовое, национальное, комнатное, половое» [Правдухин, 1928, с. 208].

Для массового читателя образ Ойротии в журнале «Сибирь» сыграл роль демонстрационного экземпляра советской восточной окраины – любоваться издали можно, можно даже приблизиться и прикоснуться, но заглядывать на изнанку изделия никому и в голову не придет, никого не интересует, как и из чего этот экземпляр сконструирован. Для жаждущих подобных знаний были другие повременные издания – прежде всего журнал «Сибирские огни». Результаты наших наблюдений над «ойротскими» страницами «Сибири» привели к выводу, что в первом тонком иллюстрированном журнале в Сибири возобладавал «туристический» подход к созданию образа национальной окраины, в «Сибирских огнях» – подход «хозяйский». В целом же в ранне-

¹ Об отношении Гуркина к борьбе художественных группировок в искусстве 1920-х годов см.: [Прибытков, 2000, с. 15-28].

советскую эпоху литературная Ойротия балансировала между двумя обозначенными В. Зазубриным подходами, но национальная политика сталинского периода склонила чашу весов в пользу подхода туристического – не только литературная Ойротия-Горный Алтай, но и Горный Алтай как административно-территориальная единица постепенно все карты поставил на туристический бренд.

Литература

Анисимов К.В. Литература Сибири: идентификация и поэтика // Евроазиатский межкультурный диалог: «Свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры. Томск, 2007.

Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005.

Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. Л., 1924.

Балухатый С. Литературный и искусствоведческий журнал за годы революции (1917-1932) // Периодика по литературе и искусству за годы революции. 1927–1932. Л., 1933.

Белая Г.А., Скороходов Г.А. Журналы «Красная нива», «Прожектор», «Огонек» // Очерки истории русской советской журналистики. 1917-1932. М., 1966.

Бирянин Б. Глазами зрителя // Из истории художественной жизни Новокузнецка. 1920-1950-х годов Новокузнецк, 2013.

Болдырев-Казарин Д.А. Sibirica в искусстве // Красные зори. 1932. № 5.

Головачев П.М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1902.

Грязнов М. Доисторическое прошлое Алтая // Природа. 1926. № 9-10.

Гущин И.П. Тень прошлого: Записки прокурора. Барнаул, 1988.

Далькевич М.М. Г.И. Гуркин // Нива. 1908. № 49.

Дурылин С., Казаринов П. и др. Журналы и временники // Сибирская советская энциклопедия. М., 1929. Т. 1.

Еркинова Р.М. Н.К. Рерих и Г.И. Чорос-Гуркин: притяжение Алтая (к постановке проблемы) // Рериховское наследие. СПб., 2013. Т. X.

Живописная Россия. СПб., 1884. Т. XI.

КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1987.

Литературная карта Алтайского края. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.akunb.altlib.ru/files/LiteraryMap/Personnels/Kazanski.html>

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М., 2011.

Миллер Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры. М., 1990.

Муратов П.Д. Из истории художественной жизни Новосибирска. Краевые выставки // Современный музей в культурном пространстве Сибири. Новосибирск, 2011.

Низовой Павел. Язычники. Чита, 1922.

Никитин М. Очерк в Сибири // Сибирские огни. 1934. № 3.

Никифоров Н. Я. Аноссий сборник. Собрание сказок алтайцев. Омск, 1915.

Первый Сибирский съезд писателей // Сибирские огни. 1926. № 3.

Периодика по литературе и искусству за годы революции. 1927–1932. Л., 1933.

- Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1991. Т. 5.
- Посадсков А.Л. «Сибирь» // Средства массовой информации Новониколаевска – Новосибирска. 1906-2006 годы. Новосибирск, 2007.
- Потанин Г.Н. Живопись в Сибири // Сибирская жизнь, иллюстрир. прилож. 1903. № 195.
- Потанин Г.Н. Областная тенденция в Сибири. Томск, 1907а.
- Потанин Г.Н. Этнографическая часть выставки Г. Гуркина // Сибирская жизнь. 1907б. № 198.
- Потапов Л.П. Очерк истории Ойротии: Алтайцы в период русской колонизации. Новосибирск, 1933.
- Правдухин В. Литературная шивера // Сибирские огни. 1928. № 3.
- Прибытков Г.И. Чорос-Гуркин. Горно-Алтайск, 2000.
- Региональный свод книжных памятников. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nbra.ru/>
- Ризенко В. По Алтаю (Очерки) // Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 год. СПб., 1911.
- Родигина Н.Н. «Другая Россия»: Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006.
- Сапожников В.В., Гаврилов Н.А. Земли Кабинета Его Величества // Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1.
- Сапожников В.В. Пути по Русскому Алтаю. Томск, 1912.
- Сибирские виды, сцены и типы – Алтай // Всемирная иллюстрация. 1877. № 461, 462.
- Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008.
- Сталин И.В. О политических задачах университета народов Востока // Сталин И.В. Сочинения. М., 1952. Т. 7.
- Торжественное заседание, посвященное пятилетию журнала «Сибирские огни (стенограмма) // Сибирские огни. 1927. № 2.
- Шемелев В. Горные экскурсии рабочей молодежи // Сибирские огни. 1925. № 1.
- Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке»: Г.Н. Потанин. Биографический очерк. [Электронный ресурс]. URL: <http://history.nsc.ru/kapital/project/potantin/potantin10.html>
- Этнографические рисунки Г.И. Чорос-Гуркина. Горно-Алтайск, 2014.
- Ядринцев Н.М. От редакции // Литературный сборник. СПб., 1885.
- Ядринцев Н.М. Письма сибиряка из Европы // Восточное обозрение. 1885. № 36, 42, 44, 48.
- Якимова Л.П., Юдалевич Б.М. Сибирский очерк. 20-70-е годы. Новосибирск, 1983.
- Янушкевич А.С. Дихотомия сибирского текста // Евразийский межкультурный диалог: «Свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры. Томск, 2007.
- Яранцев В. Зазубрин // Сибирские огни. 2009. № 12.
- Tchihatcheff P. Voyage scientifique dans l'Altai Oriental. Paris, 1845.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

СОБЛЮДЕНИЕ НОРМ НАПИСАНИЯ АВТОРСКОГО ПУТЕВОДИТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ «HALLE (SAALE), DER STADTFÜHRER»)

С.М. Веретельникова, И.А. Широких

Ключевые слова: авторский путеводитель, универсальность типологических и функционально-стилистических характеристик, креолизованный текст, вербальная и невербальная составляющая.

Keywords: one author guide-book, universal character of typological and functional-stylistic characteristics, creolized text, verbal and non-verbal components.

Темпы развития индустрии туризма за последние десятилетия можно сравнить разве только с достижениями информационных технологий. Достопримечательности, места развлечений, национальные кухни, традиции и культуры стран мира стали товарами народного потребления. А любому товару в нынешнем мире необходима реклама. Данную роль на себя взяли путеводители, чье разнообразие поражает воображение даже выдавшего виды путешественника. Согласно классификации А.В. Протченко, все многообразие англоязычных путеводителей, объем которых составляет от четырех до четырехсот страниц, можно разделить на два основных типа: рекламно-справочные и справочно-рекламные издания, представленные проспектами, буклетами и брошюрами (a self-guide, a free guide, a brief guide), и авторские путеводители, представляющие собой информационно-рекламные и справочно-энциклопедические издания (a tourist handbook, a souvenir guide, a guide book, a complete guide) [Протченко, 2006, с. 5].

В настоящей работе предпринимается попытка рассмотреть композиционные и языковые особенности аутентичного авторского путеводителя г. Галле, Германия. Данный путеводитель можно отнести к путеводителям второго типа (согласно предложенной выше классификации). В своем

исследовании А.В. Протченко подробно описывает типологические и функционально-стилистические характеристики аутентичного англоязычного путеводителя. Однако возникает вопрос: являются ли выявленные черты универсальными для подобного типа изданий, что и стало объектом нашего исследования.

По определению С.И. Ожегова, путеводитель – это «справочник о каком-нибудь историческом месте, музее, туристическом маршруте» [Ожегов, 2002, с. 549]. Наиболее существенными признаками, позволяющими определить путеводитель как тип справочного издания, являются следующие: организация материала путеводителя в форме, удобной для быстрого получения справок; ориентация в основном на выборочное чтение (это является главным социально-функциональным назначением справочного издания); полнота фактического материала, его достоверность и актуальность.

Как известно, сообщение, заключенное в тексте, может быть представлено вербально (словесный текст) или иконически, то есть изобразительно (греч. *eikon* – изображение). Основная задача автора заключается в том, чтобы обеспечить реципиенту (в данном случае читателю) наиболее благоприятные условия для понимания текста. Поэтому, учитывая характер и назначение текста, автор может варьировать свое обращение к тем или иным средствам выражения. Сочетание вербальных и невербальных, изобразительных средств передачи информации образует креолизованный (смешанного типа) текст [Валгина, 2004, с. 34]. Взаимодействуя друг с другом, вербальный и иконический тексты обеспечивают целостность и связность произведения, его коммуникативный эффект. Вербальные и изобразительные компоненты связаны на содержательном, содержательно-композиционном и содержательно-языковом уровне. Предпочтение того или иного типа связи определяется коммуникативным заданием и функциональным назначением креолизованного текста в целом.

Представляется возможным утверждать, что текст путеводителя является креолизованным, где вербальная составляющая представлена текстовой информацией об истории, достопримечательностях, особенностях, и т.д. определенной страны / города, а невербальная – фотографиями, картами, схемами. Между вербальным и иконическим компонентами устанавливаются синсемантические отношения: вербальный текст полностью зависит от изобразительного ряда, и само изображение выступает в качестве облигаторного (обязательного) элемента текста путеводителя. Это объясняется одной из его функций, присущей путеводителю любого типа, – стать рекламой, в той или иной степени. Он представ-

ляет собой своеобразную визитную карточку народа, обеспечивающую связь между представителями разных стран в культурном пространстве.

Исследование функционально-стилистической специфики путеводителя позволило отнести его к текстам нежесткого типа; основанием послужило то, что путеводитель, в зависимости от его типа, в разной степени сочетает в себе черты функционального стиля рекламы, публицистического и научного стилей (А.А. Анисимова, К.Л. Бове, Л.В. Наер, А.В. Протченко, И.А. Широких и др.). Наиболее полно черты функционального стиля рекламы реализуются в путеводителе–рекламной брошюре, проспекте и буклете, поскольку их основная задача – привлечь внимание потенциального туриста и сообщить лишь краткую информацию о той или иной достопримечательности. Черты публицистического стиля наиболее ярко проявляются в путеводителе–альбоме и книге, причем текст путеводителя более всего тяготеет к жанру очерка и журнальной статьи. Канонические особенности научно-популярного стиля нашли свое отражение в путеводителе-альбоме и в большей степени в путеводителе-книге (полном путеводителе), однако, в отличие от научного стиля изложения, в тексте путеводителя, наряду с информативной функцией, реализуется и функция эмоционально-эстетического воздействия. Наш языковой материал подтверждает вышеприведенное утверждение:

Der Marktplatz war und ist einer der schönsten in Deutschland. (Рыночная площадь была и остается одной из самых красивых в Германии) [Greiner, Strauch, 2011, s. 9].

Что касается композиции путеводителей, при разном объеме содержания и целевой установки консервативная, то есть базовая, часть путеводителя включает историческую справку (the History of...), описание достопримечательностей (What to See; Sights to See), карту (General Map; Location Map), информацию о месторасположении (How to Get to...), времени и стоимости посещения (Opening Hours; Admission Charge), экскурсионных программах (Tours and Programs), близлежащих кафе и сувенирных лавках (Cafes and Souvenir Shops), информацию для людей с ограниченными возможностями (Services for Disabled Visitors) и необходимые телефоны справочно-информационной службы (Useful Telephone Numbers). Вариативный блок информации представлен в путеводителе за счет значительного расширения консервативной части. Содержательная часть собственно вариативного блока составляет предисловие (Introduction), подробное описание всех близлежащих магазинов (Shopping Experience), мест досуга (Entertainments), отелей (Hotels; Accommodation), алфавитно-предметный указатель (Index of Names), библиографию (Bibliography), благодарность коллегам и спонсорам

(Acknowledgements), а также сведения об авторе или авторах [Протченко, 2006, с. 4].

Исследованный нами путеводитель позволяет усомниться в данном утверждении. В справочно-энциклопедическом издании путеводителя содержится информация собственно культурологического плана. Она сопровождает невербальную часть текста, то есть фотографии, и соотношение вербальной и невербальной составляющих приблизительно 50% на 50%. Однако рассмотренное издание путеводителя не содержит вариативный блок информации (кроме Tourist-Information), а базовая часть заканчивается картой (см. предложенный выше перечень). Становится очевидным, что все, что касается развлечений и комфорта туристов, опускается. Сложно поверить, что эта информация не представлена в связи с отсутствием в Галле мест досуга и отелей. Скорее дело в том, что город позиционирует себя как один из старейших городов Германии, с богатой историей и культурой. Таким образом, автор путеводителя считает необходимым провести короткий экскурс в историю города, дать справку о достопримечательностях и связанных с ними легендах, позволить читателю взглянуть на этот небольшой город как на богатый, с точки зрения культуры, уголок мира.

Рассматривая текст путеводителя как особый тип креолизованного текста, в котором сочетаются публицистический, научный и рекламный стили, нельзя оставить без внимания структурные и семантические особенности предложений, составляющих данный текст. Имеет место огромное количество предложений с использованием конструкций в страдательном залоге (Passiv), что объясняется акцентированием внимания на объекте, то есть музее, скульптуре, картине, соборе и т.д., которые выполняют функцию подлежащего (имеет место нарушение параллелизма семантического и структурного уровней предложения).

Am oberen Ende wird der Markt vom Ratshof (neues Rathaus) abgeschlossen [Greiner, Strauch, 2011, s. 15].

Die Große Märkerstraße wird durch den Kleinen Berlin unterbrochen, ein malerisches Fleckchen mit Cafés und alten, aber häufig umgebauten Gebäuden an der Westseite [Greiner, Strauch, 2011, s. 16].

Вводно-бытийная конструкция *es gibt+Nakk*, имеющая статус фразеосхемы, то есть устойчивой структуры с постоянным структурным ядром и варьирующимся элементом в позиции *Nakk*, также очень популярна в тексте путеводителя. Позицию прямого дополнения (*Nakk*) занимают существительные, служащие наименованиями предметов и явлений реальной действительности, констатация наличия или отсутствия которых является свидетельством определенной деятельности субъектов антропосферы; это предметы, создаваемые, приобретаемые, устанавли-

ваемые одушевленными субъектами в процессе целенаправленной деятельности, то есть они выступают как материализованный результат действий человека [Кузьмина, 2010]. Именно немецким экзистенциальным предложениям подобного типа присуще свойство концентрировать внимание на застывшей картинке, то есть фотографии, предлагая подробное описание последней.

Es gibt 154 Sportvereine und 63 Sportplätze [Greiner, Strauch, 2011, s. 49].

Es gab thematische Gärten wie Rosen- und Blumengärten mit romantischen Sitzbänken, Pergolen und Rankbögen und einen Aussichtspunkt auf dem Römerberg [Greiner, Strauch, 2011, s. 53].

Кроме того, в тексте путеводителя как особом типе текста со структурными особенностями предложений можно проследить особую семантику локатива. Широко используются предложения, в которых роль подлежащих играют места, то есть определенная реалья города.

Den Hallmarkt prägt heute der vom halleischen Bildhauer Bernd Göbel geschaffene Brunnen, der auf ganz eigene, lebendige Art Stadtgeschichte(n) erzählt [Greiner, Strauch, 2011, s. 24].

Die Pauluskirche (1903) ist der Mittelpunkt des gegen Ende des 19. Jahrhunderts geplanten und über längere Zeit errichteten Paulusviertel [Greiner, Strauch, 2011, s. 60].

Как уже было отмечено ранее, необходимо рассматривать текст путеводителя как особый тип креолизованного текста, в котором сочетаются публицистический, научный и рекламный стили. Нельзя оставить без внимания стилистические особенности данного текста, в частности, использование предложений, в качестве подлежащих которых выступает личное местоимение первого лица множественного числа «мы» (wir). В соответствии с функциональной спецификой в научном стиле широко используется первое лицо множественного числа, означая так называемое «авторское мы», а также «мы совокупности» при активном привлечении слушателей, читателей к описываемому [Голуб, 1997]. В случае с путеводителем за счет использования «авторского мы» у читателя создается впечатление присутствия экскурсовода – человека, обладающего большим объемом культурологических и исторических знаний о городе, который не позволит заблудиться в новых местах.

Über den Moritzkirchhof kommen wir zum Hallmarkt, der Saline im Tal zu Halle [Greiner, Strauch, 2011, s. 23].

Vor uns erscheint der weiß leuchtende Dom ohne Querhaus [Greiner, Strauch, 2011, s. 26].

В число особенностей организации текста путеводителя можно включить употребление предложений с неопределенно-личным место-

имением *man* в качестве подлежащего. В неопределенно-личном предложении глагол-сказуемое обозначает действие, совершаемое неопределенными, то есть необозначенными лицами. В неопределенно-личных предложениях внимание сосредоточивается на факте, событии, действии. Субъект действия остается необозначенным, так как указание на него, с точки зрения говорящего, несущественно [Валгина, 2000]. Неопределенно-личные предложения широко используются в разговорной речи, в частности, часто употребляются в диалогах. Реже такие предложения встречаются в книжном стиле. Особенно это касается научного и делового стилей, основным свойством которых является предельная ясность и определенность изложения. Использование неопределенно-личных предложений в разговорном стиле можно объяснить тем, что в них важным условием является сосредоточение внимания на действии, а не на объекте, его производящем, хотя он или они вполне известны из контекста речи [Соколова, 2014].

Folgt man vom Brunnen aus der Straße nach Westen, kommt man zum Beatles-Museum im ehemaligen Assessor-Mueller-Stift (Alter Markt 12), einem barocken Stadtpalais von 1708 [Greiner, Strauch, 2011, s. 20].

Хотелось бы отметить также широкое распространение предложений с безличным местоимением *es*, выступающим в роли подлежащего. Согласно классификации О.И. Москальской в ее работе «Grammatik der deutschen Gegenwartssprache», существует целый ряд моделей предложений с безличным *es*, которые можно подразделить на три основных группы: предложения без агенса с обязательным компонентом *es* на первом месте; предложения с деми-агенсом, указанием на лицо в косвенном падеже и факультативным *es*; бессубъектные страдательные конструкции с факультативным *es*. Третья группа представлена примерами так называемого безличного пассива, которые и будут интересовать нас, поскольку именно они преобладают в тексте рассматриваемого путеводителя.

Vom Händelhaus die Oleariusstraße sind es nur wenige Meter durch die Kleine Klausstraße zum Domplatz [Greiner, Strauch, 2011, s. 26].

Рассмотрев некоторые композиционные и языковые особенности авторских немецкоязычных путеводителей, мы можем говорить о том, что структура путеводителя не может быть четко зафиксирована, так как даже базовая часть имеет вариации. Тексту путеводителя присуще использование ряда синтаксических конструкций, что объясняется теми целями и задачами, которые преследуют авторы путеводителя: доступно преподнести интереснейшую информацию (зачастую большого объема), привлекая как можно больше туристов. Таким образом, путеводитель – это энциклопедия, справочник, рекламная брошюра, занимательное издание с велико-

лепными иллюстрациями. Его можно изучать в разных аспектах и каждый из них, несомненно, очень увлекателен.

Литература

- Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М., 2003.
- Бове К.И. Современная реклама. Тольятти, 1995.
- Валгина Н.С. Теория текста. М., 2004.
- Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 2000.
- Голуб И.Б., Стилистика русского языка. М., 1997.
- Кузьмина О.В. Семантический анализ предложений с конструкцией *es gibt* в свете межкультурной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 1 (5). Ч. 1
- Наер Л.В. К вопросу о межстилевых контактах // Функциональные стили и преподавание иностранных языков. М., 1992.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2002.
- Протченко А.В. Типологические и функционально-стилистические характеристики англоязычного путеводителя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006.
- Соколова Г.Л. Неопределенно-личные предложения в марийском и немецком языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (34). Ч. 2.
- Широких И.А., Курилина В.Д. Об особенностях англоязычного путеводителя. Барнаул, 2012.
- Greiner K., Strauch R. Halle (Saale), der Stadtfürer. Halle, 2011.

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕКСТОВ

А.В. Игнатовская, А.А. Чувакин

Ключевые слова: текст, бытие текста, взаимодействие текстов.

Keywords: text, text being, texts interaction.

Традиционно при исследовании взаимодействия текстов в центре внимания находятся направления, способы, механизмы этого процесса (см., например: [Гавенко, 2002; Чувакин, Бровкина, Волкова и др., 2004, с. 5–28; Саланина, 2005; Чувакин, 2008; Гайер, 2011, с. 226–233]), поскольку тексты рассматриваются в составе текстовой совокупности: здесь они находятся в межтекстовых отношениях [Пешкова, Чувакин, 2004, с. 24–27], которые возникают между ними в процессе порождения, понимания и функционирования текста в коммуникативном пространстве (теоретические аспекты проблемы см. в: [Теория текста, 2010, с. 44–46]). В теории текста разрабатываются основания выделе-

ния текстовых совокупностей. Так, Т.Н. Василенко в своем монографическом исследовании текста в русле идей коммуникативного подхода различает текстовые совокупности как общесемиотический, культурологический, лингвистический объект [Василенко, 2008, с. 37–51].

В настоящей работе к проблеме взаимодействия текстов мы обращаемся в контексте складывающегося учения о бытии текста, когда «в центр внимания попадают не сами тексты, а отношения между ними. <...> Мир представляет собой, например в духе идей Канта, «целокупность синтеза» явлений того или иного определенного плана» [Визгин, URL]. <...> Стало быть, *каждый исследуемый текст может быть представлен как синтез отношений в мире текстов, независимо от природы знака – лингвистической, паралингвистической, нелингвистической* (курсив наш. – А.И., А.Ч.). Мир текстов характеризуется открытостью, динамичностью; сами отношения являются нелинейными, сложными, незавершенными, по большей части случайными. Исследование текста в мире текстов позволяет увидеть изучаемый объект в его синергийном бытии, тем самым знание жизни текстов углубляется во имя фундаментальной роли филологии – обеспечения понимания в процессе коммуникативной деятельности субъектов» [Чувакин, Медведев, 2014, с. 389–390].

Проблема бытия текста в коммуникации в последние годы интенсивно исследуется в рамках филолого-коммуникативного направления в языковедении [Куляпин, Чувакин, 2013, с. 140–155]. При этом разные авторы обращаются к разным граням преобразования текста: в деятельности переводчика [Василенко, 2008; Демидова, 2011], при изменении условий существования текста, задаваемых сменой рода и жанра, текстового окружения [Никонова, 2002; Волкова, 2007], контекста культуры [Широких, 2004; Савочкина, 2007; Сим 2009], позиции текста в коммуникативном универсуме [Шмаков, 2014] и др. При всех различиях в изучении бытия текста названные авторы имеют нечто общее: каждый из них ставит в центр исследования лишь одну грань проблемы, что определяется выбором типа отношений. Как видно из приведенных данных, тип изучаемых отношений совсем не обязательно имеет статус межтекстового. В этом контексте выделяются работы Е.В. Демидовой, которая обращается к фактору коммуникативной деятельности переводчика, и А.А. Шмакова, в задачи исследования которого не входило рассмотрение текстовых преобразований. В нашем случае важно следующее: отмеченные в статье работы в своей совокупности фиксируют множественность типов отношений, существенных для восприятия и понимания текста; открытость списка отноше-

ний, а это создает условия для открытости и неисчерпаемости содержательности каждого конкретного текста.

Приведем одну иллюстрацию. Результаты, достигнутые в изучении творчества В.М. Шукшина, в настоящее время делают возможным приблизиться к рассмотрению текстов его творчества как мира текстов. Напомним только направления анализа рассказа «Сапожки» в мире текстов творчества писателя [Чувакин, Медведев, 2014, с. 389–390]. Восприятие, понимание, интерпретация субъектом коммуникативной деятельности текста названного рассказа есть результат проекции нескольких линий его (рассказа) отношений в мире текстов писателя, в том числе трансформационных и рефлексивных. В число трансформационных входят отношения формально-семантических и / или функционально-смысловых преобразований *текста рассказа* в разных изданиях, в Сети (на разных сайтах), в разных форматах речи: письменном – устном (чтение текста С. Юрским или любым иным лицом), при адаптации для иностранных учащихся; преобразований рассказа в текст киносценария и кинофильма (режиссер С. Великоредчанин и др.), в текст пьесы и драматического спектакля (режиссеры А. Херманис в Москве, А. Калашниченко в Перми и др.), в текст оперного либретто, музыкальный текст и текст оперного спектакля (композитор В. Кобекин), в произведения живописи, в иллюстративный материал; преобразований фрагментов текста в обстановку сценического пространства, костюмы, видео- и звуковой ряд и др. (в разных киностудиях и театрах). К рефлексивным относятся преобразования преимущественно смыслового характера – в процессе авторской и неавторской рефлексии: в произведениях критики, публицистики, в научных и научно-популярных работах, энциклопедических и лексикографических изданиях, в учебно-методических изданиях, сочинениях обучающихся, изданиях типа «Рассказ «Сапожки»: краткое содержание», переводах на другие языки, в эмоциональных реакциях человека и др.

Далее обратимся к тексту рассказа А.П. Чехова «Открытие» в оригинале [Чехов, 1955, с. 34–37] и в адаптированном для обучения русскому языку иностранцев [Антонова, 2009, с. 31–32]¹. Специфика данного материала требует учета более одного типа его отношений с другими участниками коммуникации. Это и позволяет рассмотреть текст (или, во всяком случае, приблизиться к рассмотрению) *как синтез отношений в мире текстов*, пусть и неполный синтез (а частичный), но важно, что на этом ограниченном материале окажется воз-

¹ Адаптация текста понимается как один из текстообразовательных процессов, имеющих коммуникативную природу.

возможным смоделировать один из вариантов исследования синтеза. Речь идет, по крайней мере, об отношениях *текст – среда коммуникации* и *текст – субъекты коммуникации*.

Среда коммуникации. Среда коммуникации как среда существования текста, вообще говоря, имеет двухуровневое строение: в качестве микросреды выступают компоненты акта коммуникативно-речевой деятельности человека, в качестве макросреды – культура, природа, социальная сфера [Теория текста, 2010, с. 32–41]. В рассматриваемом здесь случае среда специфицируется на основе признака учебной, или, с позиций организатора оной, педагогической деятельности. В более конкретном обозначении это среда обучения русскому языку иностранных учащихся. Не обращаясь к исследованиям среды коммуникации описываемого типа (они общеизвестны), приведем замечания одного из иностранных специалистов в этой области: педагогическое общение «является целью и средством обучения русскому языку как иностранному. Оно, являясь формой учебного взаимодействия, имеет многокомпонентную структуру, в которой минимальной структурной единицей выступает коммуникативный акт» [Анвар, 2009, с. 41–42]. К сказанному прибавим, что среда учебной коммуникации и ее результат (у А. Анвара он выражен в традиционных терминах знаний, умений и навыков; в настоящее время чаще выражается в терминах компетенций) организуется на основе некоторых установлений, которые зафиксированы в нормативных документах, прежде всего в Государственных стандартах по русскому языку как иностранному. Эти же документы определяют и перечни текстов, и задачи, которые решаются на материале того или иного текста. Недаром Е.А. Яковлева справедливо утверждает, что педагогическое коммуникативное пространство – это «особая (курсив наш. – А.И., А.Ч.) зона речевого общения» [Яковлева, 2002, с. 266].

Субъекты коммуникации. В качестве субъектов коммуникации традиционно называют «говорящего» и «слушающего» как разные воплощения homo loquens или, в более широком плане, homo communicans. Их функция – порождение / восприятие (и понимание) текста. Homo loquens (homo communicans) независимо от функции имеют статус субъекта. Его кратко и образно сформулировал Х. Вайнрих: «Мы хозяева текста» [Вайнрих, 1987, с. 54]. Продолжим цитирование А. Анвара, указавшего на важную особенность учебной коммуникации: «Обучение русскому языку как иностранному – это творческое общение преподавателя и студентов, процесс совместного поиска и деятельности, в результате которой, с одной стороны, у студентов формируются знания, умения и навыки, а с другой, у препода-

вателя развивается профессиональное мастерство. При этом преподаватель выступает как участник межличностного общения и как организатор такого взаимодействия, определяющий его цели, содержание и формы» [Анвар, 2009, с. 41]. Фактически речь идет о т.н. центрированном на ученике подходе к обучению и интенсивных методиках обучения неродному языку. Т.И. Капитонова, раскрывая сущность названного подхода, отмечает, что он предполагает «поворот к личности обучаемого, к человеку» и направлен «на совершенствование человека, его внутренней сущности» [Капитонова, 2002, с. 101]. В пределах своих функций субъекты учебной коммуникации осуществляют акт тексто-преобразовательной деятельности. Если «говорящий» (в нашем случае это «“коллективный” говорящий»: составитель и редактор стандарта, автор учебника, преподаватель) решает эту задачу на основе установок, данных в нормативных документах (см. выше), то «слушающий» (обучающийся) – индивид, приобретающий соответствующие компетенции.

В нашем – с неизбежностью кратком – анализе, результаты которого приведены, по условиям места, в иллюстративных целях, фактически соединены два рассмотренных типа отношений (частичный синтез). Точкой, фокусом соединения выступает тот или иной компонент текста, который может быть квалифицирован как сигнал. Эта квалификация опирается на суждение С.А. Медведева, исследовавшего интернет-рецензию в ее отношении к интернет-миниатюре [Медведев, 2010, с. 179.]. Сигналом можно считать тот компонент текста, который мотивирует адаптацию текста «говорящим» с целью обеспечения понимания его (текста) иностранным учащимся («слушающим») и овладения им необходимыми компетенциями в соответствии с документами, регулирующими фрагмент учебной коммуникации, связанный с обучением иностранцев русскому языку. Внимательный читатель легко заметит, что в приведенном понимании сигнала сходятся рассмотренные выше типы отношений, что позволит раскрыть хотя бы фрагмент картины бытия текста в актах коммуникации.

Покажем два класса сильных сигналов, мотивировавших адаптацию текста оригинала. Классы выделяются в зависимости от сигнала-доминанты.

Класс 1. Сигналом-доминантой выступает среда коммуникации в ее отдельных проявлениях. Так, номинация *статский советник* в начальном предложении текста *«Инженер статский советник Бахромкин сидел у себя за письменным столом...»*, не являющаяся акту-

альной в современной русской культуре¹, преобразуется в номинацию *важный господин*. При устранении номинации, по-видимому, учитывается и отсутствие соответствующего чина в зарубежной «табели о рангах». Что касается заменяющего компонента, то предложенная в учебнике номинация в смысловом отношении не противоречит заменяемой и, несомненно, значима в современном русском коммуникативном пространстве.

Класс 2. Сигналом-доминантой выступают субъекты коммуникации. В приведенном предложении выделяется еще одно преобразование текста: *сидел у себя за письменным столом* → *сидел у себя дома за письменным столом*. В оригинальном тексте возможная избыточная формула *у себя дома, в комнате, в кабинете и под.* свернута. Однако для иностранного читателя обозначение места должно быть вполне конкретным: словосоединение *у себя за письменным столом* оказывается размытым, неточным и как будто противоречит объективной ситуации (ср.: человек может сидеть за письменным столом у кого-то?).

Отметим также явление пересечения (контаминации) названных классов. В эту группу можно отнести, например, сравнительные обороты: *«В свое время это была замечательная красавица, в которую так же легко было влюбиться, как наступить соседу на мозоль»;* *«Особенно памятна Бахромкину ее <...> длинные золотисто-каштановые волосы, похожие на поле поспевшей ржи, когда оно волнуется в бурю перед грозой...»*. В обоих случаях в производном тексте сравнительные обороты опущены, что можно, по-видимому, связать со сложностью их устроенности в системе языка и, тем более, в речевой коммуникации, сложностью механизмов и процедур их порождения и, главное, понимания.

Приведенные направления и способы преобразования текстовых фрагментов задают в каждом случае свой собственный синтез отношений. Взаимодействие отношений происходит как пульсация: каждое из преобразований не является продолжением предыдущего, их следование случайно (пусть и в рамках, определяемых нормативными документами), они различны по силе. Предложенный подход, как представляется, позволяет разработать вполне обоснованную систему оценки оригинальных текстов при их подготовке для использования в целях обучения иностранных учащихся.

¹ Впрочем, с учетом известного романа Б. Акунина, реакций на него в мире искусства, приведенное выражение можно оценить и иначе.

Литература

Анвар А. Педагогическое общение при обучении русскому языку как иностранному и некоторые приемы его организации // Вестник МАПРЯЛ: ежеквартальный дайджест. 2009. № 61.

Антонова В.Е., Нахабина М.М., Сафонова М.В., Толстых А.А. Дорога в Россию. Учебник русского языка (первый уровень). В 2-х тт. М.: СПб., 2009. Т. 1.

Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск, 1987.

Василенко Т.Н. Гнездовой принцип систематизации текстов (на материале оригинального художественного текста и его переводов): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2008.

Визгин В.П. Мир // Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://iph.ras.ru/elib/1908.html>

Волкова Н.А. Текстовая модальность в аспекте учения о первичности – вторичности текста (на материале цикла рассказов В.М. Шукшина «Из детских лет Ивана Попова»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007.

Гавенко А.С. Вторичный текст как компонент художественного текста (на материале романа В. Пелевина «Generation «П»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.

Гайер К.Е. Научный и художественный тексты, их взаимопроникновение // Текст в коммуникативном пространстве современной России. Барнаул, 2011.

Демидова Е.В. Универсальные факторы варьирования внутреннего мира художественного текста при переводе (на материале рассказов В.М. Шукшина и их англоязычных переводов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2011.

Капитонова Т.И. Современные направления в методике обучения русскому языку как иностранному // Преподавания и изучение русского языка и литературы в контексте современной языковой политики России. Нижний Новгород, 2002.

Куляпин А.И., Чувакин А.А. Филология и коммуникативные науки во встречном движении: от Бахтина до наших дней // Филология и человек. 2013. № 4.

Медведев С.А. Интернет-рецензия в ее отношении к интернет-миниатюре // Языки и литературы народов Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2010.

Никонова Т.Н. Рассказ-анекдот как художественно-речевая разновидность рассказов В.М. Шукшина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.

Пешкова С.Н., Чувакин А.А. Межтекстовые отношения как проблема теории текста // Актуальные проблемы теории текста: лингвистическая теория и практика обучения. Улан-Удэ, 2004.

Савочкина Е.А. Лингвоэвокационное исследование литературно-художественного жанра юридического триллера (на материале романа J. Grishem «The Runawayjugu» и его перевода на русский язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007.

Саланина О.С. Абзацирование вторичного текста как проблема общей теории текста (эвокационное исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005.

Сим О.А. Лингвоэвокационное моделирование дискурса глянцевого журнала (на материале журнальных текстов на английском и русском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2009.

Теория текста. Барнаул, 2010.

Чехов А.П. Собр. соч.: В 12-ти тт. М., 1955. Т. 4.

Чувакин А.А. Интернет-коммуникация: миниатюра в пространстве вторичных текстов // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2008. Вып. 8.

Чувакин А.А., Бровкина Ю.Ю., Волкова Н.А. и др. К проблеме деривационной текстологии // Человек – коммуникация – текст. Барнаул, 2004. Вып. 4.

Чувакин А.А., Медведев С.А. Текст в мире текстов: по материалам разных сфер коммуникации // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2014.

Широких И.А. Опыт эвокационного анализа бытийной семантики в тексте (на материале романа J. Galsworthy «A Modern Comedy» и его перевода): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.

Шмаков А.А. Бытие текста с обращением в интернет-коммуникации (на материале русскоязычных блогов и форумов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2014.

Яковлева Е.А. Педагогическое коммуникативное пространство как особая зона речевого общения // Преподавания и изучение русского языка и литературы в контексте современной языковой политики России. Нижний Новгород, 2002.

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК СВЕРНУТЫЙ ТЕКСТ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

О.А. Степовая

Ключевые слова: имя собственное, свернутый текст, русские сказки, Иван, информация, звукокомплекс.

Keywords: proper name, curtailed text, Russian fairy-tale, Ivan, content, complex of sounds.

Исследованию имени в лингвистике, лингвокультурологии посвящено огромное количество работ в разных аспектах: происхождение и семантика, функционирование, история имени и т.д. Однако со времен П.А. Флоренского, обратившего внимание на имя как свернутый текст, исследование имени в таком направлении практически не проводилось. Несколько работ В.Н. Топорова посвящены имени города, однако имена сказочных героев в таком аспекте еще не исследовались.

Е.С. Кубрякова, выделяя критерии текста, говорит: «в критерии текста следует включить его существование (потенциальное) в виде представителя особого парадигматического ряда, где самый сжатый текст находится в одном ряду с синонимичными ему развернутыми («нормальными») текстами и где в начальном тексте-примитиве уже содержится некая свернутая до предела программа его дальнейшего возможного развертывания», тем самым заявляя о возможности сворачивания – разворачивания текстов [Кубрякова, 2001, с. 75].

В.Н. Мещеряков дает следующее определение сворачиванию / свертыванию текста: «Свертывание текста – один из механизмов текстообразования (наряду с развертыванием текста). Свернутый текст характеризует фазу перехода (на каждом новом этапе текстообразования) введенной ранее информации в тематическую» [Мещеряков, 1998, с. 187].

Свернутость означает, в первую очередь, такое преобразование текста, когда его вербализованное выражение замещается затем на более краткое по объему вплоть до нулевого (когда тема уже закреплена в памяти и ее повторение избыточно). Но главное здесь в том, что всякое свернутое выражение отличается от соответствующего несвернутого способом обозначения объекта: оно не описывает, а лишь указывает на объект, отсылая к несвернутому как его описанию. Свернутый текст, как отмечал В.Н. Мещеряков, может принимать самые разнообразные формы, но «неизменной при этом остается функция свертывания – уменьшения единиц информации сначала за счет его обобщения, а затем перевода в долговременную память...» [Мещеряков, 1998, с. 188].

На примере имени Иван постараемся доказать это явление.

В русской сказке имя Иван встречается чаще других. Можно предположить, что это имя попало в сказку как любимейшее. Но: почему имя Иван стало любимым? Как звали героя сказок до христианизации Руси? – ведь сказка гораздо древнее христианских имен. Можно предположить, что и в русской сказке герой не имел конкретного имени, как и у многих других народов. И тот факт, что любое имя собственное произошло от нарицательного, подтверждает этот факт.

О том, что имя (вернее, звукокомплекс) может быть любимым, говорил еще П.А. Флоренский [Флоренский, URL]. По его замечанию, особый звукокомплекс очень важен для сохранения определенной информации (которую мы и называем свернутый текст), которая у разных народов может вызывать приязнь или неприязнь. То есть для каждого индивида, каждого народа могут быть «любимые» сочетания звуков.

Для содержания (информации) – «бог помиловал» было использовано еврейское обозначение Иоханан, трансформировавшееся в русское Иван через греческое Иоанн с заменой о на интервокальный в. Процесс свертывания текста/информации, некоего содержания в определенную форму (ономасиологическое явление) результатом имеет номинатив, обозначающее. В народной этимологии имя Иван имеет несколько

значений: 1. *от «ива»*. Мальчиков называли Иванами, посвящая их иве, священному дереву, дающему, как считали, воду. поколение; 3) племя; 4) люди, народ; *janaka* – 1) рождающий, производящий; 2) родитель, отец; творец, создатель; *janata* – человечество, люди, общество. В имени «Иван» заложена сила рода, племени, народа, поэтому в русских народных сказках, фольклоре Иван – главный и всепобеждающий герой. 3. *И-Ван: И – истина, источник, исток; из. ВАНы – древние славянские племена*; происходит от имени прародителя славян-венедов – Вана, либо Венда, Ванда. У славян-венедов Ван почитался (как прародитель рода) под именем Ян (Иван). В буквальном смысле слово «ван» означает победитель. Однако, в более древнем и сакральном значении, «ван» не просто победитель, а победитель темных сил.

Существует версия и о том, что имя Иван произошло от авестийского *Yuvan* – *молодой, юноша*. Ссылаясь на словарь Фасмера, Т. Блинова рассуждает: Ю заменило исконное У – древнерусское УНЬ. В статье приводится родственное древнеиндийскому *yuvan*- авестийское *Yuvan* – *молодой, юноша*. Язык авесты относится к иранской ветви языков. К ней же относится и скифский. А славянский, контактировавший со скифским на рубеже нашей эры, бытовал на территории нынешней Украины. В современном украинском языке, как и в славянском, перед начальным У ставят В, то есть возможен славянский вариант УНЬ – ВУНЬ, что похоже на имя ИВАН. Оно означало возрастную категорию, а звучало похоже на Иоан [Блинова, URL]. В народной культуре многих стран данное обозначение – Иван – может реализовываться в следующем звукокомплексе: Иоанн, Хуан, Иаван, Иоанн, Йоганн, Йоханн, Ваню, Ян, Янус, Жан, Ган, Ханс, Джон, Вени, Эни. Даже легендарный Эней, один из немногих оставшихся в живых защитников Трои, является «русским Иваном», в самом прямом смысле. После поражения в Троянской войне, часть «Ванов» ушла на Запад, а часть на Восток, образовав в Закавказье свое государство вокруг озера с одноименным названием – Ван. Отсюда происходит и название Словяно-Арийского Родового Союза – Вандалы (собравшиеся Воедино дети Вана) [там же].

При этом следует учитывать, что в любом художественном или фольклорном тексте имя будет вмещать в себя больший объем информации. Увеличение информации, расширение содержания происходит в результате авторского замысла, сюжета и т.п.

В русских народных сказках имя Иван функционирует как *крестьянский сын, дурак, Коровий сын, царевич*. Как пишет

П.А. Флоренский, «Дополнительные имена западного мира, у протестантов и в особенности у католиков, а также сложные имена 2. от санскр. *Jan* - «родиться, рождаться»; *jana* – 1) человек, лицо; 2) род, арабов и других, равно как и наши прозвища, несут одну и ту же должность: дифференцировать имя и предоставить его к выражению различных тонких оттенков, зависящих от каких-либо своеобразных факторов образования личности» [Флоренский, URL]. Этимология слова «юный» во многих индоевропейских языках кроме «молодой» включает значения «бычок». Возможно, отсюда и Иван Коровий сын, Иван Быкович, ведь сын коровы – бычок, но и УНЬ – бычок. Иван – коровий сын, так же, как трын-трава и многие другие устойчивые словосочетания, является тавтологией.

В некоторых сказках, фольклоре главный герой носит имя Иванушка-дурачок. Санскр. *dur* - «дверь»; *dur-anta* - «бесконечность». То есть в этом имени сакрализовано указание на «дверь», канал связи с иными мирами (космическим и подземным, прошлым и будущим) и связи предков-потомков в бесконечности, возможно, даже там, где кончается само материальное тело Рода. Поэтому Ивану-дураку открывается все: язык птиц и зверей, пути непроходимые, Миры иные, подземное царство, морское царство и т.д. И все совокупно (звери, птицы, реки, месяц, солнце, звезды, предки и т.д.) помогают ему. Иван находится под защитой предков. Пока его братья-умники ищут выгоду и материальные богатства, Иван-дурак спасает животных, помогает яблоньке и проч.; в итоге ценящий жизнь и все божьи творенья Иван-дурак выходит победителем. Таков правильный путь человека, запечатленный глубинным тысячелетним народным мировоззрением.

Литература

Блинова Т.С. «Русская сказка»: Почему царевич и дурак – Иваны? [Электронный ресурс]. URL: <http://pagan.ru/lib/books/history/ist0/blinowa/iwan.php>.

Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. М., 2001. Т. 1.

Мещеряков В.Н. Свертывание текста // Педагогическое речеведение: словарь-справочник. М., 1998.

Славянские имена. [Электронный ресурс]. URL: http://www.slav-imen.info/forum/muzhskie_imen/ivan.html.

Тысячелетняя Борьба Руссов. [Электронный ресурс]. URL: <http://slavyanskaya-kultura.ru/arisk/tysjacheletnja-borba-rusov.html>.

Флоренский П.А. Имена. [Электронный ресурс]. URL: www.magister.msk.ru/library/philos/florensk/floren03.htm.

**ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ «СВАСТИКИ»
КАК ОТРАЖЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ
ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ В КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТАХ
(НА ПРИМЕРЕ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ)**

В.П. Барбаилов

Ключевые слова: коллективная интенциональность, интенциональное значение, свастика, национал-социализм, денежные знаки.

Keywords: collective intentionality, intentional meaning, swastika, national socialism, paper currency.

«Господство свастики на знамени фашизма оплачено страшной ценой. Оно обернулось полнейшей потерей первоначального гуманного смысла, потерей смысла высшего благопожелания – всего того, что до зарождения фашизма символизировала свастика. Вырванный из образной системы древнего орнамента, знак лишился освящающего соседства с символами плодородия, продолжения рода, солнца. Произошло чудовищное расчеловечивание мирного символа. Фашисты вкладывали в свастику свой смысл – сила и власть».

А.М. Родионов. Красная книга ремесел

Как показывает обзор, прежде всего, зарубежных научных источников, коллективная интенциональность является на сегодняшний день одной из актуальных проблематик, находящихся в исследовательском фокусе филологов, философов, историков, социологов, антропологов. Дж. Серл подчеркивает, что коллективная интенциональность составляет основу любого общества – и людей, и животных. Люди, как и многие виды животных, обладают коллективной интенциональностью, а значит, и способностью к созданию обществ [Серл, 2007, с. 11]. В то же время сам Дж. Серл не дает четкого определения понятию «коллективная интенциональность». На наш взгляд, коллективная интенциональность представляет собой совокупность интенциональных состояний, направленных на предметы и положения дел объективной действительности, являющихся характерными для членов определенной языковой общности и которые можно выразить исключительно языковыми средствами этой общности.

«Свастика» – один из самых загадочных знаков в истории развития человеческой цивилизации. От трактовки его интенциональных значений

на протяжении веков зависели судьбы отдельных людей, племен и целых наций. До сих пор не умолкают споры среди представителей самых различных отраслей научного знания в отношении истории происхождения «свастики» и ее роли в истории.

В массовом сознании людей знак и слово «свастика» закрепились преимущественно как «фашистский крест», и связаны исключительно с именем Адольфа Гитлера, нацистской Германией 1933-1945 годов и Второй мировой войной. Отторжение «свастики» в национальном языковом сознании российского общества имеет социально-исторические предпосылки – в период Великой Отечественной войны наша многострадальная Родина понесла огромные человеческие потери. Поэтому запрет на изображение «свастики» являлся неотъемлемым компонентом военно-патриотического воспитания молодого поколения в СССР. Например, в Словаре русского языка С.И. Ожегова понятие «свастика» трактуется как *«знак в виде креста с загнутыми под прямым углом концами – эмблема фашизма, ставшая символом варварства и насилия»* [Ожегов, 1990, с. 698]. Как следствие, в рамках школьного и вузовского образования в СССР обучающиеся не получали объективных научных знаний о происхождении этого знака и этимологии слова, его обозначающего.

В Современном словаре иностранных слов можно обнаружить следующее толкование слова «свастика»: **СВАСТИКА** [*санскр.*] – знак в виде равноконечного креста с загнутыми под прямым углом концами, ставший эмблемой германского фашизма; первонач. – один из религиозных знаков древнеиндийского культа [Современный словарь иностранных слов, 1993, с. 545]. Из приведенной дефиниции логически следует, что нацисты в фашистской Германии лишь заимствовали данный знак, восходящий к древнеиндийскому культурам. Слово *das Hakenkreuz* имеет в немецко-русских словарях только один перевод – *свастика* [Большой немецко-русский словарь, 1998, с. 586].

Если обратиться к зарубежным источникам, подобное определение можно встретить в лексиконе BROCKHAUS: *Swastika, Svastika die, → Hakenkreuz* [Der Brockhaus, 1996, s. 889]. Следуя данной ссылке в лексиконе Брокгауз, находим следующее толкование: *Hakenkreuz, Swastika, urspr. altes, weitverbreitetes Segenszeichen; Symbol antisemit. Organisationen, so des Nationalsozialismus, der es nach der Machtübernahme in die staatlichen Embleme übernahm* [Der Brockhaus 1996, s. 360].

Авторы лексикона также рассматривают понятия *Swastika* и *Hakenkreuz* как синонимы, добавляя при этом, что свастика является символом антисемитских организаций. Чтобы более глубоко понять истоки происхождения этого загадочного знака, а также причины возникновения

понятий, соотносимых с ним через слово, необходимо обратиться как к его этимологии, так и к социально-историческому контексту.

В XX веке «свастика» (нем. Hakenkreuz) получила известность как символ нацизма и гитлеровской Германии и в европейской культуре устойчиво ассоциируется именно с гитлеровским режимом и идеологией. Известно, что появившаяся в 20-х годах Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП) выбрала «свастику» в качестве своего партийного символа. В 1923 году на съезде нацистов будущий фюрер Адольф Гитлер так объяснил значение партийного флага: белый круг на красном фоне – символ национальной чистоты и силы, черная свастика – призыв к беспощадной борьбе с коммунистами и евреями. С 1933 года «свастика» становится главной государственной эмблемой гитлеровской Германии, включенной в ее герб и флаг.

При исследовании трансляции данного символа в текстах, прежде всего, обращает внимание так называемая «Песня о свастике» (*Das Hakenkreuzlied*), автором которой является известный немецкий лирик позднего романтизма Отто Керншток. Лейтмотивом в творчестве О. Кернштока изначально являлась национальная идея. Он желал немцам поскорее увидеть мессию, который из позора и нужды последствий Первой мировой войны приведет немцев к победе и свободе. Весной 1923 года О. Керншток сочинил для Восточной группы НСДАП в Фюрстенфельд так называемую «Песню о свастике»:

Hakenkreuzlied

1. *Das Hakenkreuz im weißen Feld*

Auf feuerrotem Grunde

Gibt frei und offen aller Welt

Die frohgemute Kunde

Wer sich um dieses Zeichen schart

Ist deutsch mit Seele, Sinn und Art

Und nicht bloß mit dem Munde.

2. *Das Hakenkreuz im weißen Feld*

Auf feuerrotem Grunde

Zum Volksmal ward es auserwählt

In ernster Schicksalsstunde

Als unter Schmerzen heiß und tief

Das Vaterland um Hilfe rief

Das teure, todeswunde

3. *Das Hakenkreuz im weißen Feld*

Auf feuerrotem Grunde

Hat uns mit stolzem Mut beseelt

Es schlägt in unsrer Runde

*Kein Herz, das feig die Treue bricht
Wir fürchten Tod und Teufel nicht
Mit uns ist Gott im Bunde*

Мог ли известный поэт и священник О. Керншток предположить, к каким последствиям приведет его творение, а главное какую роль оно сыграет в поистине кафковском превращении сознания немцев из национального в национал-социалистическое в 20-30-х годах XX века?

Представляется важным проанализировать некоторые фрагменты текста этого стихотворения, и попытаться понять, каким образом слово О. Кернштока могло способствовать тому, что исследуемый нами символ сумел черным пауком заползти в сознание немецкого народа. В первых двух строках каждой строфы встречается описание флага НСДАП, на котором изображен свастикальный символ:

*Das **Hakenkreuz** im weißen Feld
Auf **feuerrotem** Grunde*

Рассмотрим 5,6,7 строки 1-й строфы текста стихотворения:

*Wer **sich** um dieses Zeichen **schart**
Ist **deutsch** mit **Seele**, **Sinn** und **Art**
Und nicht bloß mit dem Munde.*

Глагол **sich scharen** эксплицитно содержит коммуникативную интенцию призыва к объединению, поскольку данная лексема актуализирует в сознании носителей немецкого языка значение «*объединяться вокруг чего-л. в качестве сторонников, приверженцев какой либо идеи*» [Duden Deutsches Universalwörterbuch, 1989, S. 1304]. Подлежащее *Wer sich um dieses Zeichen schart*, указывающее на субъект действия, находится в позиции ремы, а значит, данная языковая форма содержит информацию, которая в данном фрагменте текста стихотворения является новой, то есть наиболее важной, актуальной. Как показывает современный словарь синонимов DUDEN, лексема **die Art** синонимична словам **die Rasse**, **das Wesen** [Duden Sinn- und sachverwandte Wörter, 1986, s. 59].

В данном фрагменте автором затронут аспект национального самоопределения, в форме утверждения выражено интенциональное состояние уверенности, и, следовательно, абсолютно полного знания автора о том, что истинным немцем является лишь тот, кто объединяется вокруг такого символа как **Hakenkreuz**. С помощью использования в тексте лексем **die Seele**, **der Sinn** и **die Art** О. Керншток апеллирует к коллективному сознанию, благодаря чему эти языковые единицы эксплицируют интегративную функцию.

В 6-й и 7-й строках 3-й строфы личное местоимение **wir** отражает квантор всеобщности как идеологически ориентированное понятие, кото-

рое во времена нацизма в Германии было отражено в следующей семантически и идеологически емкой формулировке: Reich – Volk – Führer:

*Wir fürchten Tod und Teufel nicht
Mit uns ist Gott im Bunde*

Эти последние строки содержат мораль произведения в целом, и, вероятно могли сыграть роковую шутку в судьбе данного творения О. Кернштока, ведь свастика изначально являлась древнеиндийским священным символом, тем самым олицетворяя Бога. В данном фрагменте О. Керншток, используя антитезу «дьявол – Бог», ставит рядом с последним всех тех, кто объединяется вокруг свастического символа *Hakenkreuz*. Если в целом сопоставить все три строфы, то сквозь текст прослеживается триада: das Volk – das Vaterland – der Gott.

Нам представляется важным и интересным исследовать трансформацию интенционального значения «свастики» на денежных знаках, которые мы рассматриваем в качестве креолизованных текстов [Анисимова, 2003].

История послереволюционной России свидетельствует о том, что в то время свастика актуализировала интенциональное значение процветания и веры в благополучное будущее. Когда к весне 1917 года Россия оказалась у самой пропасти финансовой катастрофы, эмиссия денежных знаков достигла небывалых масштабов. В обращение поступили купюры в 250 и 1000 рублей, выпущенные Временным правительством, которые украсились свастикой, являющейся тогда символом благополучия и веры в процветание.

После того, как свастика исчезла с денежных купюр послереволюционной России, мало кто мог предположить, что позднее этот знак на деньгах мистическим образом вернется в СССР. Но теперь он не будет символизировать веру в благополучие, а, оказавшись «в лапах» имперского орла НСДАП, станет олицетворением захвата территории и порабощения народов СССР. Оккупанты начали наводить новый порядок, неотъемлемой частью которого являлась эмиссионная политика. Сразу после начала «блицкрига» была введена в обращение оккупационная марка с принудительным курсом: 1 марка за 10 советских рублей. Эти банкноты использовались на территории СССР, оккупированной немецкой армией в период Великой Отечественной войны.

После провала германского наступления на Москву у населения пошатнулось доверие к оккупационной марке, вследствие чего весной 1942 года германским командованием был создан Центральный эмиссионный банк Украины с местопребыванием в г. Ровно, который был объявлен фашистами столицей Украины. Этот банк стал осуществлять эмиссию соб-

ственных денежных знаков в карбованцах восьми номиналов – 1, 2, 5, 10, 20, 50, 100 и 500 карбованцев. На лицевой стороне этих дензнаков весь текст размещался на немецком языке, что свидетельствовало об их официальном характере. Здесь также был указан номинал банкноты, наименование выпускающего банка ZENTRALNOTENBANK UKRAINE, дата и место эмиссии ROWNO, den 10. März 1942, изображение имперского орла с нацистской свастикой, подпись уполномоченного лица банки и серия и номер банкноты. Примечательно, что на оборотной стороне этих денег имелись надписи на немецком и украинском языках с наименованием выпускающего банка: *Центральний Емісійний Банк Україна*, указанием номинала банкноты и предупреждением о наказании за изготовление подделок: *Фальшування грошових знаків карається тяжкою тюрмою*. Для каждого номинала индивидуально в правом углу банкноты располагали рисованные изображения (банкнота 2 карбованца – изображение мальчика, 10 и 200 карбованцев – крестьянки, 100 карбованцев – моряка). Объединив два языка и изобразив на банкнотах не только все поколения, но и все социальные слои, гитлеровцы кощунственно и цинично пытались придать народный облик этим деньгам, завизировав их имперским орлом со «свастикой». Весной и летом 1944 года, несмотря на репрессии, произошел массовый отказ населения от оккупационных денег.

Здесь необходимо подчеркнуть, что национал-социалисты использовали не свастику (*Swastika*), а схожий по начертанию символ *Hakenkreuz*, что в дословном переводе означает «крюкообразный крест». По мнению Р.В. Багдасарова, под определение «нацистской» символики может подходить лишь свастика черного цвета, стоящая на ребре в 45°, с концами направленными в правую сторону. Именно такой знак находился на государственном знамени национал-социалистической Германии с 1933 по 1945 годы, а также на эмблемах гражданских и военных служб [Багдасаров, 2002, с. 45].

В толковом словаре DUDEN «*Hakenkreuz*» и «*Swastika*» трактуются не только как абсолютно противоположные друг другу символы, но как различные понятия:

1. *Hakenkreuz*, das: a) *gleichschenkliges Kreuz mit vier in die gleiche Richtung weisenden, rechtwinklig geknickten, spitzwinkligen od. abgerundeten Armen*; b) *Hakenkreuz (a) als Symbol der Nationalsozialistischen Deutschen Arbeitspartei* [Duden Deutsches Universalwörterbuch 1989, s. 651].

2. *Swastika*, die; -, ...ken, auch der; -[s], -s [-sansk. svastika]: *altindisches Glückssymbol in Form eines Sonnenrades, Hakenkreuzes* [Duden Deutsches Universalwörterbuch 1989, s. 1503].

Таким образом, свастика как древнеиндийский священный символ не имеет ничего общего со знаком *das Hakenkreuz*. С точки зрения анализа

коллективной интенциональности, данный знак приобретает абсолютно разные, противоположные интенциональные значения в каждой языковой культуре.

Литература

- Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М., 2003.
- Багдасаров Р.В. Свастика: священный символ. Этнорелигиоведческие очерки. М., 2002.
- Большой немецко-русский словарь: в 3-х тт. М., 1998.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990.
- Родионов А.М. Красная книга ремесел: Заметки о чистодеревщиках, кузнецах, гончарах, ткачах, вышивальщицах, колыванских камнерезах. Барнаул, 1990.
- Серл Дж. Что такое институт? // Вопросы экономики. 2007. № 8.
- Современный словарь иностранных слов. М., 1993.
- Der Brockhaus: in einem Band. Leipzig; Mannheim, 1996.
- Duden Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim; Wien; Zürich, 1989.
- Duden: Sinn- und sachverwandte Wörter: Wörterbuch für den treffenden Ausdruck. Mannheim; Wien; Zürich, 1986.

СПИЧРАЙТИНГ И КОПИРАЙТИНГ: ФИЛОЛОГИЯ НА СЛУЖБЕ У ИНТЕГРИРОВАННЫХ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Ю.Н. Земская, Е.А. Кузнецова

Ключевые слова: спичрайтинг, копирайтинг, риторика, филология, интегрированные маркетинговые коммуникации.

Keywords: speechwriting, copywriting, rhetoric, philology, integrated marketing communications.

В настоящее время сложилась следующая ситуация: современные авторы, пишущие на темы спичрайтинга и копирайтинга, — это либо ученые-филологи, находящиеся преимущественно в академической среде, либо специалисты-практики, работающие в коммуникационной отрасли. Первым часто недостает практического опыта, вторым — теоретического обобщения, имеющегося опыта, поэтому многие учебные пособия и сборники рекомендаций имеют аналогичные характеристики.

В современной сфере интегрированных маркетинговых коммуникаций, которые понимаются как «процесс передачи информации о товаре целевой аудитории»¹, [Бернет, Мориарти, 2001; Репьев, URL], используются различные инструменты коммуникаций, основными из которых являются: реклама, стимулирование сбыта, связи с общественностью (Public Relations (PR), прямой маркетинг, личная продажа и упаковка [Бернет, Мориарти, 2001, с. 21]. Каждый из перечисленных инструментов предполагает создание текста, который будет транслироваться от компании к ее целевой аудитории лично или по каналам различных медиа. Причем в одних случаях будет создаваться письменный текст (например, рекламное сообщение для прессы, пресс-релиз и др.), в других случаях текст для устного воспроизведения (например, публичное выступление политика, презентационные речи и др.).

Все тексты, функционирующие в сфере ИМК, «направлены на то, чтобы предоставить целевой аудитории определенную информацию или же убедить ее изменить свое отношение или поведение» [Бернет, Мориарти, 2001, с. 20]. Современные спичрайтеры и копирайтеры должны уметь создавать устные или письменные информационные или убеждающие тексты, следовательно, знать теорию композиции, теорию аргументации, законы логики и риторики.

Сегодня существует целый ряд книг, посвященных копирайтингу, спичрайтингу и PR-тексту в целом, в которых авторы: К. Иванова [Иванова, 2006], Д. Каплунов [Каплунов, 2012], Д. Кот [Кот, 2012], А. Кривоносов [Кривоносов, 2002], П. Кузнецов [Кузнецов, 2012], А. Парабеллум, Н. Мрочковский, К. Бенко и К. Белевич [Парабеллум, Мрочковский, Бенко и др., 2008], Э. Слободянюк [Слободянюк, 2008] и др. – описывают актуальную российскую практику.

Одной из существующих теоретических проблем в копирайтинге является проблема определения самого понятия «копирайтинг». Одни авторы сводят к сфере копирайтинга практически любые тексты и любой контент, другие предлагают жестко разграничивать рекламный копирайтинг, веб-копирайтинг, копирайтинг в сфере связей с общественностью, написание

¹ Здесь под словом товар понимается определенный вид продукции, услуга или идея. Прим. науч. ред. издания Бернет Дж., Мориарти С. Маркетинговые коммуникации: интегрированный подход. СПб., 2001.

продающих текстов и т.п. Каждая из этих точек зрения имеет свои основания.

А. Репьев отмечает, что работа копирайтера «начиналась с сочинения рекламных текстов, этим копирайтер занимается и поныне» [Репьев, URL]. Действительно, копирайтинг возник как технология написания собственно рекламных текстов, сегодня же рассматривать различные коммуникации компании с целевыми аудиториями (рекламу, связи с общественностью, личные продажи и др.) отдельно друг от друга становится нецелесообразным, поэтому такое определение можно считать узким, оно тем более неактуально в свете интегрированных маркетинговых коммуникаций.

А. Парабеллум, Н. Мрочковский, К. Бенко и К. Белевич пишут: «Копирайтинг – это не реклама, не тексты в буклетах и на сайте, не продающие письма, а продажа. Акт продажи, но в письменной форме. Текст – Ваш продавец» [Парабеллум, Мрочковский, Бенко и др., 2008, с. 20]. Действительно, книга этих авторов посвящена преимущественно продающим текстам (текстам коммерческих предложений), которые используются в прямом маркетинге. Определение копирайтинга, приведенное авторами, можно охарактеризовать как узкое.

Д. Каплунов в книге «Копирайтинг массового поражения» пишет о том, что копирайтинг – это убеждение или достижение собственной цели с помощью текста [Кажунов, 2012, с. 20]. Данное определение представляется нам слишком широким, поскольку включает в себя все убеждающие тексты вообще, что представляется некорректным. В сферу текстов копирайтинга попадают, например, личные письма, журналистские статьи и многие другие, которые носят убеждающий характер.

В книге П. Кузнецова «Копирайтинг и спичрайтинг. Эффективные рекламные и PR-технологии» автор приводит следующее определение понятия копирайтинг «(от англ. copywriting) – составление рекламных (в том числе «продающих», имиджевых и презентационных) текстов» [Кузнецов, 2012, с. 60]. Данное определение с нашей точки зрения не совсем корректно, поскольку автор объединяет самые разные виды текстов, называя их рекламными, но, несмотря на этот недочет, здесь наиболее полно описана суть современного копирайтинга, в который включается написание и имиджевых, и презентационных, и рекламных, и продающих текстов.

Определим копирайтинг как составление текстов интегрированных маркетинговых коммуникаций, направленных на продвижение идеи, товара, человека. Прежде всего это рекламные, PR-тексты, но в эту сферу начинают проникать и другие продающие тексты (коммерческие предложения, salesletter, оффер), тексты для сайтов, тексты для продвижения в социальных сетях и др.

Столь же разнообразны и зачастую противоречивы определения спичрайтинга. Некоторые из исследователей акцентируют внимание на сфере деятельности (политической или экономической), которую сопровождает спичрайтинг, некоторые – на субъекте PR (президенте или ином крупном государственном или политическом деятеле), для которого создаются определенного вида тексты, некоторые – на техниках и технологиях самой деятельности [Демин, 2003; Землянова, 1999; Колесников, 2007; Минаева, 2002 и др.].

Успешную, на наш взгляд, попытку обобщить разнообразные подходы в определении спичрайтинга дает А. Кривоносов в монографии «Основы спичрайтинга»: «Спичрайтинг – 1. специфическая PR-технология, представленная в виде техники подготовки и написания PR-текста, предназначенного для устного исполнения, а также консалтинг первого (должностного) лица по организации публичного выступления и его исполнению. В узком смысле – написание текста устного публичного выступления для руководителя (должностного лица) базисного субъекта PR. 2. разновидность профессиональной PR-деятельности, заключающейся в составлении текста устного публичного выступления для первого (должностного) лица субъекта PR и консалтинга данного лица по организации и исполнению публичного выступления. 3. Учебная дисциплина, раздел деловой риторики» [Кривоносов, 2003, с. 13].

В том же учебном пособии А. Кривоносов дает не менее содержательное определение спичрайтерского текста – это «обладающий мнимым авторством, произносящийся первым (должностным) лицом субъекта PR публичный текст, адресованный определенному сегменту целевой общественности и служащий целям формирования или приращения публичного капитала базисного субъекта PR; устная разновидность PR-текста» [Кривоносов, 2003, с. 13].

Что важно для нас в этих определениях? Во-первых, прикладной характер спичрайтинга: телеологически это деятельность, сопровождающая формирование и приращение

публичного капитала базисного субъекта PR. Во-вторых, технологичность спичрайтинга, базирующаяся на классической риторической модели говорящий – речь – аудитория. В-третьих, риторический генезис деятельности.

Не секрет, что деятельность по написанию речей для других лиц была легитимизирована и даже в какой-то степени институализирована еще в древнем мире. Логографы – так называли составителей речей в Древней Греции – готовили речи для выступающих в суде, причем с учетом «требований заказчика» [Большая советская энциклопедия, URL]. Самым известным из них был Лисий, который был включен в число 10 самых лучших ораторов древности. Ему приписывают ок. 450 речей (дошло до нас 34). В них Лисий демонстрировал свои уникальные способности создавать образы и передавать характеры людей, для которых он писал эти речи [Античные писатели, URL].

Самым известным из дошедших до нас античных трактатов по искусству написания речей является «Риторика» Аристотеля, в который автор представляет систему публичных коммуникаций своего времени как технологию, базирующуюся на глубоком и качественном теоретическом фундаменте. В труде Аристотеля подробно описываются виды речей, которые обусловлены коммуникативной ситуацией и направлены на конкретную аудиторию, риторические стили и принципы, способы и приемы построения речи. Определяя риторiku «как способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета», Аристотель подчеркивает ее универсальный характер [Аристотель, 2000, с. 90]. При этом он выстраивает структурную иерархию коммуникационных целей: «Речь состоит из 3 элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; оно-то и есть конечная цель всего...» [Аристотель, 2000, с. 99]. Эта позиция позволяет отнести Аристотеля к родоначальникам школы эффективной речи [Прокуровская, 1994, с. 8].

Таким образом, риторика как колыбель филологического знания дает современным гуманитариям образец практикоориентированной науки, базирующейся на принципах эффективной коммуникации и обслуживающей политические, экономические и пр. потребности общества. В этом контексте включение копирайтинга и спичрайтинга в число ведущих технологий ИМК – пример широкого понимания текста как инструмента коммуникации, осознание его «производственных»

возможностей и «точка входа» филологических компетенций в актуальные рыночные процессы.

Интеграция маркетинговых коммуникаций, которая сейчас происходит, позволяет нам говорить о том, что постепенно сформируется общая теория, обслуживающая копирайтинг и спичрайтинг, которая, безусловно, будет базироваться на целом ряде филологических дисциплин. Но в рамках этой общей теории для каждого коммуникационного инструмента маркетинга будет сформулирован свой блок специфических характеристик и рекомендации по написанию.

Литература

- Античные писатели. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/antique/339/%D0%9B%D0%B8%D1%81%D0%B8%D0%B9%D0%AD/%D0%9B%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D1%8B/>
- Аристотель. Риторика // Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб., 2000.
- Бернет Дж., Мориарти С. Маркетинговые коммуникации: интегрированный подход. СПб., 2001.
- Большая советская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/~%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%91%D0%A1%D0%AD/%D0%9B%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D1%8B/>
- Демин Ю.М. Бизнес-PR. М., 2003.
- Землянова Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества. М., 1999.
- Иванова К.А. Копирайтинг: секреты составления рекламных и PR-текстов. СПб., 2006.
- Капунов Д. Копирайтинг массового поражения. СПб., 2012.
- Колесников А.В. Спичрайтеры. М., 2007.
- Кот Д. Копирайтинг: как не съест собаку. Создаем тексты, которые продают. СПб., 2012.
- Кривонос А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. СПб., 2002.
- Кривонос А.Д. Основы спичрайтинга. СПб., 2003.
- Кузнецов П. Копирайтинг и спичрайтинг. Эффективные рекламные и PR-технологии. М., 2012.
- Минаева Л.В. Спичрайтинг (написание речей) как учебная дисциплина // PublicRelations – наука, образование, профессия. СПб., 2002.
- Парабеллум А., Мрочковский Н., Бенко К.и др. Как писать продающие тексты. М., 2012.
- Прокуровская Н.А., Болдырева Г.Ф., Соловей Л.В. Как подготовить ратора. Ижевск, 1994.
- Репьев А. Мудрый рекламодатель. [Электронный ресурс]. URL: http://2248932.ru/images/Books/RepievBook_1.pdf
- Слободянюк Э.П. Настольная книга копирайтера. М., 2008.

**РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ:
СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ МИНИАТЮРА
(ЖАНР МИНИАТЮРЫ В СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)**

Н.В. Малинина

Ключевые слова: разговорная речь, современная русская литература.

Keywords: spoken discourse, very short cycles of text (*miniature*) in contemporary Russian.

В последние годы в русской литературе отмечается интерес к жанру миниатюры: «Ускоряющийся темп жизни, отсутствие времени на чтение, мелькающие на экранах короткие рекламные блоки – все это призывает к созданию малообъемных форм произведения»¹. Литературный термин «миниатюра» был заимствован из живописи и означал выполненную красками маленькую картинку. Специфическими свойствами этого жанра в литературе является малый объем и информационная насыщенность, что определяет присущий миниатюре глубокий смысл и философский подтекст. Реализуя повествование от первого лица, миниатюра «несет в себе особое состояние души» повествователя, его мысли, чувства, ощущения. Как жанр она, в отличие от других форм, имеет особую композиционную структуру, в ней выделяют «глубокое по смыслу заглавие, емкое содержание и заключительную мысль-итог»². Это общее определение может быть уточнено, хотя бы в отношении заключения как элемента модели, которое не всегда имеет выраженную словесную форму, но ориентирует на экспликацию вывода.

«Возрождаемая» миниатюра, отражающая современную действительность, неизбежно оказывается связанной и с особенностями современной русской речи, которая оказывает воздействие на ее поэтику, текстовую структуру, приемы создания образного повествования, обращение к подтексту как форме передачи мыслей, чувств, состояний современного человека, в том числе – к прецедентным явлениям. Последнее обстоятельство особенно значимо как для жанра, так и для литературного произведения вообще. Современная литература постмо-

¹ Лирическая миниатюра.
<http://www.infosite.by/library/61302>

² Там же.

[Электронный

ресурс].

URL:

дерна, при всем различии ее внутренних подразделений, стремится представить взгляд на мир, пропуская его сквозь призму классики.

Анализ любого художественного текста, особенно лингвистический анализ, предполагает многомерный подход к тексту с учетом особенностей жанра, выбор которого уже есть проявление интенциональности, установки на выражение той мысли, для которой содержание текста, по словам Ю.М. Лотмана, становится формой. Эта форма должна представить некоторую целостность, реализующую законченность мысли. Смысловая целостность обеспечивается связностью составляющих текст высказываний. Связность достигается как использованием специальных грамматических средств, организацией предложений, их словопорядком, наличием лексических повторов и т.п., так и самой композиционной структурой текста. Отбор и организация всех этих средств проявляют специфичность стиля автора, избранного им жанра, принадлежность литературному направлению.

Возвращаясь к жанру миниатюры, напомним, что это произведение малой формы концентрирует внимание на образе, событии действительности, которое привлекло особое внимание автора, став предметом обобщающих размышлений. Оно двучастно по своей природе, при том, что вторая, аналитическая часть может быть в большей или меньшей степени выражена непосредственно, чаще – имплицитно.

Одним из родоначальников этого жанра в русской литературе исследователи считают И.С. Тургенева с его циклом стихотворений в прозе. В литературе XX века известны своими циклами миниатюр В.П. Астафьев («Затеси»), А.И. Солженицын («Крохотки»), Ю.В. Бондарев («Мгновения») и некоторые другие. Во всех случаях отмечается существование этих произведений в составе циклов, представляющих собой некоторое целое художественное образование, объединяющее разные «конкретно-тематические» тексты на общую экзистенциальную тему.

Среди современных русских писателей, выступающих со своими циклами миниатюр, отметим, например, Н. Толстую¹, Ю. Алехину², С. Мосову, цикл которой «Игра в классики» («Звезда». 2013. № 2) представляет интерес в нескольких отношениях: как демонстрация характерных особенностей жанра, как яркое проявление литературы

¹ Малинин Н. Культурологические реалии последней четверти XX века (по рассказам Наталии Толстой) // Мир русского слова. 2006. № 1. С. 48-54.

² Анализу миниатюр которой посвящена, например, статья Рогова К.А. Видо-временная структура художественного повествования в исследованиях Ю.С. Маслова // Из прошлого в будущее. Сборник статей и воспоминаний к 100-летию профессора Ю.С. Маслова. СПб., 2013. С. 147-152.

постмодерна и, наконец, как удача безусловно талантливого автора, активно привлекающего потенциал языка повседневного общения.

Заголовок цикла «Игра в классики» имеет, по крайней мере, два прочтения. Так называется детская игра, при которой по расчерченным на тротуаре квадратам перескакивают (перепрыгивают) из одного квадрата – «класса» в другой, что может представлять собой как аналог школы, так и жизни вообще. Во втором значении заголовок относит нас к классикам, то есть к писателям-классикам, авторам классических произведений. Это символическое, интертекстуальное значение, что вообще характерно для литературы постмодерна. Так, замеченные автором кусочки действительности, отраженные в отдельных текстах цикла, в целом складываются в образы жизни.

Заголовки миниатюр «Господин из Сан-Франциско», «Кроткая», «Белые ночи» прямо связывают их с известными произведениями И.А. Бунина и Ф.М. Достоевского. Последняя миниатюра «Четыре пышки¹» являет собой, с одной стороны, контраст классическим произведениям, с другой – заставляет задуматься о соотношении великого, большого (классического) и ежедневного, будничного.

Интертекстуальный фон миниатюр, связанных с их литературными «прототипами», позволяет расширить пространство и время событий до рассказа о целой человеческой жизни. «Господин из Сан-Франциско» – представляет жизнь эмигранта, терзаемого потерями – в покинутой и обретенной жизни; «Кроткая» – уход из жизни матери, страдающей от безжалостного отношения дочери, наконец, «Белые ночи» – это уложившийся в несколько строчек рассказ о целой жизни русской женщины, обездоленной войной и обреченной на одиночество.

Рассмотрим миниатюру «Белые ночи», наиболее концентрированно проявившую черты жанра. В ней присутствует два временных плана: старуха доживает свой век под пристальным вниманием соседей по коммунальной квартире, ожидающих освобождающуюся жилплощадь (драматические реалии советской послевоенной действительности). Второй временной план – своего рода возвращение в прошлое этой женщины. Обе темы уложились в 12 строк. Для описания отобран минимум «говорящих» деталей. Так, для первой темы: где-то жила (старуха), соседи *«просто жили и ждали, когда она умрет и комната освободится, а там уже ремонт, обои, веселье занавесочки...»*. Запас жизненных представлений русского читателя позволяет «сложить» не только описание коммунальной квартиры, но посредством введения

¹ Пышки – поджаренные в масле булочки/кусочки теста, которые продаются в «пышечных», дешевых уличных кафе.

несобственно-прямой речи (*а там уже ремонт, обои, веселые занавесочки...*) пополнить это описание наличием персонажей (соседей).

Вторая тема непосредственно ориентирована на героев Достоевского: старуха когда-то была Настей, а *«быть может, и Настенькой»*, и у нее был свой Мечтатель. Что касается продолжения жизни, то сообщение о ней уложилось в два предложения, выделенных в самостоятельные абзацы: *«И был жених... И была война»*. В памяти современного читателя еще живут события Отечественной войны, которые позволяют ассоциативно создать образ времени, где повтор: *был жених, была война* приобретает значение не грамматического прошедшего, а времени, которое унесло жизни миллионов людей. Таким образом, целый рассказ о жизни русской женщины середины XX века оказывается сложенным с помощью предложений, где номинируются исторические события и неразрывно связанные с ними события жизни отдельного человека (*другие белые ночи, свой Мечтатель, жених и – война*). Ключевая фраза подводит итог: *«Все уже оплачено жизнью на земле»*.

Итак, текст продемонстрировал, что культурная память современного человека (Достоевский) и историческая память (Вторая мировая война), равно как и представления о русском быте XX века (коммунальные квартиры), позволили автору только номинировать основные события, а читателю на этом основании восстановить тот мир, в котором оказались русские люди XX века.

С большим интертекстуальным наполнением автор создает миниатюру «Господин из Сан-Франциско». Если «Белые ночи», будучи достаточно широким понятием, могут и не сразу вызвать ассоциации с произведением Достоевского, то «Господин из Сан-Франциско» непосредственно отсылает к рассказу Бунина, заставляя вспомнить его основную мысль, который сводится к осознанию бренности человеческого существования, понимание того, сколь суетна жизнь, сколь тщетны мечты о возможности «другой жизни».

Если в предыдущей миниатюре автор строит повествование в двух временных планах, то в этой – в двух пространственных измерениях: жизнь русского эмигранта протекает в его бесконечных перемещениях *«Раз в год некий господин из Сан-Франциско откладывал свои дела, покупал билет, садился в самолет и прилетал в родной город...»*. Однако возвращение не приносит радости, сознание теснят воспоминания: *«Этот город предал его, предали друзья, разлюбили любимые»*, обнаруживается, что прошлое вообще ушло: *«и не было даже улицы»*,

где он жил когда-то, и не было дома – ничего не было!...»¹. Отъезд должен быть счастливым: «А в Сан-Франциско все было – семья (и не одна!), дом, дело». Но каждый год он приезжает снова: «...ностальгия? Ах, оставьте эти глупости. Никакой ностальгии не было». И все-таки ближе города, предавшего его когда-то, «И друзей, сделавших то же самое <...> у него никого не было».

Эта миниатюра стилистически перемещает читателя в свободный косвенный дискурс (free indirect discourse), где аналогом говорящего является персонаж². Прием перемещения личности говорящего с автора на самого персонажа позволяет отразить внутреннее состояние человека, оно толкуется не со стороны, а изнутри. Лексика с негативной семантикой становится главным способом выражения раздвоенности сознания русского человека в эмиграции, а может быть, вообще русского человека начала XXI века.

На фоне этих двух (и некоторых других) миниатюр цикла особое значение, как указывалось выше, приобретает миниатюра «Четыре пышки». Она носит характер зарисовки увиденного рассказчицей бытового эпизода. Место действия – дешевый буфет, пышечная. Здесь нет никаких деталей описания, которое ассоциативно представимо благодаря поведению персонажей. Главным из них является человек, которому не хватило денег для покупки второй пышки. Он не показан портретно, но его образ оказывается легко представимым с помощью комментария к описываемой ситуации рассказчицы: «Нет, ну у каждого из нас может не оказаться с собой денег, правда? То есть с собой нет, а там, дома, где-нибудь есть. Но почему-то было ясно, что там, дома, у него тоже нет». Благодаря этому комментарию читатель восстанавливает образ если не бомжа, то близкого к нему человека. Такое представление подтверждает поведение буфетчицы, не скрывающей своего отношения к посетителю: «Буфетчица закатила глаза – с раздражением так закатила, как бы показывая, что нервы ее на пределе (а может, и правда были на пределе), и, цапнув пышку, швырнула ее назад».

Таким образом, миниатюра демонстрирует возможность представления жизненной ситуации и ее участников, не прибегая к описанию, а лишь называя компоненты ситуации и вводя короткие штрихи, рисующие поведение персонажей и самого рассказчика.

¹ Приведенная фраза звучит почти по-Хармсовски: абсурд ездить туда, где ничего уже нет.

² О свободном косвенном дискурсе см. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996. С. 206.

Собственно повествовательный сюжет этой миниатюры представлен развивающимися действиями: буфетчица, наблюдая за реакцией женщины, стоявшей за героем и пытавшейся предложить ему денег, которые он не берет, кладет ей на тарелку четвертую, неоплаченную пышку, полагая, что она сможет отдать ее этому человеку. Дальнейшие события представляются в форме диалогов

а) между женщиной и буфетчицей:

«- Но здесь же четыре!

- Три, - спокойно сказала буфетчица.

Она посмотрела на пышки: раз, два, три, четыре...

- Четыре! - возмущилась она.

Но буфетчица ответила:

- Это считается три.

И вдруг заорала:

- Все! дальше! очередь!..».

б) между женщиной и (условно) гражданином:

«И что-то сказала ей, что для успеха нужно не ласково и не жалостно, а именно грубо, на манер буфетчицы, подойти к мужчине и заорать:

- Вот! Пышка! Это не моя пышка! Четвертая! Я три заказывала! Она дала четыре! Это ваша! Вам! И отстаньте от меня!».

Таким образом, повествование создается сменяющимися диалогами, непосредственно представляющими разговорную речь, включенную в ситуацию и в силу этого состоящую из неполных предложений, несущих только актуальную информацию. Нервное состояние персонажей выражается в характере их разговора: *и вдруг заорала и нужно <...> грубо, на манер буфетчицы, подойти к мужчине и заорать*. Парадокс как раз и состоит в невозможности выразить чувство сострадания ласково, с жалостью как унижающее человека. В качестве знака понимания этого выступает завершающий диалог между буфетчицей и женщиной:

«- Спасибо, - сказала она, оглянувшись, буфетчице.

- Заходи, - ответила та».

Текст, таким образом, включает не только формы устного повседневного общения в современном городе, но и отражает своего рода этику речевого поведения, ищущего непонятные внешнему взгляду формы сострадательного и при этом уважительного отношения к человеку. Очевидна включенность данной миниатюры в общий характер не только цикла, но и в глобальном плане – в общие тенденции русской литературы, размышляющей о непростых человеческих судьбах и отношениях.

Возвращаясь к основному вопросу нашей статьи, отметим, что в языке рассмотренных текстов в жанре миниатюры отражены главные черты устной речи повседневного общения: она включена в ситуацию общения, что определяет неполноту / эллиптичность средств ее выражения. Она включает специфическую лексику, отмечаемую в словарях с пометой *разг.*, а также синтаксические конструкции, предполагающие включение жеста (*раз, два, три, четыре...*), прямых обращений к адресату (*правда?*), комментирующие высказывания (*а может, и правда были на пределе*) и др. Здесь несомненна так называемая устная «перекодировка» письменного текста, которая вообще характерна для художественной литературы¹, а в настоящее время становится особенно актуальной.

При этом следует подчеркнуть, что в составе художественного текста свойства устной речи по своей роли не равны исходной: если включение ситуации в разговорную речь восполняет ее смысл, то в составе художественной речи процесс прямо противоположен: вербальная неполнота высказывания направлена на «сотворчество» читателя, заставляя его воссоздавать ситуацию. Разные формы речи персонажа направлены не столько на сообщение информации, сколько на представление его внутреннего мира, а также на создание картины мира, в котором он существует. Именно поэтому разные формы речи не разрушают целостности текста, интегрируясь в решении поставленной автором задачи. Многообразие средств передачи не только фактуальной информации, но и концептуальной определяет редукцию второй, оценочно-мировоззренческой части в структуре жанра миниатюры, часто сводя ее к одной выводной фразе.

Литература

Гаспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект // Семантика номинации и семиотика устной речи. Тарту, 1978.

Лирическая миниатюра. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infosite.by/library/61302>

Малинин Н. Культурологические реалии последней четверти XX века (по рассказам Натальи Толстой) // Мир русского слова. 2006. № 1.

Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.

Рогова К.А. Видо-временная структура художественного повествования в исследованиях Ю.С. Маслова // Из прошлого в будущее. Сборник статей и воспоминаний к 100-летию профессора Ю.С. Маслова. СПб., 2013.

¹ См. об этом Гаспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект // Семантика номинации и семиотика устной речи. Тарту, 1978. С. 108.

**ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖА ВО ВНУТРЕННЕМ МИРЕ
ТЕКСТА: ПРОБЛЕМА ВАРЬИРОВАНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДОВ РАССКАЗА
В.М. ШУКШИНА «ОДНИ»)**

Е.В. Демидова

Ключевые слова: «человек говорящий», В.М. Шукшин, внутренний мир художественного текста, английский язык, варьирование, перевод.

Keywords: «the speaking person», V.M. Shukshin, inner world of the text, the English language, variation, translation.

Цель данной работы – показать активную роль «человека переводящего» в конструировании внутреннего мира текста при переводе.

Проблема варьирования внутреннего мира художественного текста решается в контексте фундаментальной филологической проблемы *Homo Loquens* как исходной реальности и объекта филологии (НЛ есть обозначение двуединства Человека Говорящего / Человека Слушающего, Человека Пишущего / Человека Читающего и т.д.) [Кощей, 2006]. Исследование «человека говорящего» и его ипостасей как объекта филологии корнями уходит в ее историю: еще в античности человек рассматривался Аристотелем в двух ипостасях – оратора и аудитории. Антропоцентрический поворот в науке о языке проистекает из трудов В. Гумбольдта: «Человек является человеком лишь благодаря речи, но чтобы придумать речь, он должен был быть уже человеком» [Гумбольдт, 1984, с. 207].

Одной из важнейших характеристик *Homo loquens* («человека говорящего») является «стремление к пониманию «чужих» смыслов и сокрытию «своих», к коммуникативному сотрудничеству с себе подобными» [Чувакин, 2002, с. 13].

В коммуникации текст обретает «новую жизнь» [Дридзе, 1984, с. 50]. Текст всегда «многолик», особенно текст художественный. В создании переводного художественного текста участвуют два *Homo loquens* – автор и переводчик. Переводчик, являясь синкретичной фигурой, привносит свои смыслы. В процессе «бытования» текста перевода в мире текстов участвуют уже три фигуры *Homo loquens* – автор, переводчик и читатель.

Наша гипотеза: «человек говорящий» меняет конструкцию внутреннего мира текста. Под внутренним миром текста мы понимаем художественную реальность в ее текстовом воплощении, то есть индивидуальное, творческое переосмысление действительности (явлений, объектов, отношений, событий), воссозданную автором средствами языка и «вычитыва-

ему» из текста воспринимающими субъектами. Внутренний мир текста включает в себя следующие компоненты: обозначения событий, ситуаций, пространственно-временных отношений, персонажей, «вещей». Каждый компонент имеет эстетическое значение и выполняет функцию коммуникативно-эстетического сигнала – он «пропитан» авторским отношением и мировидением (духовный мир, ценности, мировоззренческие установки, психологические особенности).

В тексте мы имеем дело с номинациями компонентов художественной реальности, созданными разноуровневыми средствами и текстовыми единицами (заглавие, абзацная структура, разделы и т.д.).

Существуют следующие характеристики персонажа: имя, социальный статус, внешность, черты характера, мысли, чувства, цели, желания, установки и др. Мы полагаем, что эти категории особенно подвержены варьированию при переводе, поскольку больше других определяются «авторским» внутренним миром и воплощают личностное отношение «человека говорящего» (автора/переводчика/читателя).

Мы рассмотрим данную проблему на примере персонажной характеристики «семейное положение» и черт характера персонажа, связанных с этой характеристикой, на материале текста рассказа В.М. Шукшина «Одни» [Шукшин, 2005] и двух его англоязычных переводов. Один «*All by Themselves*» [Shukshin, 1996] выполнен американским переводчиком Д. Гивенсом в 1996 году, другой «*All Alone*» [Shukshin, 1990] – британской переводчицей Х. Смит в 1990 году.

В центре рассказа – история семьи Калачиковых: шорника Антипа и Марфы. Их брак несчастливый, больше похож на войну. Фрагмент «первичной» художественной реальности, воспроизведенной Шукшиным, по нашему мнению, таков: супруг Калачиков ценит душевность в отношениях. Супруги могли бы прожить мирно, без ругани, в любви и согласии. Но для Марфы важнее деньги, финансовое благополучие, в стремлении к которому прошла вся их жизнь. Следовательно, Шукшиным заданы две плоскости реальности: счастливый брак = душевный союз/ несчастливый брак = брак, цель которого – добывание как можно большего количества денег. Результат несчастливого брака – постоянная «война». Авторский смысл брак = война подтверждается следующими фрагментами:

1) *Она всю жизнь воевала с Антиповой балалайкой* [Шукшин, 2005, с. 59].

брит. *She had been doing battle with Antip's balalaika all her life* [Shukshin, 1990, p. 35]. («вела битву»).

амер. *All her life she'd waged war with Antip's balalaika* («вела войну») [Shukshin, 1996, p. 113].

2) *В минуты хорошего настроения, когда в доме устанавливался относительный мир, Антип ласково говорил жене <...>* [Шукшин, 2005, с. 59].

брит. *In those moments when a good mood came over him and relative peace descended upon his household, Antip would say affectionately to his wife* [Shukshin, 1990, p. 34].

амер. *In those moments when he was in a good mood and when a relative peace had fallen over the house, Antip would say to his wife tenderly* [Shukshin, 1996, p. 112], («относительный мир»).

В данном случае оба англоязычных переводчика сохраняют компоненты «военное отношение» жены к мужу и «постоянная война дома».

С характеристикой «брак» у Шукшина связана основная черта характера персонажа – душевность. Душа – это тоже персонажная категория, ее можно даже считать самостоятельным персонажем. Приведем примеры из других рассказов, поскольку текстовая совокупность формирует общий «мир шукшинского текста».

1) - *У тебя болит, што ль, чего?* - *Душа. Немного. Жаль... не нажился. Не устал. Не готов, так сказать* («Земляки»).

2) *в душе распускалась тихая радость* («Алеша Бесконвойный»).

3) - *Да охота одну штуку понять, язви ее. Что-то на душе у меня...* («Думы»).

4) *Куда человеку деваться с растревоженной душой? Ведь она же болит, душа-то. Зубы заболят ночью, и то мы сломя голову бежим в эти, в круглосуточные, где их рвут. А с душой куда? Где тебя послушают, почувствуют?* («Ночью в бойлерной»).

5) *Но у человека есть также - душа. Вот она - здесь, - болит! - Максим показывал на грудь. - Я же не выдумываю! Я элементарно чувствую - болит). Максим ясно понимал: никогда он не объяснит, что с ним происходит, никогда жена Люда не поймет его. Никогда! Распори он ножом свою грудь, вынь и покажи в ладонях душу, она скажет – требуха («Верую!»).*

6) *Если бы однажды вот так - в такой тишине - перешагнуть незаметно эту проклятую черту... И оставить бы здесь все боли и все желания, и шагать, шагать по горячей дороге, шагать и шагать - бесконечно. Может, мы так и делаем? Возможно, что я где-то когда-то уже перешагнул в тишине эту черту - не заметил - и теперь вовсе не я. А моя душа вышагивает по дороге на двух ногах. И болит. Но почему же тогда болит?* («Приезжий»).

Ощущение боли в душе – привычная для шукшинского персонажа ситуация.

Приведем фрагмент текста рассказа «Одни», в котором автор называет черту характера персонажа, связанную с «наличием души»: «душевная чуткость» Антипа Калачикова:

Антип уважал в людях душевную чуткость и доброту [Шукшин, 2005, с. 59].

Качество «душевная чуткость» шукшинского персонажа – это не просто восприимчивость, он «все принимает близко к сердцу», «пропускает через себя», и это причиняет ему душевную боль. «Душевность» – главная ценность в человеке, особенно в жене для Калачикова.

Приведем англоязычные переводы.

брит. *Antip Kalachikov respected most in people were sensitivity and kindness* [Shukshin, 1990, p. 34], («восприимчивость»). Переводчица Х. Смит «опускает» компонент «душевность», поэтому Антип становится «просто открытым миру», «открытым для всего».

амер. *Antip Kalachikov respected heartfelt sensitivity and kindness in people* («сердечная чувствительность») [Shukshin, 1996, p. 112]. Здесь Д. Гивенс сохраняет компонент «переживание сердцем», однако заменяет «душу» на «сердце». Во внутреннем мире Шукшина «сердце» и «душа» – две разные категории.

Следовательно, в переводных «текстовых мирах» нет жесткой оппозиции «душевный» / «недушевный», есть просто «злая жена», которая «воюет» с мужем.

Антип прямо заявляет о своей душе, как «живой» характеристике человека: «А у меня тоже душа есть. Ей тоже попрыгать, побаловаться охота душе-то» [Шукшин, 2005, с. 59].

брит. *And all of us have got a soul. Sometimes, my soul needs to play around just like everybody else's* [Shukshin, 1990, p. 34] («И у всех нас есть душа. Иногда моей душе нужно поиграть как любой другой»). Переводчик Х. Смит «универсализирует» ситуацию: «душа есть у всех».

амер. *But I've got a soul, too. My soul also wants to kick up its heels and have a little fun, it does* [Shukshin, 1996, p. 112] («Но у меня тоже есть душа. Моя душа также хочет поднять свои пятки и немного развлечься, да»). Речь как будто идет о человеке, а не о его характеристике.

Марфа противопоставлена мужу: «Плевать мне на твою душу!» [Шукшин, 2005, с. 59].

брит. «*I don't give a tinker's dam about that soul of yours*». [Shukshin, 1990, p. 34] («Мне нет дела до твоей души»).

амер. «*I don't give a darn about your soul*» [Shukshin, 1996, p. 112] («Мне нет дела до твоей души»). В обоих случаях используются английские фразеологические обороты.

Марфа у Шукшина «*бестолковенькая*», так ее ласково называет муж. Это означает, что она не понимает «душевность». Толк для Шукшина – это душа, ее боль.

В британском варианте: «*you're about as useless as they come*» («со всем бесполезная»). Переводчик понимает персонажную характеристику так: «нет толка от нее, пользы».

В американском варианте: «*a bit slow on the uptake*» («долго думающая, тугодум»).

Англоязычные переводчики не осознают «внутреннего смысла» текста, поэтому не могут адекватно передать черту характера Марфы.

Антип говорит жене: «*надсадишь сердечушко свое и помрешь*» [Шукшин, 2005, с. 59]. Он имеет в виду «ты слишком строгая, злая».

брит. «*you'll get a heart attack and die*» [Shukshin, 1990, p. 34] («ты получишь сердечный приступ и умрешь»).

амер. *You'll put too much strain on that little heart of yours and up and die one of these days* [Shukshin, 1996, p. 112] («Ты лишком напрягаешь свое маленькое сердце»).

Еще одна характеристика персонажа, связанная с душевностью Антипа, – это его запах. Мир Антипа «одухотворен», поэтому все, что имеет отношение к персонажу, одухотворено тоже и «оживает».

В доме Калачиковых жил неистребимый крепкий запах выделанной кожи, вара и дегтя [Шукшин, 2005, с. 59].

The Kalachikovs' home reeked of the ineradicable, pungent smells of leather, pitch, and tar. [Shukshin, 1990, p. 34] («Дом Калачикова **сильно пропах** неискоренимым, острым запахом кожи и смолы»).

The ineradicable, strong odor of dressed leather, pitch, and tar permeated the Kalachikov's house. [Shukshin, 1996, p. 112] («Неискоренимый, сильный запах одетой кожи, подачи и смолы **проник** в дом Калачикова»).

Как видно из примеров, в переводе отсутствует смысл «живой запах».

Рассмотрим ключевую фразу текста оригинала, принадлежащую Антипу Калачикову. Он говорит жене: «*Мы могли бы с тобой знаешь как прожить! Душа в душу. Но тебя замучили окаянные деньги. Не сердись, конечно*» [Шукшин, 2005, с. 60].

Фразу Антипа «*Душа в душу*» Д. Гивенс перевел так: «*Like two bugs in a rug*» [Shukshin, 1996, с. 117]. В английском языке нет такой фразеологической единицы, зато есть близкое по смыслу выражение «*as snug as a bug in a rug*», которое означает «комфортный, удобный». Рассмотрим лексическое наполнение английской фразы, которую использовал Гивенс. Лексема «*bug*» с XVII века обозначает «личинку», «насекомое», «жука», «клопа». «*Rug*» – это «ковер» или «плед». Исходя из это-

го, переведем фразу текста «как два клопа в пледе». Таким образом, прожить бы Антип с Марфой могли «удобно», «комфортно».

Д. Гивенс создает свою вторичную коммуникативную реальность: удачный брак Антипа и Марфы = «удобный брак», то есть когда тепло и уютно вместе / неудачный брак = «неудобный, холодный, неуютный брак».

Фигура «человека говорящего» меняет смысл текста, его реальность, привносит другие реальности в мир текстов. Смысл из глубоко философского («жить надо не только ради детей и не только с целью нажать добро, но жить надо для себя, друг для друга и для души») превращается в «приземленный» – «жить надо удобно».

Другой переводчик, Х. Смит, дает следующий вариант перевода фразы «*Душа в душу*» – «*We could have been the best of friends*» («Мы могли бы быть лучшими из друзей») [Shukshin, 1990, с. 44]. Для Х. Смита «прожить хорошо с супругом (-ой)» – значит «быть лучшими друзьями». Плохой брак, соответственно – это «супруги-враги».

Снова сочетание, которое предлагает вторичный «человек говорящий», меняет смысл текста, не отражая «душевности» союза, к которому стремится Антип. Думается, что в шукшинском понимании, «друзья» и «супруги» разведены по разным категориальным единицам. Более того, что в филологическом контексте шукшинского творчества данные категории антагонистичны: «друзья» мужа – это зачастую его собутыльники, которых жена ненавидит.

В тексты переводов привносится личностное понимание переводчиком характеристики персонажа «брак», «удачный брак». Для одного – это «удобный союз», для другого – «супруги-друзья».

Таким образом, при переводе происходит варьирование характеристик персонажа: вместо «душевной чуткости», персонаж становится просто «открытым», «запах, живущий дома» может восприниматься только как физический компонент, не «оживленный» авторским отношением к персонажу, «надсаженное злобой сердце жены» как «возможный сердечный приступ», «бестолковенькая Марфа» как «беспольная жена» или «жена-тугодум» и т.д. Переводчик, порождая новые смыслы, конструирует свою вторичную коммуникативную реальность, в которой появляются свои характеристики персонажа заданные «лингвистической оболочкой» текста. Рассмотренные тексты, находясь в одном коммуникативном пространстве, в общем мире текстов, «живут», взаимодействуют и выступают импульсами для ответного понимания другими «людьми говорящими», то есть для формирования новых и новых вторичных реальностей.

Литература

- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Кощей Л.А., Чувакин А.А. Номо Лоquenс как исходная реальность и объект филологии: к постановке проблемы // Филология и человек. 2006. № 1.
- Чувакин А.А. Творчество В.М. Шукшина в исследованиях филологов Алтайского государственного университета (1989-99 гг.) // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1.
- Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Русская словесность: Антология. М., 1997.
- Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984.
- Шукшин В.М. Одни // Шукшин В.М. Миль пардон, мадам! М., 2005.
- Shukshin V. Stories from a Siberian village. De Kalb, 1996.
- Shukshin V. Short stories. M., 1990.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-СТИЛЕВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭПИТЕТОВ В ПРОЗЕ Л. ТОЛСТОГО ПОЗДНЕГО ПЕРИОДА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ЧЕМ ЛЮДИ ЖИВЫ»)

М.Б. Волощук

Ключевые слова: Л. Толстой, определение, определяемое, описание, текстология, эпитет.

Keywords: L. Tolstoy, defining, defined, description, textual study, epithet.

В исследовании поэтики Л. Толстого позднего периода значим анализ вариантов слова, моделирующего персонаж. В трудах текстологического характера признается особый статус эпитетов-определений Л. Толстого и раскрывается специфика их функционирования.

Внимание толстоведов привлекают эпитеты Л. Толстого в повестях и романе «Воскресение». Л. Опульская акцентирует внимание на выборе писателем эпитетов, функционирующих в окончательной редакции повести. Так, эпитет «*обрюзгий*» в окончательном варианте повести «Холстомер», способствует сатирическому изображению Серпуховского [Опульская, 1961, с. 263]; троекратный повтор эпитета «*дорогой*» (он «обычно заменяет все бывшие ранее эпитеты») – привносит социально обличительный смысл [Опульская, 1961, с. 265]. О важности эпитетов в презентации идеи автора говорит факт исключения цен-

зурой толстовских эпитетов в изображении персонажей. Н.К. Гудзий, комментируя цензурные исправления в романе, отметил утрату таких эпитетов, как *«тифозный»*, *«запрещенную»*, *«женолюбивый»*, *«как-то особенно приветливо»* [Гудзий, 1964, с. 547–548]. По мысли Н. Гудзиев, в подготовке к публикации романа «Воскресение» вычеркивается «все, что рисует в невыгодном свете старика-священника, приводящего присяжных к присяге» [Гудзий, 1964, с. 548]. Факт упразднения эпитетов может свидетельствовать о высокой концентрации идейного содержания, которое воплощается в эпитетах-определениях Л. Толстого.

В толстоведческих работах предлагается опыт осмысления эстетической ценности эпитетов, значимости их смысловых оттенков в толстовском изображении. Так, в сопоставлении вариантов № 2, 3, 4 повести «Хаджи Мурат» Л. Мышковская, выделив определения, характерные для толстовского словаря (*«тяжело дышавшего, посеревшего от пота белого коня»*), приходит к выводу о направлении поиска писателем смысловых оттенков художественного слова – «прежде всего простого, народного ... затем точного, обязательно указывающего какое-либо реальное конкретно-жизненное свойство» [Мышковская, 1958, с. 315]. Л. Мышковская подчеркивает важность изучения смысловых оттенков эпитетов Л. Толстого как приоритетных в создании образов-персонажей.

Как пример «радикального сдвига» в рукописях писателя А. Гродецкая приводит начальную фразу первого автографа романа «Воскресение»: «Это б<ыло> [весной] [ранней весной] [**поздней осенью**] весной, ранней весной **в страстную пятницу**» [Толстой, 1935, с. 3]. А. Гродецкая обратила внимание на характерный для толстовской поэтики прием контраста и использование в нем эпитетов, выявив механизм этого приема и художественный эффект, возникающий при этом: писатель «как будто испытывает тот или иной художественный эффект в его крайних, пограничных возможностях», благодаря контрастности изображения «между полюсами не может не возникнуть силового поля» [Гродецкая, 2012, с. 353].

Несмотря на плодотворность изучения стиля Толстого, отсутствует системный анализ эпитетов в черновых вариантах и окончательной редакции литературно-художественных произведений писателя позднего периода.

Цель статьи – исследование динамической поэтики Л. Толстого, в частности, специфики эпитетных структур, их роли в моделировании образа-персонажа и в развитии сюжета в черновых вариантах и окончательной редакции рассказа Л. Толстого «Чем люди живы».

Роль эпитета-определения в художественном изображении представляет для Л. Толстого живой интерес. Известны высказывания писателя о важности эпитета как значимой составляющей истинно художественного произведения (см.: [Сергеенко, 1939, с. 551–552]), о функции эпитета в создании поэтического образа (эпитет «должен рисовать предмет, давать образ») [Булгаков, 1957, с. 172] и т.д.

Определения и определяемые в составе эпитетных структур обогащаются смысловыми оттенками, привносятся определенные нюансы и в развитие сюжета, и в разработку персонажа.

В черновых вариантах рассказа «Чем люди живы» фиксируются динамичные трансформации и изменения порядка следования событий в сюжете. Так, предыстория о наказании ангела Богом присутствует в начале действия в вариантах № 1–6. Подробное описание ангела-человека¹ в вариантах № 1–8 и в окончательной редакции рассказа передоверено другому персонажу². В вариантах № 1, 3, 4, 5 описание образа ангела-человека следует после предыстории о его наказании и «бытового» описания сапожника и его жены в вариантах № 6–8.

В окончательной редакции рассказа изображение ангела-человека параллельно описанию сапожника и его жены. Эпитеты-определения в обрисовке ангела-человека подчеркивают особенности его визуального восприятия другими персонажами: «*голый*», «*голышом*», «*какого-то бродягу голого*», «*какого-то голого*» [Толстой, 1937, с. 8, 12]. Цветообозначения в обрисовке ангела-человека в экспозиции рассказа имеют аллюзивный характер (содержат намек на происхождение «*лихого*» и «*голого человека*»): «*что-то белеется*», «*да бело что-то*» [Толстой, 1937, с. 8].

Изменения сюжетных особенностей в черновых вариантах оказывают влияние на специфику эпитетных структур. Например, в вариантах № 1, 3, 4, 5, 6 функционируют эпитетные структуры с оттенком возвышенного стиля «*человѣкъ весь нагой*», «*человѣкъ нагой*» [Толстой, 1937, с. 545, 547, 551]. Книжность и возвышенность в описании персонажа привносит определение «*нагой*». Вероятно, предыстория о наказании ангела и стиль ее изложения оказывает влияние на стиль Толстого, на его эпитеты-определения.

В черновых вариантах № 3–8 параллельно с этими эпитетными

¹ В черновом варианте № 4 и в окончательной редакции в сюжет рассказа вводится имя ангела – Михаил.

² В черновых вариантах № 1–4 фигурирует «муж», собравшийся «въ морѣ за рыбой», в вариантах № 5–8 и в окончательной редакции рассказа в повествование вместо указания «муж» вводится скупулезное описание «сапожника» с обилием бытовых нюансов в изображении.

структурами в описание персонажа включаются элементы разговорно-просторечного стиля. Например, составной эпитет со сравнительным значением «*как мать родила*» («*сидитъ человѣкъ какъ мать родила*», вариант № 3), а также эпитет-определение «*голый*», который функционирует в экономайной формуле, тяготеющей по форме высказывания к пословицам и поговоркам – «*Голодный поле перейдетъ, а голый из печи не выльзетъ*» (вариант № 5) [Толстой, 1937, с. 547, 552]. Характеристика «*как мать родила*», благодаря введению в описание просторечного стиля, приравнивает ангела-человека к людям и в последующих вариантах рассказа заменяется другим, семантически сходным определением «*голый*». Анафорическая аллитерация в эпитетах «*ГОЛодный*», «*ГОЛый*» служит скрепой, укрепляющей связь этих определений на звуковом уровне, усиливая суггестивность художественного изображения. Активное участие глагольных характеристик «*поле перейдетъ*», «*из печи не выльзетъ*» и отсутствие определяемых усиливает нарицательное значение определений, народный тон, дидактизм и поучительность в изображении. При этом такая форма описания не принимается в вариантах № 6, 8 и в окончательной редакции рассказа. В варианте № 6 присутствует эпитетная структура «*человѣкъ голый*», в варианте № 8 определение «*голый*» функционирует параллельно с эпитетной структурой «*лихѣ люди*» в обрисовке ангела и сапожника. В окончательной редакции художественно-стилевые парадигмы «*нагой*» – «*голый*» активно участвуют в кульминационной части рассказа. В речи сапожника и его жены функционирует определение «*голый*» [Толстой, 1937, с. 13]; в речи ангела присутствуют определения возвышенного стиля «*нагой*», «*смертное лицо человеческое*», «*мертвый дух шел у нее из рта*», «*смирада смерти*» и др. [Толстой, 1937, с. 13, 23, 24]. Вместе с тем, в кульминации окончательной редакции рассказа четко разграничены определения по стиливому критерию: в речи сапожника и его жены присутствуют определения с оттенком разговорного стиля, в речи ангела – определения и определяемые, которые, благодаря смысловым оттенкам, ассоциативно соотносятся с высоким стилем. Сочетание определяемых «*дух*», «*смирада*» с определениями «*мертвый*» (отвлеченным эпитетом «*смерти*») создают контрастность в толстовском стиле.

Противоречивость и контрастность в обрисовке образа-персонажа создаются благодаря сочетанию двух определений с разными смысловыми оттенками при одном определяемом. Например, поэтические элементы в обрисовке ангела-человека в вариантах № 5, 8 контрастны таким определениям, как «*лихой*», «*добрый*»: «*Или лихой или добрый человѣкъ*», «*лихой человѣкъ*» (вариант № 5), «*Уж не лихой ли че-*

ловѣкъ» (вариант № 8) [Толстой, 1937, с. 552, 556]. Эпитет «*лихой*» в народных песнях сочетается с определениями, сходными по семантике («*лиха, не ласковая*»), характеризует взаимоотношения невестки/свекрови и, кроме того, используется для «внутренней характеристики героя» [Яцунок, 1980, с. 50]. Полносность в описании ангела-человека присутствует в амбивалетном сочетании двух определений «*лихой*», «*добрый*» при одном определяемом «*человѣкъ*». В рассказе «Чем люди живы», как и в рассказах 1880–1885 годов, которые «ни в коей мере не являлись повествованиями о жизни народа» [Галаган, 1983, с. 285], используется сложный прием поэтизации изображения, далекий от экзистенциального описания. В эпитетной структуре «*лихой или добрый человѣкъ*» подчеркивается эмоционально-психологическое состояние персонажа, воплощенного через народное сознание, которому, по мнению писателя, свойственна контрастность и противоречивость. В записях Л. Толстого акцентируется внимание на обратном смысле, который создается, когда «эпитет» выражается «первым словом» [Толстой, 1952, с. 352]. В окончательной редакции рассказа полносность в толстовской обрисовке ангела-человека возникает в речи жены и сапожника путем сочетания определений, которые по смысловому оттенку антонимичны: «*живой ли, мертвый*»; «*не-добрый человек*», «*Кабы добрый человек, так голый бы не был*», «*человек, видно, хороший*» и др. [Толстой, 1952, с. 8, 11, 14]. В результате столкновений определений с прямо противопоставленными смысловыми оттенками создается контрастность, которая, по мысли писателя, присуща народному сознанию.

Сопоставление черновых вариантов и окончательной редакции рассказа «Чем люди живы» обнаруживают скрупулезную работу писателя в разработке образов-персонажей и сюжета. Трансформация смыслов в эпитетных структурах усиливает эмфатичность толстовского образа. Анализ текстологической рецепции эпитетов позволяет проникнуть в творческую лабораторию писателя, постичь законы художественной целостности, формирующейся благодаря эпитетным структурам.

Литература

- Булгаков В.Б. Л.Н. Толстой в последний год его жизни: Дневник секретаря Л.Н. Толстого. М., 1957.
- Галаган Г.Я. Поздний Толстой // История русской литературы: В 4-х тт. Л., 1983. Т. 4.
- Гродецкая А.Г. «Совершенно исключительные трудности» (о текстологии «Воскресения») // Яснополянский сборник: 2012. Тула, 2012.

- Гудзий Н.К. Текстологические пояснения // Толстой Л.Н. Воскресение. М., 1964.
- Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М., 1963.
- Мышковская Л.М. Мастерство Л.Н. Толстого. М., 1958.
- Опудская Л.Д. Вступительная статья: Творческая история повести «Холстомер» // Лев Толстой: В 2-х кн. М., 1961. Кн. 1.
- Сергеенко П.А. Записи // Л.Н. Толстой. М., 1939. Кн. II.
- Толстой Л.Н. Собр. соч. в 90 тт. М., 1935–1958.
- Яцунок Е.И. Эпитет в хороводных песнях // Эпитет в русском народном творчестве. М., 1980. Вып. 4.

**СТИХОТВОРЕНИЕ И. БУНИНА «НЕ ПУГАЙ МЕНЯ ГРОЗОЮ»
В ПЕРЕВОДЕ АБАЯ КУНАНБАЕВА:
ПРОБЛЕМА РЕЦЕПЦИИ И ИСТОЧНИКА ПЕРЕВОДА**

А.М. Есентемирова

Ключевые слова: М. Лермонтов, И. Бунин, Абай, рецепция, художественный перевод.

Keywords: M. Lermontov, I. Bunin, Abay, reception, literary translation.

Абай (Ибрагим) КУНАНБАЕВ (29 июля (10 августа) 1845 – 23 июня (6 июля) 1904) – поэт, мыслитель, основоположник казахской литературы, просветитель. Абай¹ – переводчик А. Пушкина, М. Лермонтова, И. Крылова, через переводы М. Лермонтова – Ф. Шиллера, Дж.Г. Байрона, И.В. Гете. Наиболее заметное место среди переводов Абаем русской литературы занимают переводы М. Лермонтова. Абай стал переводить произведения Лермонтова с 1880-го года. З. Ахметов писал: «Перевадам Абая свойственны непринужденность, легкость и плавность стиха, не стесненного рамками лермонтовского образца» [Ахметов, 1954, с. 53].

Длительное время с Лермонтовым связывались некоторые переводы Абаем других русских поэтов XIX века. Так, переводом Лермонтова считалось стихотворение Абая «Мен көрдім ұзын қайың құлаганын» (дословно «Я видел, как упала длинная береза») (1898) [Абай, 2005а, с. 28], вошедшее во многие антологии по изданию 1909

¹ По казахской традиции видных представителей культуры, признанных писателей, героев народ называет по именам. Традиция именования по фамилии восходит ко времени вхождения в состав Российской империи.

года и рукописи Мурсеита, племянника Кунанбаева и поэта. В двухтомнике 1954 года, на 51 странице 2-го тома, было указано, что это стихотворение Абая является переводом романса «Разбитое сердце» на слова В.А. Крылова, музыку А. Рубинштейна [Абай, 2005б, с. 204]. Ахметов также прояснил этот вопрос в книге «Лермонтов и Абай» [Ахметов, 1954, с. 35-36]. Своеобразие перевода заключается в том, что, в противовес оригиналу (4 строфы, 16 строк), Абай, используя 11-сложник, создал 5 строф, 20 стихов, поменял местами 2-ю и 3-ю строфы, 5-я строфа добавлена от него [Абай, 2005б, с. 204].

Определенное время к переводам Абаем Лермонтова относили стихотворение «Жүректе көп қазына бар, бәрі жақсы» (дословно «У сердца много сокровищ, и все достойные») (1899) [Абай, 2005а, с. 49]. К сожалению, для первых изданий произведений Абая и его рукописей типичным было отсутствие ссылок на оригинал. Отсюда и ошибки установления оригинального текста.

О переводном характере стихотворения Абая «Қорқытпа мені дауылдан» (дословно «Не пугай меня грозою»), напечатанном в сборнике 1909 года среди переводных произведений, писал Каюм Мухамедханов¹ [Мухамедханов, 1950]. Исследователь обратил внимание на сложность и противоречивость решения вопроса об источнике перевода в фокусе двух фактов. Так, в 1933 году решили, что это перевод стихотворения А. Пушкина, в 1940 году – М. Лермонтова. Правильный ответ был дан исследователем Есмагамбетом Исмаиловым в комментариях к изданию произведений Абая 1945 года: «Қорқытпа мені дауылдан» – это творческий перевод стихотворения И.А. Бунина «Не пугай меня грозою». Комментарий перешел во все последующие издания: в однотомник 1948 года, в двухтомник 1954 года.

Мухамедханов идет дальше Исмаилова и ставит вопрос: «Каким источником располагал Абай, переводя стихотворение Бунина?». Исмаилов руководствовался «Собранием сочинений» Бунина, вышедшим в свет через одиннадцать лет после смерти Абая. Мухамедханов находит резонной ссылку на сборник «Листопад», опубликованный за три года до смерти Абая. Важность замечания Мухамедханова значима в связи с уязвимостью комментаторской и исследовательской позиции, когда перевод Абая сопоставляется с каноническим текстом произведения современного ему поэта, не

¹ Интересна судьба Каюма Мухамедханова. В 50-е годы автор диссертации «О литературной школе Абая», Мухамедханов был объявлен «врагом народа» и арестован. Впоследствии реабилитирован. Был директором Музея Абая в Семипалатинске. Упомянутая статья написана, предположительно, во второй половине 1950-х годов XX века.

учитывающего возможности поэтических переработок. Убедительный аргумент исследователя обусловлен приведенными им двумя редакциями стихотворения русского поэта по популярным изданиям [Бунин, 1898, 1901, 1956]¹.

Влияние лермонтовской рецепции на перевод Абаем стихотворения Бунина отмечают и составители примечаний к одному из современных изданий Абая. Так, они пишут: «Текст произведения «Қорқытпа мені дауылдан» (1983) представлен в сравнении с последними изданиями по сборнику 1909 года и рукописям Мурсеита. Это вольный перевод стихотворения И.А. Бунина «Не пугай меня грозою». Долгое время неизвестно было, переводом какого текста является. В рукописях было указано, что с русского языка, в оригинале об авторе не говорилось. Поэтому были разные ошибочные предположения. К примеру, в сборнике 1933 года было указано, что это перевод Пушкина, но не доказано, какого произведения. А в издании 1940 года ссылались на Лермонтова» [Абай, 2005а, с. 265].

Проблеме неслучайного восприятия перевода бунинского стихотворения как перевода Лермонтова посвящена статья казахстанских исследователей Е.З. Адильгазинова, А.А. Джилкибаевой [Адильгазинов, Джилкибаева, 2011]. Свообразие переводческой стратегии Абая исследователи усматривают в сохранении параллелизма как определяющего принципа в построении материала, особенность пейзажа – в пространственной организации: «величие мира, природы реализуется в противопоставлении «верх – низ», «лазурь – цветы». Авторы статьи обратили внимание и на отличие перевода от оригинала. Поднимая вопрос о лермонтовской рецепции и ее влиянии на перевод Абаем стихотворения «Не пугай меня грозою», важно определить исходные позиции анализа стихотворения Бунина на фоне неоднозначного отношения писателя к символизму и специфики его ранней поэзии. Внимание к надсоновскому и фетовскому началам в ранней лирике Бунина, раздражавшее поэта восприятие его как представителя «парнасского символизма» не приняты до сих пор в достаточной мере упомянутыми исследователями, хотя и оправданы обозначенными ими задачами исследования в локальном разрезе интересующих их задач. Стремлением восполнить такую лауну и обосновать новый взгляд на переводческую стратегию Абая в контексте лермонтовской рецепции вызвана настоящая статья.

Обоснованное С. Бройтманом и Д. Магомедовой понятие неявного символизма как стилистической стратегии И. Бунина,

¹ Ссылка на данные издания Бунина приводится по статье К. Мухамедханова.

выявившее в символистском каталоге тем и мотивов новые возможности, перекликается с художественными решениями М. Лермонтова, актуализировавшего байроническую концепцию романтизма. Так, упоение лирического героя Бунина, наступающее после бури, вызывает реминисценцию с «Парусом».

Современное литературоведение, основанное, в частности, на применении метафизического метода в литературоведении, актуализировало идеи, подходы и труды религиозной философии и явило примеры интерпретации творчества Лермонтова как религиозно-философской системы. Такова докторская диссертация И.А. Киселевой [Киселева, 2011]. Исследователем обобщены результаты изучения лермонтовского восприятия природного мира «в его пространственно-временной наличности», что позволило рассмотреть многообразие поэтических пейзажей как «опытную форму самопознания поэта», раскрыть объективный духовный смысл природных ландшафтов. Впервые пейзажный мир поэзии Лермонтова был изучен как целостная религиозно-философская концепция.

Упоению бурей у Бунина противопоставлен интерпретированный в категориях символизма покой после бури. Символистский каталог проявляет себя в системе антитез: «не пугай» / «весел»; «после бури» / «светит радостней»¹. Стилистически возвышен и создает настроение одухотворения цветовой эпитет «лазурь». Семиотика православной аксиологии проявляется и в ключевых концептах солнца и цветов. Экспрессия повтора «после бури» отражает роль антитезы, источника параллелизма в мире природном и мире переживаемых чувств. Текст Бунина выведен за пределы абстрактного символического мира Лермонтова.

Расширение Буниным символистской поэтики заключается и во второй антитезе: «буря» / «ненастье». Если после бури «весело», то ненастье «страшит», потому что «горько думать» о возможности сожалений. Новые антитезы, создающие оксюморон: «жизнь без горя и без счастья» / «в суете дневных забот»; метафора «жизни силы» «без борьбы и без труда», «сырой туман унылый» / «солнце», сближает бунинскую поэтику с лермонтовской. Это присутствие гипербол («навсегда»), антитез, мотива исключительности событий, неразрешимых противоречий, эмоциональная интенсивность переживаемых лирическим героем чувств («страшит», «горько думать»), комические образы (образы стихии: солнце, буря),

¹ Текст стихотворения И. Бунина приводится по изданию: И.А. Бунин. Собр. соч. в 9-ти тт. М., 1965. Т. 1.

исключительная семиотичность образной системы (*буря, солнце, туман, цветы, земля* как образы мироздания, воплощающие начала человеческой жизни: свет и радость, счастье и горе, уныние и восторг). Но вместе с тем неявный символизм Бунина социализирует действительность.

Как же поэтика раннего Бунина на грани символизма и стилистического его «переформатирования» была художественно интерпретирована Абаем? В воспроизведении казахским поэтом картины природы роль основных стилистических «инструментов» принимают функция лирического «ты», сообщающая тексту Абая характер откровения, динамическая категоризация императива, сочетающаяся с поэтикой условия в поэтическом синтаксисе. Семиотично употребление в обобщенном смысле (в форме единственного числа) лексем, обозначающих образы космоса: *тау (гора), сай (овраг, лог), дауыл (буря), жауын (дождь), қар (снег), мұз (лед)*. Заметим, что аналогичного подхода Абай придерживался в переводе «Ночной песни Странника» И. Гете («Қараңғы түнде тау қалғып») [Абай, 2005а, с. 144].

Переосмыслены Абаем и антитезы: опасна не буря, не снег и не лед, а жизнь без главных этических ценностей. Ценностное сознание Абая оперирует понятиями *ойсыз (без мыслей), доссыз (без дружбы), бақытсыз (без счастья)*. Православным концептам *горя* и *счастья* в интерпретации Бунина Абай нашел ментально мотивированные эквиваленты. Ценности номадического сознания как условия социального выживания и духовного самопоределения детерминируют и поэтическую семантику трехкратного повтора слова *қорқытпа* (не пугай): *қорқытпа – қорқытпайды* (не пугает) – *қорқытты* (испугал).

Таким образом, пейзаж становится для Абая почвой разработки философской лирики. Тема перевода Абая – размышление о бессмысленности жизни *без мыслей, без дружбы, без счастья*, размышление о подлинном и ложном. Жанровая стратегия переводчика усиливается семиотикой *көк* (в прямом значении: синий, голубой; в семиотическом – небесная сила). В мифологии казахов и поэтическом осмыслении Абая двойное *көк* в метафорах *көк торғын* (голубой шелк) и *көк аспан* (голубое небо) абстрагирует размышления о вечном. Экзистенциальная метафизическая линия размышлений корректируется вместе с тем социальной мотивацией отчуждения, романтизирующей смысл тотальной негации: *ойсыз (без мыслей), доссыз (без дружбы), бақытсыз (без счастья)*.

Неожиданно появление просторечного *жыбырлақ* (род болезни скота, беспокойство, в данном случае «измученная»). Оппозиция про-

сторечной лексики с высоким книжным стилем обоснована стилистической функцией появившегося нового лирического «ты». Если первое лирическое «ты» обращено к невидимому собеседнику и высшей силе, то обытовленное (*сендер – вы*), внося в текст символ чужбины (*жат жерде*), усиливая семиотику одиночества, обнаруживает влияние на Абая Лермонтова, с его романтической поэтикой тотального одиночества.

Қайығы (не «печаль» в дословном смысле, а в символическом — «тоска») как философская категория и альтернатива природной буре (бояться надо не грозы в природе, а одиночества, а также прожить *без мыслей, без дружбы, без счастья*) позволяют разграничить явления культурной инаковости и функциональных доминант [Швейцер, 1988] в переводе Абая как приемов переводческой компетенции. Так, присутствие слов *торғын (шелк), бәйшешек* (подснежник), *жыбырлақ* (беспокойство) и выбор в качестве функциональных доминант смены глагольных форм (*қорқытпа* (не пугай) – *қорқытпайды* (не пугает) – *қорқытты* (испугал), функция ассонансов (символический повтор звука «ж», особенно, в последней строке стихотворения) создают возможность трактовки перевода Абая в аспекте эквидуховности.

Понятие эквидуховности на примере эпиграмматического текста Ф. Шиллера и «точного» поэтического перевода первой половины XIX века, на основе противопоставления профессиональной переводческой деятельности поэтической составляющей в переложениях М. Лермонтова обосновала И.П. Воронина [Воронина, 2010, с. 32]. Обоснование для такого подхода обусловлено и графическими, и стиховедческими решениями переводчика. Так, первые 2 строфы Абай перевел точно, а вторую строфу – вольно (он резюмирует: отсюда тоска, опыт мудрого, наблюдающего за молодыми, человека, поэта). Абай гипертрафирует одиночество в сравнении с Буниным, обнаруживая влияние Лермонтова.

Итак, применение Абаем переводческой стратегии эквидуховности отражает влияние лермонтовской рецепции на перевод Бунина. Это влияние обнаруживает себя и в художественной модели мира в ценностных категориях бытия, и в исключительной экспрессии романтического стиля.

Литература

Адилгазинов Е.З., Джилкибаева А.А. Абай — переводчик И.А. Бунина (о переводе стихотворения И.А. Бунина «Не пугай меня грозой»). [Электронный ресурс]. URL: <http://articlekz.com/node/2328?page=2>

Ахметов З. Лермонтов и Абай (о переводах Абая Кунанбаева из произведений

М.Ю. Лермонтова). Алма-Ата, 1954.

Бройтман С.Н., Магомедова Д.М. Иван Бунин. // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). М., 2000. Кн. 1.

Бунин И. «Под открытым небом». Стихотворения И.А. Бунина со многими рисунками. М., 1898.

Бунин И. Листопад. Стихотворения. М., 1901.

Бунин И.А. Собр. соч. в 5-ти тт. М., 1956. Т. 1.

Бунин И.А. Собр. соч. в 9-ти тт. М., 1965. Т. 1.

Воронина И.П. Проблема «точного» поэтического перевода Ф. Шиллера в лирике

М.Ю. Лермонтова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2010. № 2.

Киселева И.А. Творчество М.Ю. Лермонтова как религиозно-философская система. М., 2011.

Мухамедханов К. Абай и Бунин. [Электронный ресурс]. URL: <http://abai.kz/content/kayum-mukhamedkhanov-abai-i-bunin>

Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М., 1988.

Абай (Ибраһим) Құнанбайұлы. Шығарамаларының екі томдық толық жианғы. Алматы: Жазушы, 2005а. Т. 1. Өлендер мен аудармалар.

Абай (Ибраһим) Құнанбайұлы. Шығарамаларының екі томдық толық жианғы. Алматы: Жазушы, 2005б. Т. 2. Өлендер мен аудармалар. Поэмалар. Қара сөздер.

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ПОЭЗИИ

О.В. Перова

Ключевые слова: современная духовная поэзия, жанр, переложение псалмов.

Keywords: modern spiritual poetry, genre, arrangement of the Psalms.

В современном российском литературоведении вновь актуализируется проблема жанра и жанровой традиции. Как пишет А.А. Кораблев, «в изучении жанров можно констатировать начало *новой актуальности*, соответствующей «постнеклассическому» типу жанрообразования. В отличие от «классического» следования жанровым образцам и «неклассического» свободного жанрообразования, наблюдается и усиливается тенденция свободного следования классическим образцам» [Эволюция жанров в литературе Урала..., 2010, с. 15]. Изучение жанровой системы сквозь призму предшествующей традиции особенно необходимо для новейших явлений литературного процесса, к которым относится современная духовная (православная) поэзия, появившаяся на рубеже XX–XXI веков. По мнению

В.Ю. Лебедева, современная духовная лирика – «макрожанровая система» [Лебедев, URL], и одним из ее главных элементов является переложение псалмов.

Традиция поэтического переложения псалмов в русской литературе имеет многовековую историю. Начавшись с «Псалтири рифмованной» Симеона Полоцкого, жанр достигает расцвета в XVIII – начале XIX веков в творчестве М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, В.К. Тредиаковского, А.П. Сумарокова. Поэтические переложения псалмов этого периода достаточно полно изучены в работах советских и российских ученых А.В. Западова, Л.Ф. Луцевич, О.А. Чугуновой, Е.В. Семеновой и др.

В XX в связи с изменением социально-политической и религиозной обстановки в нашей стране духовная поэзия была вытеснена на периферию литературного процесса. Жанр переложения псалмов вновь стал востребованным лишь с конца 1980-х годов как одно из наиболее мощных направлений в творчестве как начинающих, так и профессиональных литераторов, например, у А. Перекрестовой, В. Сапронова, иеромонаха Василия (Рослякова) и др.

Обращение нового поколения поэтов именно к Псалтири как к источнику лирического вдохновения не случайно. Псалтирь по своей сути – одна из поэтических книг Ветхого Завета, образец древней акцентной поэзии. С лирикой, как самым субъективным родом литературы, Псалтирь сближает и то, что вошедшие в ее состав псалмы являются авторскими произведениями, выражающими духовные истины через призму жизненного опыта или размышления автора. Т.Г. Доссэ пишет: «Возвышенная поэтичность и молитвенная выразительность псалмов сделались близки православному читателю и слушателю. Доминантой Книги Псалмов изначально была и есть проблема отношений Бог – Человек – Мир, которые находятся в центре внимания русской литературы и в частности лирической поэзии, где Человек воплощается в ипостаси Автора» [Доссэ, 2007, с. 3]. Таким образом, то, что Псалтирь является одной из наиболее субъективных и лирических книг Библии, дает возможность поэтам художественно перерабатывать ее текст, не выходя при этом за рамки христианского вероучения.

В отношении любого переложения главным является вопрос о степени соответствия оригинальному тексту и художественной роли отступлений от него. Развитие жанра переложения псалмов вплоть до середины XIX века определялось постепенной десакрализацией библейского текста, о которой говорит Н.Б. Мечковская: «... в средние века и особенно с началом перехода к новому времени, по мере секуляризации, возникают и постепенно усиливаются либеральные тенденции в

отношении к языку и тексту Писания. <...> Священные книги все шире переводятся на новые языки, при этом возможны неофициальные варианты перевода, издаются авторские версии и художественные переложения» [Мечковская, 1998, с. 312]. Примером тому служит творчество М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, поэтов-декабристов, введивших в свои переложения личные мотивы и общественно-политические идеи. В России в период «религиозного ренессанса» на рубеже XX–XXI веков происходит обратный процесс. Вновь открытая творческой интеллигенцией эстетика православного богослужения повлияла на то, что для многих современных поэтов псалом стал прежде всего непосредственной частью православного богослужения и только потом художественным текстом. Поэтому переложение псалмов в творчестве современных российских поэтов можно рассматривать в двух аспектах: просветительском (как возвращение традиции) и эстетическом (новый художественный феномен в современной литературе).

Как правило, уже самое название современных стихотворений свидетельствует о том, что это не оригинальное произведение, и отсылает читателя к источнику переложения: большинство текстов озаглавлены по номеру псалма в Псалтири («Псалом 90» В. Сапронова, «Псалом 23» А. Коряковой, «Псалом 101» А. Шараповой и многие др.).

Большинство поэтов стремятся к наиболее точному воспроизведению смысла и формы псалмов-источников. Их переложения формально подражают церковно-славянскому тексту псалмов, передавая основной смысл, выраженный в переводе псалмов на русский язык. Для достижения максимального эффекта узнавания авторы вводят в переложения многочисленные церковнославянизмы, организующие разные уровни поэтического текста (фонетические особенности, специфическая лексика), инверсию, прямые заимствования. Церковнославянизмы в русском тексте превращаются в средство художественной выразительности, поскольку церковнославянская лексика может иметь в современном русском языке значение, отличное от присущего языку-источнику. Во взаимодействии в художественном тексте значений русского и церковно-славянского языков поэтам открывается широкое поле для стилиевой и ассоциативной игры. Таким образом, источником для переложения псалмов в большинстве случаев становятся сразу два текста: церковно-славянский (богослужебный) и русский, Синодально-го перевода, созданный во второй половине XIX века.

Немаловажную роль при создании поэтических переложений играет стилистика самой Псалтири. Мы уже говорили о том, что в восприятии современного читателя Псалтирь – это стихопроза. В канонических текстах Псалтири на славянском и русском языках нет привыч-

ных современному читателю рифмы и размера стиха. Главными организуемыми приемами выступают аллитерация, симметрия и разного рода параллелизмы (синонимический, антитетический и др.). Именно параллелизм обуславливает встречающиеся в Псалтири грамматические рифмы и характерный ритм (благодаря параллелизму, ритм, заданный в первой части стиха, повторяется во второй).

Все сказанное выше о проблеме новаторства в современных переложениях псалмов носит характер общих замечаний, попытаемся конкретизировать их на примере произведений Николая Еремина¹ и Андрея Иванова².

*Кто, Боже, пребудет в жилище Твоем? –
Глаголющий истину в сердце своем.
Кто дом утвердит на Господней Горе? –
Творящий благое и зрящий горе.*³

Н. Еремин «Псалом 14» [Отзвуки, 2009, с. 196].

Очевидно, что Николай Еремин стремится в своем переложении идти за текстом Псалтири, сохраняя канонический смысл и характерные изобразительные средства. При этом поэту удастся избежать простой стилизации за счет расстановки авторских акцентов.

В поэзии большую смысловую значимость имеют рифмующиеся слова. В данном случае это *Твоем-своем* и *Горе-горе*. Эти точные парные рифмы выстраивают иерархическое противопоставление Бога и человека, которое ощущается на всех уровнях произведения. Вопросы, обращенные к Богу, вынесены в первую и третью строки и, таким образом, графически превозносятся над второй и четвертой строками, речь в которых идет о человеке. Интересно употребление омоформов *Горе-горе* в заключительных строчках строфы. Поэт намеренно вводит отсутствующее в Псалтири написание *Горе* с прописной буквы, выражая святость места пребывания Бога. В то же время сочетание *зрящий горе* в четвертой строке для современного читателя имеет не только

¹ Еремин Николай Викторович, 13.05.1967, г. Всеволожск Ленинградской области. Участник и лауреат различных фестивалей авторской песни, в том числе Грушинского фестиваля, Международного Александро-Невского фестиваля, фестиваля «Петербургский аккорд», фестиваля «Небо Славян» (Севастополь). Руководитель клуба авторской песни Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры. Автор 8 дисков песен.

² Иванов Андрей Сергеевич, 04.06.1985, Санкт-Петербург. Окончил Русскую Христианскую Гуманитарную академию, факультет психологии и философии человека. Автор религиозно-философской поэзии и прозы.

³ Ср. с первоисточником: «Господи, кто может пребывать в жилище Твоем? Кто может обитать на Святой горе Твоей? Тот, кто ходит непорочно и делает правду, и говорит истину в сердце своем» (Псалом 14: 1, 2 // Новый Завет. Псалтирь. Молитвослов. М., 2007).

значение «смотрящий вверх», но и неизбежно вызывает ассоциации с *горем* как частью человеческой жизни. Кроме того, принимая во внимание общий смысл отрывка, можно сказать, что *зрящий горе* здесь еще и *молящийся, уповающий на Бога*.

Н. Еремин нарушает синтаксическую последовательность текста псалма, разделяя каждый из стихов на две части и размещая их поочередно. С одной стороны, это ослабляет синтаксические и семантические связи между второй и третьей строками стихотворения, которые начинают восприниматься как отдельные ответы на разные вопросы, с другой стороны, это создает особый ритм стихотворения. В стихах интонация обычно повышается к концу строки, в прозе интонация повышается в вопросе и понижается в утверждении. За счет разделения стихов псалма на два вопроса и два ответа поэту удалось приблизиться к интонационному и ритмическому рисунку Псалтири. Стихотворение написано логэдом (сочетанием разных стоп), название которого можно перевести как «прозо-песня». Этот размер как нельзя лучше подходит для передачи неспешного ритма Псалтири, объединяющей в себе черты поэзии и прозы.

Первая и третья строки начинаются анафорой *Кто*, в начале второй и четвертой строк – действительное причастие с функцией подлежащего *Глаголющий-Творящий*. Употребление церковно-славянизмов *глаголющий, Твоем, своем* (не Твоем, своем) создает аллюзию на богослужебный текст Псалтири и делает узнаваемым источник переложения.

Нельзя не отметить смысловые оттенки, введенные Н. Ереминым. Поэт полностью исключает глагол *может*, который присутствует в псалме, и выбирает слова *пребудет* и *утвердит*, что в корне меняет модальность высказывания. Идея *возможного* приближения к Богу замещается идеей активного самостоятельного действия, свойственной мировоззрению современного человека, которая в псалме отсутствует. Однако в целом поэту удалось сохранить главный смысл псалма, облекая его в многогранную и небанальную художественную форму.

Как образец несколько иного типа современных переложений рассмотрим стихотворение «Псалтирь, псалом 22» Андрея Иванова.

*Бог хранит меня,
Потому ни в чем
Не нуждаюсь я,
Помянув о том,
Что мне созданы
Луга пышные,
Рядом с заводью*

*От Всевышнего.*¹

А. Иванов «Псалтирь, псалом 22»

[Отзвуки, 2009, с. 71].

А. Иванов, значительно изменяя художественную форму оригинала, отходит от прямой ассоциации с богослужебным текстом Псалтири. Стихотворение написано короткими, рублеными строчками, слог образуют четкий, интенсивный ритм, подходящий скорее для скандирования, чем для передачи «стихо-прозы» псалма. В русской поэзии трехстопный хорей, которым написано стихотворение, часто использовался для лирических стихов и песен, в том числе народных. Выбранный размер в данном случае вступает в противоречие с далеким от лиризма содержанием произведения.

Поэт предваряет свое переложение начальными словами псалма «Господь – *Пастырь* мой...». Связь первой строки стихотворения с эпитафией двояка. С одной стороны, первая строка логически вытекает из эпитафии, с другой стороны, противоречит ему. Слово *Пастырь* в библейском тексте действительно имеет устойчивую коннотацию *хранитель*, но прежде всего *Пастырь* – начальник над *пасомыми*, которые должны безропотно повиноваться ему. Именно о смирении и покорности воле Бога говорят слова Псалтири. В переложении А. Иванова мотив смирения отсутствует, Бог воспринимается не *Пастырем*, а почти слугою, который *хранит* человека и обеспечивает его другими благами. На первое место здесь выступает лирическое Я, что не свойственно Псалтири, местоимение «я» в которой носит условный характер и является воплощением личности каждого молящегося.

Лексика, использованная поэтом, в значительной степени меняет смысл псалма. Поэт заменяет сочетание *злачные пажити* со значением плодородные пашни, которые в псалме символизируют достаточность пропитания, на *луга пышные*, которое рождает ассоциации скорее с внешним украшательством, чем с необходимым пропитанием. Так появляется мотив удовольствия, роскоши, который затем разбивается о слово *заводь*. Заводь – часть водоема, в которой течение замедлено или отсутствует, стоячая вода рождает представление о болоте, которое традиционно воспринимается как опасное и неприятное.

Рифма в стихотворении довольно бедна и банальна: *меня – я, ни в чем – о том*. Дисгармоничной выглядит и рифма *пышные – Всевышнего*, поскольку образована словами с разной стилистической окраской.

¹ Ср. с первоисточником: «1. Господь пастырь мой, и я ни в чем не буду нуждаться. 2. Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим» (Псалом 22: 1, 2 // Новый Завет. Псалтирь. Молитвослов. М., 2007).

Строки переложения тождественны по смыслу соответствующим стихам псалма. Исключение составляют части 4 и 5 стиха *Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня* и *умастил елеем голову мою*, по видимому, потому, что в них присутствуют отсылки к древнееврейским обычаям, не понятным современному читателю.

Андрей Иванов подверг текст псалма переработке на всех уровнях организации, однако, по нашему мнению, это привело лишь к потере художественной выразительности и значительному изменению первоначального смысла.

Резюмируя все вышеизложенное, можно сказать о том, что в современной русской духовной поэзии отчетливо выделяются две разновидности переложения псалмов. Более опытные поэты, понимая культурную и художественную ценность Псалтири, пытаются воспроизвести жанрообразующие черты псалмов: канонический смысл, ритм, язык. Крайним проявлением этой тенденции является стилизация, что влечет за собой угрозу для духовной поэзии как искусства. Менее опытные поэты или авторы, тяготеющие к модернизму и постмодернизму, глубоко перерабатывают оригинальный текст псалма, экспериментируя с формой и содержанием, а это в свою очередь может привести к размыванию границ духовной поэзии как литературного феномена.

Литература

Доссэ Т.Г. Специфика субъектно-мотивированной поэтической природы жанра переложений псалмов в русской литературе. Ярославль, 2007.

Лебедев В.Ю. К вопросу о месте «духовной поэзии» в отечественной культуре рубежа XX–XXI веков. [Электронный ресурс]. URL: http://traditions.org.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=60:---l-r----xx--xxi-&catid=9:2010-02-27-18-00-06&Itemid=2.

Мечковская Н.Б. Язык и религия. М., 1998.

Отзвуки Небес. Современная духовная поэзия. СПб., 2009.

Эволюция жанров в литературе Урала XVIII–XX веков. в контексте общероссийских процессов. Екатеринбург, 2010.

ФИЛОЛОГИЯ : ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

**МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ХІ ПОСПЕЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2013. ГЕРМЕНЕВТИКА.
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ. ТЕКСТОЛОГИЯ –
В НОВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ»
(Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 20–21 декабря 2013 г.)**

В конце декабря 2013 года на кафедре теории литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова проходили ежегодные «Поспеловские чтения». На этот раз они были посвящены проблемам герменевтики и текстологии. Вероятно, кому-то это покажется *déjà vu*: практика подобных конференций была. Однако, несмотря на тематическую узнаваемость, для сотни участников (представителей российских и зарубежных вузов) одиннадцатые «чтения» не только стали конструктивными, они обозначили готовность отечественной филологии, в частности теории, к следующей, «разумной», ступени теоретического самоосмысления, а значит – к следующему этапу на тысячелетней лестнице научного познания.

Прежде всего об этом говорила исследовательская мультидисциплинарность, кроссдисциплинарность докладов. Поэтому дифференцировать их можно лишь условно: применение интерпретационных методик/положений к классической/современной литературе; онтологические категории в аспекте герменевтики; герменевтика: традиция и обновление; литературоведческие категории/понятия в аспекте герменевтики.

Самым численным оказался первый сегмент. Самым малочисленным – последний. В последнем надо отметить¹ «Категория “текста” в герменевтическом аспекте» А.Я. Эсалнек и «Метод в литературоведении и интерпретация произведения (1910–1920 годы)» Л.В. Чернец. В первом – остановиться на докладе Ю.В. Шевчук «“Трилистники” И. Анненского: проблема интерпретации цикла», «Текстологический и герменевтический подходы к “узлам” романа А. Солженицына “Красное Колесо”» Н.М. Щедриной и «Интерпретация романов “Степной волк” Г. Гессе, “Дар” В. Набокова и “Мастер и Маргарита” М. Булгакова с точки зрения специфики реминисцентно-аллюзийной структуры их текста» А.В. Злочевской.

¹ Подробно план конференции см.: <http://www.philol.msu.ru/~tlit/annot/progko013.htm>

Разумеется, очерчивая и заполняя круг понимания в лучших традициях новой литературной герменевтики, первые докладчики (как, впрочем, все выступавшие) соответственно учитывали рецептивную эстетику, авторское meaning, культурно-историческую традицию и историзм. Как, например, О.В. Осипова в «Интерпретация текста литературного произведения в трактате Дионисия Галикарнасского “О Фукидиде”», Т.А. Алпатова в «“Письма русского путешественника” Н.М. Карамзина: “движущийся текст” в истории русского литературоведения» или А.В. Архангельская в «Древнерусская литература: между текстологией и интерпретацией». Здесь же «Герменевтика “герметического текста”» С.М. Телегина и «Библейская экзегеза и герменевтика в подходе к анализу художественного текста» Г.В. Синило. Но, предлагая свое significance, первые докладчики также учитывали (порой неосознанно) сложившийся благодаря редистрибуции, изменению диалектики субъекта и объекта литературный проавтобиографический гештальт пост-постмодернизма, возвращающий отдельным школам не только Автора, но и некогда отставленные внелитературные факторы. Поэтому для Н.М. Щедриной толкование заключительного варианта «Марта...» и «Апреля Семнадцатого» – возможность заглянуть в писательскую лабораторию, проследить ход авторской мысли. Структурообразующая идея первой части «Кипарисового ларца» интерпретируется Ю.В. Шевчук как история лирического самосознания европейца, где главную роль Анненский отводит ощущению, субъективной реакции на окружающий мир. Именно оно приближает «я» к познанию скрытых закономерностей бытия и определяет динамику мировосприятия европейской культуры. Внелитературные же факторы, в частности «эстетическое измерение» в антропологическом изводе, позволили А.В. Злочевской по-новому увидеть «Степного волка», «Дар» и «Мастера и Маргариту», представив их мироздание как «реальность физическую – иррационально-трансцендентную – художественную» с «мета-фикциональной вечностью» («пронизанной сетью культурно-литературных реминисцентных мотивов»).

Внелитературные факторы – категории времени и сознания – обусловили и доклады, условно отнесенные к «онтологическим категориям в аспекте герменевтики». Это, прежде всего, «Критерий временного и вечного в интерпретациях классики (на материале литературы и критики первой половины XIX века)» Н.Л. Вершининой и «Измененные состояния сознания (ИСС) как фактор интерпретации и анализа литературного произведения (на примере произведений А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского)» С.М. Шаврыгина.

Последний доклад, словно подтверждая многоаспектность конференции, также вписывался в «Герменевтика: традиция и обновление».

С.М. Шаврыгин предлагает обновить понятийный ряд: ввести «измененные состояния сознания» персонажей как особый, мало исследованный элемент поэтики, способствующий новому восприятию. Сами метаморфозы трактуются как преобразования элементов структуры художественной системы (сюжета, сознания автора и героя), происходящие по воле автора объективно – «на глазах» у читателя, и субъективно – благодаря лишь пониманию читателя. Это вновь наталкивает нас на «эстетическое измерение», точнее на *автобиографическое измерение*, без которого подобные метаморфозы / преобразования

были бы невозможны. Подробнее – в моем материале «Интерпретация и автобиографическое измерение: перформативный извод антропологического поворота». Здесь, рассматривая антропологическую роль интерпретации и автобиографического измерения в культуре, я выстраиваю модель анализа новейшей прозы, реализуемую благодаря автобиографическому измерению как новому внелитературному фактору.

Данное понятие уже в другом изводе разбирал О.А. Клинг в «Текст и его интерпретация». Приравнивая автобиографическое измерение к автобиографизму – тексту в тексте, О.А. Клинг обуславливает в творчестве Андрея Белого, связанном с Александром Блоком, пять уровней автобиографизма – пять текстов, составляющих единый «блоковский текст». Так личность поэта, их взаимоотношения, нашедшие выход в письмах Андрея Белого к Блоку – измерение первое. Цикл стихов Блоку (1901–1903), послание Блоку в 1908 году – второе. Роман «Петербург», где под маской подпоручика Сергея Лихутина рисуетя Блок – третье. Взаимоотношения художников при жизни и после смерти Блока, отраженные в статьях, рецензиях и докладах Андрея Белого – четвертое. Блок в воспоминаниях и мемуарной прозе Андрея Белого – пятое.

Вообще «традиция и обновление» стал наиболее креативным, значимым сегментом в «герменевтическом круге» конференции. И это правильно: одна из задач теории литературы – разработка системы функциональных определений всех явлений литературного творчества, пусть даже порой требующая основательного пересмотра (если не перечеркивания) традиционных взглядов и методик.

Например, И.В. Тюпа в докладе «Эвристический принцип палимпсеста в осмыслении литературного произведения» использует оригинальный тезис Ю.В. Шатиной «палимпсест – иерархия просвечивающих друг через друга текстов», чтобы получить свою «палимпсестную словесную ткань». Такой конструкт, по его мнению, позволяет не только распознавать новое художественно значимое смысловое напряжение между диахронными слоями структурной целостности, но и исключает постмодернистскую трактовку текста как интертекстуального коллажа.

С.Ю. Лебедев в «Художественное произведение как объект анализа (литературоведение как наука) и как объект интерпретации (литературная критика)» заявляет: интерпретация произведения – лишь часть его анализа, возможно, достаточная для литературно-критического материала (если судить по публикациям литпроцесса), но не литературоведческого исследования. Здесь же анализируются интерпретационные подходы, которые, пользуясь нынешней «размытостью» литературоведческих определений, претендуют на самодостаточную методологию, но к ней не относятся.

Е.В. Лозинская в «“Страх интерпретации”»: антигерменевтические подходы в зарубежном литературоведении», ссылаясь на С. Зонтаг (интерпретация есть насилие над произведением, превращающее его в объект потребления), анализирует причины, по которым литературоведы XXI вв. могут вообще отказаться от интерпретации текста.

Разумеется, невозможно назвать все имена, перечислить все доклады, реализовавшие «носящийся в воздухе гул конкретного» (Р. Музиль). Да это в 176

подобных материалах и не нужно. А нужно – передать атмосферу, которая, как можно убедиться, была насыщена *духом субъективизма*. Поскольку *субъективизм* сегодня дает решение многовековой дилеммы истины/неистины искусства (вспомним гегелевскую антиномию) в поиске очередного кода, языка, ключа к пониманию и диалогу. Отсюда возрождение Автора (о чем говорилось вначале) и активность Читателя, в частности интерпретатора, в лучших традициях В. Дильтея, Э.Д. Хирша и Х.-Г. Гадамера. С одной стороны – «The play of words – the play of worlds»: стремление из знаковой системы текста создать, реконструировав, а не деконструировав, нечто большее, создать новое значение, которое органично впишется в «герменевтический круг». С другой – «настройка» сознания читателя на сознание автора, «<...> сопереживание чужих форм жизни путем своего собственного жизнеощущения» (В. Дильтей). Мы наконец-то слышим «Ты», и мы стараемся ответить. И неважно, какие ключи в том помогают: автобиографизм, автобиографическое измерение, измененные состояния сознания или палимпсестная словесная ткань, главное, чтобы они были, превращаясь в ключики от дверцы в новый чудесный мир.

Ж.А. Голенко

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«RÓŻNORODNOŚĆ KULTUROWA A STYL»
(Opole, 18–19 сентября 2014 г., Польша)**

С 18 по 21 сентября в городе Ополе (Польша) прошла одна из самых авторитетных стилистических международных научных конференций «Культурное разнообразие и стиль» («RÓŻNORODNOŚĆ KULTUROWA A STYL»). Конференция организована на базе отделения стилистики Института полонистики и культурологии Опольского университета. В двадцать четвертый раз в Польшу съехались специалисты в области стилистики славянских языков из разных славянских стран. Для участия в конференции было получено более пятидесяти заявок специалистов из Польши, Украины, Чехии, Словакии и России. Атмосферой взаимопонимания, плодотворного научного и межличностного общения были пронизаны все дни работы конференции.

Принимающая сторона была представлена такими известными учеными, как Станислав Гайда, Божена Витош, Мария Войтак и другие. Заботой и вниманием окружили гостей профессор Ева Малиновска, заведующая кафедрой польского языка Института польской филологии и культурологии, профессор Маржена Макушовска и другие коллеги из Опольского университета. Из России приехали ведущие ученые, представляющие активно развивающееся направление – медиастилистику – из Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Барнаула, Первоуральска: И.В. Анненкова, Е.А. Баженова, Л.Р. Дускаева, Е.С. Кара-Мурза, Н.И. Клушина, Т.В. Чернышова и др.

В дни работы конференции состоялось два пленарных заседания и пять заседаний в секциях.

Тематика пленарных заседаний касалась общих вопросов взаимодействия культурных традиций и стиля; проблем стиля и многоязычия; разнообразия психических схем, сценариев и культурных стереотипов и их стилового воплощения; поисков культурно обусловленных стилистических универсалий; разнообразия стилей в сотрудничестве и общении людей из разных культур; использования стиля в качестве основы для сравнения языков и культур и т.д.

Так, на первом пленарном заседании были заслушаны доклады, в которых категория стиля рассматривалась в ценностном, культурологическом и лингвокогнитивном аспектах. Данная проблематика нашла отражение в докладе профессора Божены Витош (Katowice, Польша) «Ценности и стили в эпоху культуры потребления»; профессора Опольского университета, заведующего кафедрой польского языка, члена президиума Международного комитета славистов Станислава Гайды (Opole, Польша) «Разнообразие культуры и типология стилей»; профессора, зав. кафедрой стилистики и речевой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета Лилии Рашидовны Дускаевой «Разнообразие психических схем, сценариев и культурных стереотипов и стиль(и)». Профессор кафедры славянского языкознания Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша) Александр Киклевич в своем докладе остановился на рассмотрении стиля как категории межкультурной лингвистики.

Второе пленарное заседание было посвящено проблемам функционирования стиля в разных коммуникативных сферах. Так, доклад Марии Войтак, профессора Института польской филологии университета им. Марии Кюри-Склодовской (Lublin, Польша), был посвящен влиянию современной культуры на религиозный стиль, а профессор кафедры стилистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии при Международном комитете славистов Наталья Ивановна Клушина в своем выступлении коснулась проблем медиастилия в аспекте его интенционально-нарративной структуры.

Не менее плодотворно проходили заседания в секциях. Большой интерес вызвали доклады, посвященные вопросам медиастилистики. Так, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Ольга Ростиславовна Лащук выступила с докладом о требованиях к рерайтерским новостным сообщениям. Профессор, зав. кафедрой русского языка, литературы и речевой коммуникации Алтайского государственного университета Татьяна Владимировна Чернышова (Барнаул, Россия) обратилась к проблемам конфликтного функционирования речи в текстах неофициальной публичной коммуникации (интернет-коммуникация). Несколько докладов были посвящены стилистическим аспектам рекламной коммуникации. Доцент Елена Станиславовна Кара-Мурза (МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия) в своем докладе коснулась лингвосомиотических аспектов современной русской коммерческой рекламы; профессор, зав. кафедрой русского языка и стилистики Пермского государственного университета Елена Александровна Баженова представила в своем докладе анализ аргументации в текстах социальной рекламы; языковому и культурному разнообразию чешской коммерче-

ской рекламы посвятила свой доклад Kamila Mrázková (Прага, Чехия). Проблемам сакрального и сакральности в медиациентричной культуре был посвящен доклад профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Ирины Васильевны Анненковой. Особенности предвыборного политического дискурса нашли освещение в докладе профессора Ольги Оргоновой (Bratislava, Словакия) и т.д. Несколько секционных докладов были посвящены описанию стилистического своеобразия текстов художественной литературы, в частности доклад профессора Петра Мареша «Многоязычная проза в новой чешской литературе и ее стиль» (Praga, Чехия) и др.

В соответствии с традицией проведения научных конференций в Польше обсуждение и вопросы следовали после всех выступлений. Развернувшаяся дискуссия, которая едва ли не превысила время выступления основных докладчиков, свидетельствовала об актуальности тематики прозвучавших выступлений, глубине поставленных вопросов и живом интересе присутствовавших к темам, затронутым в докладах.

Итоги конференции были подведены на заключительном пленарном заседании в ходе дискуссии.

В рамках конференции состоялось рабочее заседание Стилистической комиссии Международного комитета славистов.

Т.В. Чернышова

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ПО ТЮРКСКИМ ЯЗЫКАМ И ЛИТЕРАТУРЕ В ГОРНО-АЛТАЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В Республике Алтай на базе Горно-Алтайского государственного университета с 2006 года ежегодно проходит Всероссийская студенческая олимпиада среди тюркоязычных факультетов по тюркским языкам, фольклору и литературе. Организаторами и инициаторами проведения Олимпиады является факультет алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского государственного университета.

За восемь лет в Олимпиаде по тюркологии приняли участие около 350 студентов из Якутии, Хакассии, Тувы, Шории, Алтая, Татарстана и Башкортостана. Студенты тюркоязычных факультетов, обучающиеся по направлениям «филология», «педагогическое образование» по профилю «учитель родного языка и литературы», в течение двух дней выполняют задания Всероссийской студенческой олимпиады, которые включают в себя теоретические вопросы по тюркским языкам, фольклору и литературе, тестовые и творческие задания, анализ текста. В рамках Олимпиады проходит конкурс на лучшую научную работу по тюркским языкам, литературе и фольклору.

При подведении итогов определяются победители, которые заняли в личном зачете первые, вторые и третьи места. В итоге они получают дипломы

и денежные поощрения от Министерства образования и науки Российской Федерации. Кроме того, команды, состоящие из пяти студентов, борются за общекомандное место, в результате определяется тройка победителей среди вузов.

Олимпиада по тюркологии за восемь лет своего существования внесла большой вклад в сохранении исторического наследия, традиций и обычаев тюркских народов, так как на всех тюркоязычных факультетах стали изучать древнетюркскую руническую письменность. В первые годы проведения олимпиады очень мало студентов могли писать тексты, используя руническое письмо. Студенты стали больше читать литературу тюркских народов РФ и СНГ, лучше ориентируются в мифологии, научились анализировать устные эпические сказания и литературные произведения, углубились их теоретические знания по грамматике, фольклору и литературе тюркских народов.

Самыми активными и постоянными участниками являются студенты Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г. Уфа), Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань), Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (г. Якутск), Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета (г. Стерлитамак), Тувинского государственного университета (г. Кызыл), Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан). До закрытия шорского отделения Кузбасской педагогической академии в Олимпиаде участвовала команда шорских студентов, а также команда Новосибирского государственного университета, обучавшаяся на кафедре языков народов Сибири.

Каждая команда представляет на Вечере знакомств культуру своего народа, готовит презентации своего вуза и факультета. В течение нескольких дней проходят различные культурные мероприятия, конференции, круглые столы и выезды на экскурсии по Горному Алтаю. За эти дни студенты получают возможность услышать живую тюркскую речь, познакомиться и подружиться друг с другом. На сакральной земле Алтая каждый чувствует себя принадлежащим к одной большой семье близких между собой тюркоязычных народов.

В этом году с 13 по 17 мая 2014 года во Всероссийской Олимпиаде «Филология. Языки и литературы народов Российской Федерации (тюркская группа)» принимали участие восемь команд, и впервые круг российских участников расширился и приобрел международный статус, так как в нашей Олимпиаде участвовала команда Карагандинского университета «Балошак» (Казахстан). Видимо, пришло время придать Олимпиаде по тюркологии статус международной.

По итогам Всероссийской студенческой олимпиады «Филология. Языки и литературы народов России (тюркская группа)» были награждены дипломами Министерства образования Российской Федерации и поощрительными призами следующие студенты:

1 место: Суразова Эрдине Александровна (Горно-Алтайский государственный университет);

2 место: Федорова Айти Николаевна (Институт языка и культуры народов Севера-Востока РФ Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова);

3 место: Габдрахманова Руфина Ришатовна (Институт филологии и искусств Казанского (Приволжского) федерального университета).

Общеконандные места:

1 место – Башкирский государственньй педагогический университет им. М. Акмуллы;

2 место – Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета;

3 место – Тувинский государственньй университет.

Кроме того, поощрительными грамотами награждены студенты, показавшие лучшие знания по тюркской рунике, грамматике, анализу фольклорных и литературных произведений, лучше всех справившиеся с творческим заданием.

Ширится и растет Олимпиадное движение тюркоязычных факультетов Российской Федерации и мы надеемся, что студенты из Республики Чувашия, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии, а также из Кыргызстана, Азербайджана и других тюркских государств в будущем также примут участие в нашей Олимпиаде.

Л.Н. Тыбыкова

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

А.В. Уразметова. Особенности животного мира в топонимических прозвищах штатов США. В статье рассматриваются топонимические прозвища штатов США, отражающие особенности животного мира. Эта группа прозвищ довольно многочисленна и составляет 9% среди всех прозвищ американских штатов. Исследуемые единицы в статье классифицируются по следующим принципам: мотивировка номинации и типология живых организмов. По мотивировке номинации было выделено две группы вторичных номинаций, содержащие названия: а) животных, обитающих на территории данной местности и б) животных, появившихся в прозвище штата благодаря историческому событию. По типологии живых организмов животный мир подразделяется на следующие классы: млекопитающие, птицы, насекомые, рыбы, ракообразные, пресмыкающиеся и земноводные. Представителей всех перечисленных классов можно встретить в составе топонимических прозвищ. В статье проводится количественный и коннотативный анализы исследуемых вторичных номинаций. Как показал коннотативный анализ, именно в топонимических прозвищах с зоокомпонентом наблюдается большое число единиц, обладающих отрицательно-оценочной коннотацией. Отрицательные коннотации представлены шутивными, ироничными, пренебрежительными и даже презрительно-оскорбительными оттенками.

A.V. Urazmetova. Peculiarities of Fauna in Toponymic Nicknames of the US States. This article regards toponymic nicknames of the US States, which reflect the peculiarities of the animal world. This group of secondary appellations is rather numerous and constitutes about 9% of all nicknames of the American states. Units under consideration are classified in this article according to the following principles: motivation of appellation and typology of living organisms. According to the motivation of appellation, two groups of toponymic nicknames were singled out: a) those, containing names of animals, inhabiting the area, and b) those, in which the animal names appeared due to some historical

182

events. According to the typology of living organisms, there are the following classes of the animal kingdom: mammals, birds, insects, fish, crustaceans, reptiles and amphibia. Representatives of all the above-mentioned classes can be found in toponymic nicknames of this group. Quantitative and connotational analyses are carried out in this article. Analysis of connotation of these units shows that zoonymic toponyms possess a large number of negative-evaluative connotation. Negative connotations are represented by humorous, ironic, scornful, and even contemptuously offensive shades.

Е.Ю. Викторова. Дискурсивные слова разного типа в устной и письменной научной речи. Статья построена на результатах анализа английской и русской научной речи. Дискурсивные слова, или дискурсивы, рассматриваются как вспомогательные единицы коммуникации, функция которых заключается в помощи говорящему и слушающему в создании, реализации и восприятии дискурса. На основе двух типов информации выделяются два типа дискурсивных слов – дискурсивы-регулятивы и дискурсивы-организаторы. Регулятивы отвечают за отношения между коммуникантами, выражают субъективные оценки и мнения, передают регулятивную информацию. Организаторы обеспечивают связность дискурса на локальном и глобальном уровнях и выполняют текстовую функцию. Многие дискурсивы отличаются синкретичностью и многозначностью. Устная и письменная форма речи оказывает существенное влияние на употребление дискурсивов: в устной речи русского и английского языков дискурсивы встречаются в два раза чаще, чем в письменной. Регулятивы более частотны в устной научной речи, а организаторы в устной и письменной научной речи встречаются примерно с одинаковой частотой. Русский и английский языки обнаруживают много общего в употреблении регулятивов и организаторов в обеих формах речи.

E.Y. Viktorova. Discourse Markers of Different Types in Spoken and Written Academic Speech. The article shows the results of the analysis of English and Russian academic discourse. Discourse markers are regarded as supportive speech units whose functions lie in helping the speaker and the hearer to create, realize and perceive the discourse. On the basis of the two types of information we single out two types of discourse markers – the markers with a regulative function (regulatives) and the markers with an organizational function (organizers). Regulatives are responsible for the relations between the speaker and the hearer, they convey regulative information. Organizers provide text coherence on the local and global levels and fulfill the textual function. Many discourse

markers are syncretical and polysemic. Spoken and written forms of the discourse have a significant impact on the form and functions of discourse markers: in spoken English and Russian texts discourse markers are twice as many as in written speech. Regulatives occur more frequently in a spoken academic discourse; organizers are more or less equally frequent in spoken and written texts. The Russian and the English languages show much in common in the functioning of regulatives and organizers in the both discourse forms.

И.А. Пушкарева. Об интертекстуальных связях в современной газетной публицистике. В статье рассматривается роль чужой речи в актуализации связи газетно-публицистического текста с культурным пространством. Материалом для анализа являются аналитические и художественно-публицистические тексты, в которых используется «живописный» способ включения чужой речи. Семантико-стилистическое исследование аналитических и сатирических комментариев, а также городских дневников показывает, что целью введения чужой речи в медиатексте становится не столько раскрытие личностных особенностей речевого субъекта, сколько концептуальная и экспрессивная авторская актуализация. В работе уделено внимание концептуальной, эмоционально-образной и композиционной функциям чужой речи. Интертекстуальные связи газетного текста участвуют в выражении ключевых мыслей автора, обогащают текст коннотативной информацией комического (реже лирического) характера, усиливают когерентность. Смысловое соотношение нескольких высказываний в контексте создает эффект стереоскопического изображения. Региональные особенности проявляются в авторстве и содержании приводимых цитат. В рамках изученного материала эти особенности наиболее полно раскрываются в жанре городского дневника.

I.A. Pushkareva. About Intertextual Connections in Contemporary Newspaper Social and Politic Journalism. The role of another's speech in actualization of the connection between newspaper style and cultural space is described in the article. The material for analysis is presented as analytical and literary-publicistic texts where «pictorial» method of inclusion of another's speech is used. Semantic and stylistic research of analytical and satirical comments, as well as of the city diaries, demonstrates that the purpose of using another's speech is not only the disclosure of the speaking subject's personal features but the conceptual and expressive actualization of the author. The attention is paid to conceptual, emotional-imaginative and compositional functions of another's speech. Intertextual connections of the newspaper text participate in expression of

the main author's ideas, enrich the text with comic (or less often lyrical) connotative information, intensify the coherence. Semantic correlation of few utterances in a context creates the effect of stereoscopic representation. Regional peculiarities appear in the authorship and the content of quoted sayings. Within the framework of researched material these peculiarities are revealed in the genre of the city diary in full.

Н.С. Данкова, Т.В. Дубровская. Репрезентация оппозиции «судебная власть – народ» в дискурсе российских печатных СМИ. Авторы рассматривают дискурсивные средства репрезентации в печатных СМИ отношений между судебной властью и народом, отмечая при этом наличие оппозиции в репрезентации данных отношений. В качестве материала исследования использованы тексты проправительственной и оппозиционной прессы (2013). Одним из средств конструирования оппозиции являются назывные лексические единицы, используемые для обозначения двух сторон оппозиции и отражающие более высокий статус представителей системы правосудия по сравнению со статусом простых людей. Кроме того, авторы статьи выделяют топосы, в рамках которых реализуется оппозиция «судебная власть – народ»: топосы доверия / недоверия, защиты / произвола, единения / конфронтации. В рамках изучения топосов проводится анализ лексических, грамматических, синтаксических средств, служащих для репрезентации отношений между субъектами. В заключении делается вывод о конструировании в СМИ оппозиции «судебная власть – народ», которая может выражаться как эксплицитно, так и имплицитно. Статья способствует пониманию дискурсивных механизмов СМИ, воздействующих на общественное восприятие отношений между властью и народом.

N.S. Dankova, T.V. Dubrovskaya. Representation of the Opposition «Judicial Power – People» in Russian Printed Mass Media Discourse. The authors examine discursive representations of the relationship between judicial power and people as they are presented by printed mass media. They point to the opposition in the representation of the relationship. The speech data come from governmental and oppositional newspapers (2013). Among the linguistic means used to construct the opposition are nominative lexical units which nominate the two parties of the opposition and reflect a higher status of judiciary as compared to the status of people. The authors distinguish the following topoi through which the opposition 'judicial power – people' is revealed: the topoi of trust / distrust, protection / power abuse, unity / confrontation. Within the topoi exploration, lexical, grammatical and syntactic means are explored

that are used to represent the relationship between the agents. In conclusion it is claimed that the mass media discursively construct the opposition 'judicial power – people', which can be expressed explicitly or implicitly. The article promotes deeper understanding of mass media discursive mechanisms that impact the public opinion of the relationship between authorities and people.

М.В. Смоленцева. Лексико-семантический анализ номинантов концепта *любовь* на материале русских народных песен. Предлагается компонентный анализ семантики номинантов лингвоконцепта «любовь», который позволяет выявить ряд его семантических признаков, зафиксированных в лексикографических источниках, подтвержденных примерами из песенных дискурсов исследуемого языка. Особенностью русского песенного дискурса являются лексемы, дополняющие синонимический ряд номинанта концепта *любовь*, которые не были зафиксированы лексикографическими источниками, но были выделены в ходе анализа песенного дискурса. Согласно анализу было выявлено, что в значении эмоционального концепта *любовь* актуализируются семантические признаки «интенсивность», «причинность», «продолжительность переживания», которые являются основанием для проведения градации лексем, называющих исследуемый концепт. Совпадение семантических признаков, по которым возможно шкалирование, объясняется их корреляцией с характеристиками любви как психологического феномена.

M.V. Smolentseva. Lexical-Semantic Interpretation of Nominees of the Concept *love* as Exemplified in Russian Folksongs. The article deals with the semantics componential analysis of the concept nominees «love» that enables to find out a row of its semantic features stated in lexicographical sources confirmed by examples from the analyzed language song discourse. Lexical items completing the synonymic row of the concept nominees «love», that were not stated in lexicographical sources, but were found out in the analysis of a song discourse, make up the peculiarity of a Russian song discourse. According to the analysis it was found that some semantic features like «intensity», «causality», «feeling duration» become acute in terms of the emotional concept «love». They are the basis for realization of gradation of lexical items denoting the analyzed concept. The agreement of semantic features, by which the scaling is possible, can be explained by their correlation with characteristics of love as a psychological phenomenon.

О.Н. Владимиров. К проблеме лирических жанров (на материале стихотворений И.А. Бунина). В статье, обращенной к бунин-

скому стихотворному наследию во всем его объеме, представлена концепция жанрового мышления поэта и прослежена логика смены жанров в его стихотворной лирике. В понимании жанра акцентируется такой его фактор, как творческая индивидуальность писателя. К ведущим бунинским жанрам, означающим «формулу добытой эстетической истины» в каждый творческий период, относятся пейзажное стихотворение, сонет, баллада, стихотворение как таковое. Такое понимание жанра позволяет разрешить проблемную ситуацию жанровой интерференции и, соответственно, жанровой полисемии, когда одно стихотворение может иметь различную жанровую маркировку, без однозначной принадлежности к тому или иному жанру. Принятое в работе определение жанра снимает теоретическую противоречивость такой бунинской «излюбленной формы», как сонет. В отношении баллады переносится акцент с ее родового синкретизма на понимание ее как формы-носительницы определенной концепции действительности. Стихотворные жанры явились у поэта пространством постоянного противоборства между природой и искусством, реальией и словом.

O.N. Vladimirov. The Problem of Lyric Genres (Based on Poems by Ivan Bunin). The given article deals with Bunin's poetic heritage. The author presents the idea of poet's genre thinking and traces the logic of genre change in Bunin's lyrics, accenting the factor of Bunin's creative individuality. Such genres as the landscape poem, the sonnet, the ballad, and the poem as such are considered leading genres in Bunin's lyrics, each translating «the formula of the obtained aesthetic truth» in a certain creative period. This idea of genre offers a solution to the problem of genre interference and, correspondingly, of genre polysemanticism, when one and the same poem may be referred to several genres, while to no-one explicitly. The definition of the term 'genre', as accepted in the given paper, resolves a theoretical contradiction about the sonnet, which is Bunin's «favourite form». Regarding the ballad, the accent is shifted from its generic syncretism to the idea of the ballad as medium for a conception of reality. In Bunin's works, poetic genres occurred to be a battlefield for nature and art, for reality and word.

Н.В. Ковтун. Эстетика национальной истории в творчестве В.Г. Распутина. В статье анализируется проблема восприятия прошлого и настоящего в творчестве В.Г. Распутина. Трактовка исторического процесса как художественного произведения органична для русской культуры, связана с пониманием миссии человека – зодчего жизни, когда минувшее, реальное и будущее предстают в неразрыв-

ной связи. Творчество писателя анализируется в контексте идей предшественников: от мифологии старообрядчества до классического евразийства. Прослеживается изменение в трактовке миссии славянской цивилизации, избранных персонажей (богатырь, юрод, пророк) от зрелых произведений к текстам рубежа XX–XXI веков. Вместо идеала соборности, утверждаемого в зрелом творчестве, формируется идея личностного самостояния, мужественного одиночества, что связано с разочарованием в современной власти, утратой традицией охранительных свойств. Сокровенные герои поздних текстов заняты сотворением иной обрядовости и веры (дуализм языческой и христианской символики), способной объединить единомышленников. Подобное отречение от современности, обращение к архаическим формам культуры, которые угадываются в настоящем, роднит творчество В.Г. Распутина с идеологией старообрядчества.

N.V. Kovtun. Aesthetics of National History in the Works of V.G. Rasputin. The problem of perception of past and present in Rasputin's works is analyzed in this article. The interpretation of historical process as a figurative text is organic to the Russian culture and concerned with understanding of the person's – the architect of life – mission, when the past, present, and future appear in close connection. Writer's works are analyzed in the context of the ideas of the predecessors: from the mythology of the Old Believers to the classical Eurasianism. The change in the interpretation of the Slavic civilization mission, its selected characters (a hero, a God's fool, a prophet) is observed from the mature works to the texts of the turn of the 20th–21st centuries. The idea of personal self-identity, courageous loneliness, due to disappointment in the present regime, the loss of the tradition of protective properties, is formed instead of the ideal of collegiality, approved in the mature works. Hidden heroes of late texts are occupied with the creation of another ritualism and faith (the dualism of pagan and Christian symbols), which is capable of uniting all the unanimous. Such denial of modernity, an appeal to the archaic forms of culture, which are guessed to be in the present, link Rasputin's creativity to the Old Believers ideology.

Т.В. Устинова. Феномен выдвижения в стихотворной речи и языковое профилирование объекта и силы внимания языковыми средствами. В статье с позиций когнитивно-дискурсивного подхода рассматривается феномен выдвижения в стихотворной речи. В когнитивной лингвистике доказано наличие сложных взаимосвязей между когнитивными процессами профилирования и перспективизации при восприятии окружающей действительности и языковыми механизмами

ми, акцентирующими объект и силу внимания при порождении речи. Статья содержит анализ одного из многочисленных языковых факторов, способствующих дифференциации внимания (фактора морфологической автономности языковой единицы), в специфических условиях лингвокреативной поэтической деятельности. На материале «языковых стихотворений» современного американского автора Лин Хеджинян изучаются особенности выдвижения лексических единиц со сложными словообразовательными значениями. В рассмотренных примерах использования производных слов с формантами *-like* или *un-* + *-like* в фокусе внимания оказываются эмерджентные свойства морфемы как результат сложного взаимодействия ее формы и поэтического контекста.

T.V. Ustinova. Foregrounding in Poetic Speech and Linguistic Focusing of Attention. The author of the article analyzes poetic foregrounding from the perspective of cognitive approach to literature. Cognitive linguistics states that language employs various mechanisms of assigning different degrees of cognitive salience to the parts of an expression in speech. The article presents the analysis of one basic factor (according to L. Talmy ‘a factor of a degree of morphological autonomy’) involving particular linguistic means setting the object and strength of attention in specific conditions of poetic speech. On the example of ‘language poems’ by Lyn Hejinian it is shown that the bound morphemes in complex word structures may become foregrounded and receive the strongest attention. Studying the case of L. Hejinian’s nonce words derived by means of the suffix *-like* (or *un-* + *-like*) the author of the article describes the attentional effects resulting from the interplay of the occasional form of the morpheme and the poetic context of its use.

Т.В. Быкова. Философия бытия Гуцульщины сквозь призму юмора в украинской литературе первой трети XX века. В статье раскрыты главные аспекты философии бытия Гуцульщины на основе применения так называемого «гуцульского» юмора в жизни и быту гуцула. С помощью художественного анализа «Гуцульских рассказов» И. Хоткевича исследованы особенности использования юмора в литературном тексте. Философское изображение бытия Гуцульщины сквозь призму юмора показано в творчестве писателя с двух позиций. Во-первых, взгляд на жизнь Гуцульщины представлен с точки зрения интеллигента, стремящегося поскорее «слиться» с местными жителями, гуцулами (это так называемый «чужой» взгляд на Гуцульщину, который четко сумел изобразить все процессы, происходившие в гуцульском селе начала XX века). Во-вторых, бытие Гуцульщины у

Хоткевича показано с позиции «стопроцентного» гуцула. Юмор в гуцульских рассказах писателя возникает на границе столкновения двух культурных миров и традиций, где объектами юмора становятся как гуцулы, так и непосредственно автор как представитель «чужого» для гуцулов мира, и это наличие в его произведениях «стопроцентного» гуцульского юмора, который звучит в гуцульских репликах. Автор фиксирует поступки и остроумные замечания, комментарии гуцулов, раскрывающие перед глазами реципиента совсем «другую», «неинтеллигентную» смеховую культуру. В работе сделаны выводы относительно личного отношения автора к юмору как неотъемлемому элементу бытия Гуцульщины.

T.V. Bykova. Philosophy of Life through the Prism of Hutsulshchina Humor in Ukrainian Literature of the First Third of the Twentieth Century. The article covers the main aspects of the Hutsulshchina life philosophy by applying the so-called «hutsul» humor in a hutsul everyday life. On the basis of artistic analysis of «Hutsul stories» by I. Khotkevich the humor usage in the literary text is revealed. The philosophical image of Hutsulshchina life is shown through the prism of humor in the writer's works from two points. First, from the perspective of an intellectual striving quickly to «merge» with the hutsul. There is given a «foreign» look at Hutsulshchina that clearly failed to fix all the processes in the hutsul village of the early 20th century. Secondly, the Hutsulshchina existence is shown in terms of a natural hutsul through humorous dimension in Khotkevich. This feature is represented, in turn, from two views: the humor in hutsul stories of the writer occurs at the boundary of two cultural worlds and traditions, where the objects of humor are as the hutsul so the author himself as a representative of the «alien» to the hutsul world, and it presents the natural hutsul humor in his works that sounds in the hutsul replicas. The author captures actions and witty comments of the hutsul, which reveal before the eyes of the recipient the entirely «other», «non-intellectual» culture of laughter. In this paper there are the conclusions about the author's personal relationship to the humor as an integral part of the Hutsulshchina existence.

О.В. Яковлева. Концептуальное значение инициации в русских народных сказках. В статье рассматривается фрагмент концептуального значения инициации в текстах сказок. В основе концептуального значения понятия «инициация» лежит знание культурных коннотаций народа, которые репрезентуют вербальные и акциональные символы. Обращается внимание на разницу между лексикографическим значением лексемы «инициация» и ее концептуальным

значением, которое в традиционной культуре связано с многозначными символами. Традиционная культура того или иного народа имеет свою собственную систему национальных символических значений, которые ярко представлены в контексте народных сказок. Автором выделены фрагменты мужской и женской инициации при переходе из одной возрастной категории героев сказок в другую. Обряд инициации – неотъемлемая часть жизни далеких предков, мировосприятие которых было обусловлено особенностями мифологического сознания, что и сохранилось в текстах народных сказок, языковой материал которых дает представление об отдельных фрагментах картины мира русского народа.

O.V. Yakovleva. The Conceptual Meaning of an Initiation in Russian Folk Fairy-Tales. The article views the fragment of the conceptual meaning of the initiation in the texts of fairy-tales. The knowledge of national cultural connotations representing verbal and action symbols lies in the base of cultural meaning of an «initiation» notion. The author points out the difference between the meaning of the lexeme “initiation” and its conceptual meaning which is connected with polysemantic symbols in traditional culture. The traditional culture of one or another nation has its own system of national symbolic meanings which are vividly represented in the context of folk fairy-tales. The fragments of male and female initiation during the transition from one age group to another are emphasized in the article. The initiation ceremony became an integral part of the life of our distant ancestors whose outlook was influenced by the peculiarities of mythological consciousness, which has been preserved in the texts of Russian folk fairy-tales. Their linguistic material provides an outlook at some fragments of the Russian nation worldview.

Т.П. Шастина. Образ Ойротии в журнале «Сибирь». В статье рассматриваются публикации, посвященные Ойротии (Горному Алтаю) в первом тонком региональном *художественно-литературном и научно-популярном иллюстрированном* журнале «Сибирь». Практика издания соотносится с областнической традицией. Сопоставляются два подхода к конструированию образа Ойротии – внешний (туристический) и внутренний (хозяйский). В научный оборот вводятся очерки Б. Бирянина «Алтын-Коль» и П. Казанского «Чемал – Алтайская Ялта». Созданный журналом синтез вербальных и визуальных образов экзотической национальной окраины интерпретируется как противовес технократическим устремлениям эпохи с их опорой на социумное начало. Воображаемая Ойротия становится символом

природного начала, она (хотя бы на время отпуска) возвращает «массам» человеческое, личностное. Исследование ойротских материалов журнала «Сибирь» приводит к выводу, что в раннесоветскую эпоху была сформирована внешняя точка зрения на Ойротию как на рекреационное пространство, из литературы таковая постепенно перешла в жизнь автономной области, ныне став брендом Республики Алтай.

T.P. Shastina. The Image of Oirotia in *Sibir* Journal. The article deals with publications that study Oirotia (Gorny Altai) in the first regional literary and popular scientific illustrated journal named *Sibir*. The practice of the journal corresponds to the regional tradition. Two approaches, the inside one (home-connected) and the outside one (touristic), are compared in reconstruction of Oirotia. The essays of B. Biryandin («Altyn-Kyol») and P. Kazansky («Chemal, the Altai Yalta») have been introduced into the scientific discourse. The synthesis of verbal and visual images of an exotic national periphery region, created by the journal, is interpreted as a counterbalance to technocratic intentions of the epoch with their support on the social basis. The imaginary Oirotia becomes a symbol of natural being. At least for a short moment, it lets «masses» have a feeling of something human and personal. The research of the Oiroti materials in *Sibir* Journal brings the author of the work to a conclusion that in the early Soviet epoch an outside vision of Oirotia, as a recreational space, had been formed. The author claims that later this point of view was transferred from literature into life and adopted by the society. Today it has become a brand of the Altai Republic.

С.М. Веретельникова, И.А. Широких. Соблюдение норм написания авторского путеводителя (на материале «Halle (Saale), der Stadtfürer»). В статье рассматриваются композиционные и языковые особенности аутентичного немецкоязычного авторского путеводителя. Цель исследования – выявить, являются ли выявленные черты универсальными для подобного типа изданий. Поскольку сочетание вербальных и невербальных средств передачи информации образует креолизованный (смешанного типа) текст, представляется возможным утверждать, что текст путеводителя является именно таковым, где вербальная составляющая представлена текстовой информацией об истории, достопримечательностях и т.д. определенной страны / города, а невербальная – фотографиями, картами, схемами. Исследование функционально-стилистической специфики путеводителя позволило отнести его к тексту нежесткого типа на основании того, что путеводитель, в зависимости от его типа, сочетает в себе, в разной степени, черты функционального стиля

рекламы, публицистического и научного стилей. В ходе лингвистического анализа были рассмотрены особенности построения текста, и был сделан вывод, что тексту путеводителя присуще использование ряда синтаксических конструкций, что объясняется теми целями и задачами, которые преследуют авторы путеводителя: доступно преподнести информацию (зачастую большого объема), привлекая как можно больше туристов. Данное исследование подтверждает наличие в тексте универсальных черт, однако структура авторского путеводителя не может быть четко зафиксирована, и возможны вариации.

S.M. Veretelnikova, I.A. Shirokikh. Following the Standards of a One Author Guide-Book Writing (Based on «Halle (Saale), der Stadtfürer»). This article deals with compositional and linguistic aspects of an authentic guidebook in the German language. The study purpose is to find if the educed characteristics are universal for such editions. Since a combination of verbal and nonverbal means of information presents a creolized (or mixed type) text, it is possible to claim that a guidebook text is a creolized one with verbal part represented by textual information about the history, tourist attractions, etc. of a certain country / city, and nonverbal part – by pictures, maps, charts. A guidebook, depending of its type, combines properties of newspaper, and scientific styles. Therefore a guidebook text can be referred to a text of non-rigid type. In the course of linguistic analysis we considered the peculiarities of the text-structure. Thus, it is typical for a guidebook text to contain a variety of syntactical constructions. It can be explained by the aims and targets pursued by authors of a guidebook – to present information (often a large amount of it) in a comprehensible way in order to attract as many tourists as possible. This work proves that a one author guide-book contains some universal characteristics, though the structure of such a guide-book is not fixed, and variations are possible.

А.В. Игнатовская, А.А. Чувакин. К проблеме взаимодействия текстов. В статье рассматривается проблема взаимодействия текстов в коммуникативном пространстве. Авторы ставят своей задачей разработку методики исследования преобразования текстов в целях их адаптации для обучения русскому языку иностранцев. Традиционно при изучении взаимодействия текстов в центре внимания находятся направления, способы, механизмы этого процесса. В данной работе взаимодействие текстов рассматривается в контексте складывающегося учения о бытии текста, когда в центре внима-

ния находятся отношения между ними. Избраны отношения двух типов: среда коммуникации – текст; субъекты коммуникации – текст. Показаны два класса сильных сигналов, мотивировавших адаптацию текста оригинала. Классы выделяются в зависимости от сигнала-доминанты; таковыми являются среда коммуникации в ее отдельных проявлениях и субъекты коммуникации. Выделен также синкретичный класс. Результаты исследования могут быть полезны для развития системы оценки оригинальных текстов при их подготовке к адаптации.

A.V. Ignatovskaya, A.A. Chuvakin. To the Problem of Texts Interactions. The problem of texts interaction in a communicative space is considered in the article. The authors have the objective to design the methodology of texts manipulation research in order to adapt them for teaching the Russian language for foreigners. Traditionally studying of texts interactions focuses on directions, methods, mechanisms of this process. In this work the interaction of texts is regarded in the context of existing study about text being when the interactions between them are in the center of attention. The relations of two types are selected: communication setting – text, subjects of communication – text. Two classes of strong signals motivating adaptation of original text are selected. The classes are distinguished according to the dominant signal, such as communication settings in its separate display and subjects of communication. Syncretic class is also distinguished. The results of the research can be useful for the development of evaluation system of original texts when they are being prepared for adaptation.

О.А. Степовая. Имя собственное как свернутый текст: к постановке проблемы. Исследованию имени в разных аспектах посвящено огромное количество работ. Данная статья посвящена проблеме понимания имени собственного как текста, а именно как текста свернутого, то есть текста особой организации, в основе которой лежит процесс уменьшения единиц информации при сохранении информативности исходного текста. Автором статьи приводится ряд точек зрения на понимание текста именно как свернутого. В основе такого подхода к имени лежит идея Павла Флоренского об имени собственном (конкретно, определенном звукокомплексе) как свернутом тексте: «любимые» сочетания звуков могут рассматриваться как возможность сохранения и передачи важной информации. Автор делает попытку раскрыть механизмы сворачивания / разворачивания личного имени в текст. Для примера выбрано популярное имя персонажа русских народных сказок – Иван, при-

чем дается объяснение такой популярности данного онома, толкование разнообразных добавочных имен персонажа (крестьянский сын, дурак, Коровий сын, царевич). Автор делает вывод о том, что имя Иван является своего рода воплощением народного мировоззрения о правильном пути человека.

О.А. Stepovaya. The Proper Name as a Curtailed Text: Discovering the Problem. The huge number of works research a name in different aspects. This article deals with a problem of understanding of a proper name as a text, namely as the text curtailed, that is the text of the special organization which is based on the process of reduction of information units while the informational content of a source text is preserved. The author considers some theories on the problems of the curtailed text. Pavel Florensky's idea about a proper name (specifically, a certain sound complex) as the curtailed text is the cornerstone of such approach to a name: «favourite» combinations of sounds can be considered as a possibility of preservation and transfer of the important information. The author attempts to reveal the mechanisms of curtailing / explication of a personal name in the text. For example, the popular name of the character of the Russian national fairy-tales – Ivan – is chosen, and the explanation of such popularity of this onom, interpretation of various additional names of the character (the country son, the fool, the Cow son, the tsarevitch) is offered. The author draws a conclusion that a name Ivan is some kind of an embodiment of the national outlook about the correct way of a person.

В.П. Барбашов. Интенциональное значение «свастики» как отражение коллективной интенциональности в креолизованных текстах. В статье рассматривается проблема изучения коллективной интенциональности. В философской науке коллективная интенциональность характеризует феномен, когда двое или более индивидуумов совместно решают задачу. В материалах статьи обсуждаются особенности артефактов как положения, выражающие коллективную интенциональность. В статье описываются интенциональные значения «свастики» в различных языковых культурах. Знак «свастика» неразрывно связан с феноменом коллективной интенциональности. Как символ нацизма свастика в основном ассоциируется со Второй мировой войной и именем Адольфа Гитлера. Этимология слова «свастика» показывает, что это слово пришло из санскрита и означает благосостояние или благополучие человека. На примере анализа денежных знаков как креолизованных текстов автором проанализированы интенциональные значения знака «свастика».

Анализ примеров показывает, что в социальном контексте каждой отдельно взятой языковой культуры формируется уникальное интенциональное значение артефакта, которое представляет собой модель коллективной интенциональности носителей этого языка.

V.P. Barbashov. Intentional Meaning of Swastika as a Repulse of Collective Intentionality in Creolized Texts. This paper gives a view of the problem of collective intentionality. In philosophy, collective intentionality characterizes the phenomenon that occurs when two or more individuals undertake a task together. In this paper we will discuss special features of artifacts as social attitudes expressing collective intentionality. This article describes intentional meanings in different language cultures. The symbol «swastika» is inseparably linked with the phenomenon of collective intentionality. As the symbol of Nazism swastika is often associated with the World War II and Adolf Hitler. The etymology of the word «swastika» points that the word *swastika* came from the Sanskrit word *swastika*, meaning any lucky or auspicious object, and in particular a mark made on persons and things to denote auspiciousness, or any piece of luck or well-being. By giving an example of paper currency, the author analyzed the intentional meanings of the symbol «swastika». The analyses of examples shows, that the unique intentional meaning of the artifact is formed in the social context of each particular language culture and represents the model of collective intentionality of native speakers.

Ю.Н. Земская, Е.А. Кузнецова. Спичрайтинг и копирайтинг: филология на службе у интегрированных маркетинговых коммуникаций. Статья посвящена изучению современного состояния научного осмысления спичрайтинга и копирайтинга как технологий интегрированных маркетинговых коммуникаций, базой для которых традиционно являются филологические дисциплины. Основной теоретической проблемой является отсутствие определения самого понятия «копирайтинг», дефиниции, которые приводятся в современных работах, не в полной мере отражают сферу практической деятельности, сложившуюся сегодня. Аналогичная ситуация складывается и с понятием спичрайтинг. Интеграция маркетинговых коммуникаций, которая сейчас происходит, позволяет авторам статьи говорить о том, что постепенно сформируется общая теория, обслуживающая копирайтинг и спичрайтинг, которая, безусловно, будет базироваться на целом ряде филологических дисциплин. Но в рамках этой общей теории для каждого коммуникационного ин-

струмента маркетинга будет сформулирован свой блок специфических характеристик и рекомендации по написанию.

Yu.N. Zemskaya, E.A. Kuznetsova. Speechwriting and Copywriting: Philology at the Service of Integrated Marketing Communications. The article examines the current state of scientific understanding of speechwriting and copywriting as technologies of integrated marketing communications, traditionally based on the philological disciplines. The main theoretical problem is the lack of definition of the term «copywriting». Existed definitions, used in modern works, do not fully reflect the scope of practice that has developed at the moment. The situation is similar to the concept of speechwriting. Integration of marketing communications, which is happening now, allows authors to talk about articles that gradually formed a general theory serving copywriting and speechwriting, which would surely be based on a number of philological disciplines. But within this general theory the separated block of specific characteristics would be formed for each marketing communications tool, and there would be given recommendations about writing.

Н.В. Малинина. Разговорная речь в художественном тексте: современная русская миниатюра (жанр миниатюры в современной русской литературе). В статье обращается внимание на то, что миниатюра как жанр имеет свою композиционную структуру. Это произведение малой формы, в котором концентрируется внимание на образе, событии действительности, которое привлекло внимание автора. Миниатюра оказывается связанной и с особенностями современной русской речи, которая оказывает воздействие на ее поэтику, текстовую структуру, повествование, обращение к подтексту как форме передачи мыслей, чувств, состояний современного человека, в том числе к прецедентным явлениям. Среди современных русских писателей, удачно выступающих со своими миниатюрами, можно выделить Светлану Мосову. В статье на основании анализа текстов Мосовой в жанре миниатюры делаются некоторые выводы относительно использования структурных и языковых особенностей разговорной речи в современных художественных произведениях.

N.V. Malinina. Spoken Discourse in the Literary Text: Short Cycles of Texts in Contemporary Russian (the Genre of *Miniature* in Contemporary Russian Literature). The article draws attention to the fact that the genre of *miniature* has its own compositional structure. It is a short work concentrated on an image and a real event that have attracted the author's attention. The *miniature* appears to be linked with features of

contemporary Russian speech, which influences its poetics, textual structure, narrative, the approach to subtext as a form of transference of thoughts, feelings, and the condition of a contemporary person, as well as constant reference to precedent phenomena. Among contemporary Russian authors, who successfully adopted this genre, Svetlana Mosova stands out. The article is based on the analysis of the texts by Mosova in the genre of very short cycles of text (*miniature*), and a number of conclusions are drawn regarding the structural and linguistic characteristics of spoken discourse in the works of contemporary literature.

Е.В. Демидова. Характеристики персонажа во внутреннем мире текста: проблема варьирования при переводе (на материале англоязычных переводов рассказа В.М. Шукшина «Одни»). В статье рассматривается роль «человека говорящего» в варьировании вторичной коммуникативной реальности на примере характеристик персонажа в «мире текстов»: текста оригинала и английских переводных текстов в контексте учения о «человеке говорящем» как центре общего поля интересов филологии и теории коммуникации. В создании переводного художественного текста участвуют автор и переводчик, который, являясь синкретичной фигурой, привносит свои смыслы. В процессе «бытования» текста перевода в мире текстов участвуют уже три фигуры *Homo loquens* – автор, переводчик и читатель. В новой коммуникативной реальности появляются свои категории, субъекты, объекты и события, заданные «лингвистической оболочкой» текста. В частности, в тексты переводов рассказа В.М. Шукшина «Одни» привносится личностное понимание англоязычными переводчиками категории «удачный брак»: как «удобный союз» и как «союз двух друзей». Художественные тексты (оригинала и перевода), находясь в одном коммуникативном пространстве, в общем мире текстов, «живут», взаимодействуют и выступают импульсами для ответного понимания другими «людьми говорящими», то есть для формирования новых и новых вторичных реальностей.

E.V. Demidova The Character's Features in the Inner World of the Text: Problem of Their Variation in the Process of Translation (on a Material of the English Translations of V.M. Shukshin's Story «All Alone»). The article considers the role of «the speaking person» in creating a secondary communicative reality on an example of the character's features in «the texts world»: the original text and its English translations in the context of theory about «the speaking person» as the center of a common field of philology and communication theory interests. The author and the translator, a mixed figure, who introduces the new

meanings, participate in creation of the translated art text. In the process of «text life» there are three figures of Homo loquens participating in the world of texts – the author, the translator, and the reader. In the new communicative reality there are categories, subjects, objects, and the events which have been set by «a linguistic cover» of the text. In particular, in the translations of Shukshin's story «All Alone» there is a personal understanding by English-speaking translators of the category of «a successful marriage»: as «a convenient union» and as «a union of two friends». Art texts (the original and the translation), that are in one communicative space, in the common world of texts, «live», interact, and act as impulses for reciprocal understanding by other «speaking people», for formation of new and new secondary realities.

М.Б. Волощук. Текстологическая рецепция художественно-стилевых особенностей эпитетов в прозе Л. Толстого позднего периода (на материале рассказа «Чем люди живы»). Статья посвящается выявлению особенностей функционирования определений и определяемых в составе эпитетных структур в черновых вариантах и окончательной редакции рассказа «Чем люди живы», принадлежащего к позднему художественному творчеству писателя. В черновых вариантах рассказа присутствует гармоничное сочетание народно-разговорного и высокого книжного стиля в описании ангела-человека в начале действия рассказа. Сочетание определения и определяемого усиливается анафорической аллитерацией, благодаря которой упрочивается эмфатичность и суггестивность художественного изображения. В окончательной редакции рассказа балансирование элементов этих стилей воплощается в эпитетных структурах, которые функционируют в речи персонажей. В художественном изображении писателя активно присутствуют два определяемые, разные по семантике, при одном определяемом. В результате функционирования таких эпитетных структур создается противоречивость образа, свойственная народному восприятию. Текстологические исследования создают огромный материал для скрупулезного изучения определения и определяемого, модификаций эпитетных структур в создании толстовского изображения в поздней художественной прозе писателя.

M.B. Voloshchuk. The Textual Reception of Epithet's Artistic and Styles Build in the Latest Fiction of L. Tolstoy (on the Material of the Story «What Men Live By»). The article considers the problems of the defining and the defined composed of the epithet structures, which are functioning in the manuscript variants and the final version of the story «What Men Live By», belonging to the latest period of the L. Tolstoy's

fiction. In the draft variants of the story in the beginning of the action the popular and colloquial style is well combined with the bookish one in the description of the angel as a man. The combination of the defining and the defined is amplified by means of anaphoric alliteration, which expose the emphatic and suggestive peculiarities in the description. The balancing between the elements of these styles in the final version of the story is embodied in the epithet structures, which are functioning in the speech of the characters. In the artwork of the writer the two defining, with different semantic meanings, are combined with one defined. As a result by means of presence of such epithet structures the contradictoriness of the character, which inherent to the popular reception, is represented. The textual study gives a vast material to the most detailed research of the defining and the defined, interrelations and modifications of the epithet structures in the creation of peculiarities of the description in the latest fiction of L. Tolstoy.

А.М. Есентемирова. Стихотворение И. Бунина «Не пугай меня грозю» в переводе Абая Кунанбаева: проблема рецепции и источника перевода. Статья посвящена истории перевода казахским поэтом XIX века Абаем Кунанбаевым стихотворения Ивана Бунина «Не пугай меня грозю». Приведены версии об источнике перевода Абая и лермонтовской рецепции. Статья разграничивает явления культурной инаковости и функциональных доминант в переводе Абая как приемов переводческой компетенции. Осуществлен анализ бунинской стилистической реконструкции символистской темы и мотива, перевод Абая охарактеризован как эквидуховный, выявлено влияние лермонтовской рецепции на перевод Бунина. Это влияние обнаруживает себя и в художественной модели мира в ценностных категориях бытия, и в исключительной экспрессии романтического стиля. В настоящей статье автор стремится обосновать новый взгляд на переводческую стратегию Абая в контексте лермонтовской рецепции.

A.M. Esentemirova. The Poem by I. Bunin «Do not Scare Me with the Storm» Translated by Abay Kunanbaev: the Problem of Reception and the Source of the Translation. The article considers the history of translation of Ivan Bunin's poem «Do not Scare Me with the Storm» by the nineteenth century Kazakh poet Abay Kunanbaev. Here we cite some source of Abay's translation and Abay's reception of Lermontov. This article shows cultural differences and functional focus in Abay's translation as translation competence techniques. This article characterizes Bunin's stylistic reconstruction of symbolist themes and motive, Abay's translation is described as equispiritual, which reveals the

reception effect of Lermontov on the Abay's translation of Bunin. This influence is found in the model of literary world and in existence values and in an exceptional expression of romantic literature. In this article the author claims to establish a new view on Abay's translation strategy in the context of Lermontov reception.

О.В. Перова. Переложение псалмов в современной русской духовной поэзии. В статье рассматривается переложение псалмов как традиционное направление русской духовной поэзии. С 1980-х годов жанр переживает второе рождение. В настоящее время это одно из наиболее мощных направлений в творчестве как начинающих, так и профессиональных поэтов. В связи с этим актуализируется вопрос о векторе развития многовековой традиции поэтического переложения Псалтири. Общие замечания автор подтверждает анализом стихотворений Н. Еремина и А. Иванова, вошедших в известную антологию современной духовной поэзии «Отзвуки небес». По мнению автора статьи, в настоящее время можно говорить о двух разновидностях переложений. Более опытные поэты, понимая культурную и художественную ценность Псалтири, пытаются воспроизвести жанрообразующие черты псалмов. Молодые поэты или авторы, тяготеющие к модернизму и постмодернизму, глубоко перерабатывают оригинальный текст псалма, экспериментируя с формой и содержанием.

O.V. Perova. Arrangement of Psalms in Contemporary Russian Spiritual Poetry. In this article the arrangement of Psalms is considered as a traditional area of contemporary Russian spiritual poetry. This genre was reborn in the 1980s. Nowadays it is one of the most powerful trends in the work of both beginners and professional poets. In this regard, the question of the vector of a long tradition development of the Psalter poetic transcriptions is on the agenda. The author of the article confirms the general remarks by analysis of N. Eremina's and A. Ivanov's poems, included into the famous anthology of contemporary spiritual poetry «The Echoes of Heavens». According to the author's opinion, now we can talk about two varieties of arrangements. More experienced poets, understanding cultural and artistic value of the Psalter, try to reproduce the basic features of the psalms. Young poets and authors who are inclined to modernism and postmodernism deeply process the original text of the psalm experimenting with the form and the context.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2014 ГОД

Статьи

П.В. Алексеев. Русский ориентальный травелог как жанр путевой прозы конца XVIII – первой трети XIX века	2
В.Н. Аристова. Вербальные расистские оскорбления в современном французском обществе	1
А.Н. Байкулова. Периферийная зона неофициальной коммуникации: общение знакомых	1
Е.Н. Басовская. «И слово прорастало...»: лексика печатных СМИ конца XIX – начала XX века в восприятии Д.Н. Ушакова	2
Е.Н. Батурина. Контексты с лексемой человек и повествовательная структура в повести «Господин Прохарчин» Ф.М. Достоевского	3
И.А. Бедарева, Т.И. Орехова. Фаунистическая лексика Алтая в региональном пространстве (семантические модели и этимология)	1
М.А. Бологова, Л.С. Дампилова, И.С. Полторацкий, И.В. Силантьев, Н.Н. Широкова. Литературы коренных народов Сибири в аспекте теоретической и исторической поэтики	3
Т.В. Быкова. Философия бытия Гуцульщины сквозь призму юмора в украинской литературе первой трети XX века	4
Е.Ю. Викторова. Дискурсивные слова разного типа в устной и письменной научной речи	4
О.Н. Владимиров. К проблеме лирических жанров (на материале стихотворений И.А. Бунина)	4
Т.В. Григорьева. Роль метафорической бинарной оппозиции в языковой интерпретации действительности	3
Н.С. Данкова, Т.В. Дубровская. Репрезентация оппозиции «судебная власть – народ» в дискурсе российских печатных СМИ	4
Л.Н. Демченко. Творчество Чингиза Айтматова в аспекте художественной антропологии	1
Г.А. Жиличева. Двойная фокализация сюжета в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»	2
Н.В. Ковтун. Эстетика национальной истории в творчестве В.Г. Распутина	4
Л.А. Козлова. О трех способах манифестации культурно-специфического в лексиконе языка	1
Л.В. Кульгавова. О флуктуации языкового знака на примере слова <i>gyu</i>	2

Е.А. Московкина. Метатекст и интертекст в ранних рассказах И.А. Ефремова	2
О.Ю. Осьмухина. «Особые отношения с языком» прозы «SOFT WAVE»: специфика авторской повествовательной стратегии в сборнике Д. Осокина «Барышни тополя»	2
Е.Ю. Позднякова. Проблема восприятия городского пространства и его отражения в языковом сознании горожан	2
И.А. Пушкарева. Об интертекстуальных связях в современной газетной публицистике	4
Т.Г. Пшенкина. Междисциплинарность перевода как отражение интегративных процессов в современной лингвистике	1
Э.В. Седых. Концепт «детство» в английской народной поэзии (на примере <i>Nursery Rhymes</i>)	2
М.Ю. Сидорова, О. Чжон Хюн. Система субъектов в лирической поэзии – ключ к инвариантным смыслам художественного мира автора	3
М.В. Смоленцева. Лексико-семантический анализ номинантов концепта любовь на материале русских народных песен	4
А.В. Уразметова. Особенности животного мира в топонимических прозвищах штатов США	4
Т.В. Устинова. Феномен выдвижения в стихотворной речи и языковое профилирование объекта и силы внимания языковыми средствами	4
С.С. Фолимонов. «Особенный человеческий тип» (русский национальный характер в осмыслении В.Г. Короленко)	3
А.В. Хлыстова. Психолингвистический анализ суггестивной образности художественного текста	3
Э.П. Хомич. Скромное обаяние детской книги Алтая	1
Т.В. Чернышова. Типологические признаки речевого жанра дискредитации в медиадискурсе	1
А.П. Чудинов. Идеи и принципы политической метафорологии	2
Т.П. Шастина. Образ Ойротии в журнале «Сибирь»	4
Л.И. Шелепова. Данные диалектов и история русского слова (словообразовательный и семантический аспекты)	1
О.В. Яковлева. Концептуальное значение инициации в русских народных сказках	4

Научные сообщения

Г.Х. Абдрафикова. Художественные искания башкирской детской литературы 20-х годах XX века	1
В.П. Барбашов. Интенциональное значение «свастики» как отражение коллективной интенциональности в креолизованных текстах	4
С.С. Барсукова. Приемы создания эффекта обманутого ожидания на уровне предложения	1

Е.В. Белогурова. Комедийно-сатирическая версия «квартирного вопроса» в творчестве М. Булгакова: «Зойкина квартира».....	1
В.Г. Беседина. Вербально-авербальная репрезентация концепта «знаменитость» в ювенальном медиатексте.....	2
В.Г. Будыкина. К проблеме лексикографического анализа словарей. Педагогический словарь К. Гуда.....	2
Т.Н. Василенко. Деривационные процессы в гнездовой текстовой совокупности.....	3
С.М. Веретельникова, И.А. Широких. Соблюдение норм написания авторского путеводителя (на материале «Halle (Saale), der Stadtfürer»).....	4
М.Б. Волощук. Текстологическая рецепция художественно-стилевых особенностей эпитетов в прозе Л. Толстого позднего периода (на материале рассказа «Чем люди живы»).....	4
К.А. Воротынцева, И.В. Силантьев. Повседневность как категория нарративной поэтики.....	1
С.Н. Германов. Репрезентация понятия «странный» в предложении в английском языке.....	1
Е.В. Головенкова. Отражение языковой манеры журналистов и специализации российских газет в выборе тактик адресации.....	1
Е.В. Голощапова. Речевой жанр «оскорбление»: описание типологических признаков.....	3
М.П. Гребнева. Персональные мифы флорентийских политических деятелей в русской литературе (Никколо Макиавелли и Филиппо Строрци).....	3
Е.В. Демидова. Характеристики персонажа во внутреннем мире текста: проблема варьирования при переводе (на материале англоязычных переводов рассказа В.М. Шукшина «Одни»).....	4
Я.А. Дударева. Нейминговый словарь русского языка (слова-бионимы как фирменные наименования): концепция и технический проект.....	1
А.М. Есентемирова. Стихотворение И. Бунина «Не пугай меня грозой» в переводе Абая Кунанбаева: проблема рецепции и источника перевода.....	4
Д.В. Жигулина. История имени концепта «Семья» (XI–XXI века).....	2
Ю.Н. Земская, Е.А. Кузнецова. Спичрайтинг и копирайтинг: филология на службе у интегрированных маркетинговых коммуникаций.....	4
А.В. Игнатовская, А.А. Чувакин. К проблеме взаимодействия текстов.....	4
Е.И. Клинок. Варьирование модели жанра имиджевой статьи по параметру «предмет отображения».....	1
Д.А. Кожанов. Фреймовая структура организации знаний в научной картине мира.....	1
А.Е. Козлов. «Российский Жилблэз» В.Т. Нарезного в аспекте формирования провинциального текста.....	3

О.А. Колмакова. Экфрасис «Черного квадрата» К. Малевича в современной русской прозе	3
А.Ф. Колясева. Терминология в зеркале языкового сознания	2
П.В. Коровушкин. Проблематика изучения раннего детского билингвизма в XXI веке	3
Т.И. Краснова. Оппозитивы <i>старое / новое, темное / светлое</i> в газетном дискурсе эмигрантской печати (1918–1921).....	3
Н.В. Лаврентьева. Генрих Клейст в публицистике Б. Пастернака.....	2
Н.В. Малинина. Разговорная речь в художественном тексте: современная русская миниатюра (жанр миниатюры в современной русской литературе).....	4
А.И. Матяшевская. Функции и способы введения сниженной лексики в британских газетах	1
О.В. Никулина. К опыту классификации древнеанглийской политической терминологии	2
С.А. Осокина. Прогностический потенциал лингвистической теории тезауруса	3
Н.Л. Павлюк. Экзистенциал страха в исторической прозе Ю. Мушкетика.....	1
О.В. Перова. Переложение псалмов в современной русской духовной поэзии.....	4
Ю.А. Слепцов. Культ медведя среди эвенов Якутии и Камчатки	2
О.А. Степовая. Имя собственное как свернутый текст: к постановке проблемы	4
О.А. Сысоева. «Детская книга» Б. Акунина: проблемы жанрового пародирования сказочного канона	1
Ю.В. Трубникова. Лексико-деривационная структура и семантика поэтического текста.....	1
Е.А. Ханина. Манипулятивный характер использования языковой игры в немецком политическом дискурсе	3
Р.М. Хисамутдинова. Протяжная песня – жемчужина башкирского народного творчества	3
И.А. Широких. Функциональный блок экзистенциальных предложений	3
А.А. Шмаков. Специфика бытия текста в девиантной коммуникации в диалогических форматах интернет-коммуникации	2

К 85-летию В.М. Шукшина

А.И. Куляпин, А.А. Чувакин. Шукшиноведение в работе диссертационных советов алтайского государственного университета.....	2
В.Д. Мансурова. «Думающий человек» – о ценности «дали светлой».....	2
С.Н. Пешкова. Коммуникативное пространство рассказа-сценки В.М. Шукшина «Даешь сердце!» : лингвоэвокационный аспект.....	2

Филология : люди, факты, события

Л.Г. Антонова, И.А. Стернин, А.А. Чувакин. «Риторика в современной России : традиции и новые задачи» : XVIII Международная конференция по риторике (Ярославль, 30 января – 1 февраля 2014 года).....	2
Ж.А. Голенко. Международная конференция «XI Поспеловские чтения–2013. Герменевтика. Интерпретация. Текстология – в новом тысячелетии» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 20–21 декабря 2013 г.).....	4
Н.М. Киндикова, А.В. Киндикова. Архив алтайского писателя Ш.П. Шатинова : автобиографический портрет и проблема публикации	3
Л.Н. Тыбыкова. Всероссийская Олимпиада по тюркским языкам и литературе в Горно-Алтайском государственном университете	4
Т.В. Чернышова. Международная научная конференция «RÓŻNORODNOŚĆ KULTUROWA A STYL» (Opole, 18–19 сентября 2014 г., Польша).....	4

Критика и библиография

Ж.А. Голенко. AvtobiografiЯ. Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture. 2012. № 1.....	2
---	---

Проблемы филологического образования

Н.В. Панченко. Текст в коммуникации : материалы к учебному пособию для студентов магистратуры. Введение.....	3
К.Б. Уразаева. Изучение новых направлений русского литературоведения в магистратуре : вопросы методологии и методики преподавания теоретико-литературных дисциплин.....	3
А.А. Чувакин. РИТОРИКА. Примерная программа учебной дисциплины (<i>Для профиля «Отечественная филология /Русский язык и литература/»</i>)	3

НАШИ АВТОРЫ

БАРБАШОВ,
Владимир
Петрович

– кандидат филологических наук, доцент
Финансового университета при правительстве
Российской Федерации (Барнаул).
E-mail: barbaschow@rambler.ru

БЫКОВА,
Татьяна
Валериевна

– кандидат филологических наук, доцент,
докторант Национального педагогического
университета им. М.П. Драгоманова (Киев).
E-mail: nanan@meta.ua

ВЕРЕТЕЛЬНИКОВА,
София
Михайловна

– студентка Алтайского государственного
университета (Барнаул).
E-mail: veretelnikovasophia@gmail.com

ВИКТОРОВА,
Елена
Юрьевна

– кандидат филологических наук, доцент
Национального Исследовательского Саратовско-
го государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского.
E-mail: helena_v@inbox.ru

ВЛАДИМИРОВ,
Олег
Николаевич

– кандидат филологических наук, доцент
Кузбасской государственной педагогической
академии (Новокузнецк).
E-mail: vladi-oieg@yandex.ru

ВОЛОЩУК,
Марина
Борисовна

– аспирант Каменец-Подольского национального
университета им. И. Огиенко.
E-mail: marinavoloshchuk@mail.ru

**ГОЛЕНКО,
Жанна
Анатольевна,**

– кандидат филологических наук, докторант
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова.
E-mail: zgolenko@gmail.com

**ДАНКОВА,
Наталья
Станиславовна**

– старший преподаватель Пензенского
государственного университета.
E-mail: natasha-antivirus@mail.ru

**ДЕМИДОВА,
Елена
Викторовна**

– кандидат филологических наук, старший пре-
подаватель Алтайского государственного
университета (Барнаул).
E-mail: temene@mail.ru

**ДУБРОВСКАЯ,
Татьяна
Викторовна**

– доктор филологических наук, доцент
Пензенского государственного университета.
E-mail: gynergy74@gmail.com

**ЕСЕНТЕМИРОВА,
Айгуль
Маратовна**

– магистрант Евразийского национального
университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан,
Астана).
E-mail: aigul.yessentemirova@mail.ru

**ЗЕМСКАЯ,
Юлия
Николаевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Государственного университета управления
(Москва).
E-mail: post-oxygen@mail.ru

**ИГНАТОВСКАЯ,
Анна
Владимировна**

– аспирант Горно-Алтайского государственного
университета.
E-mail: amoronna@yandex.ru

**КОВТУН,
Наталья
Вадимовна**

– доктор филологических наук, профессор
Сибирского федерального университета
(Красноярск).
E-mail: nkovtun@mail.ru

- КУЗНЕЦОВА,
Евгения
Алексеевна** – кандидат филологических наук, доцент
Российского университета дружбы народов
(Москва).
E-mail: kuznetsova_ea@pfur.ru
- МАЛИНИНА,
Наталья
Владимировна** – преподаватель Университета г. Кассино
(Италия).
E-mail: tulja@libero.it
- ПЕРОВА,
Ольга
Васильевна** – аспирант Алтайского государственного
университета (Барнаул).
E-mail: ovperova@mail.ru
- ПУШКАРЕВА,
Ирина
Алексеевна** – кандидат филологических наук, доцент
Кузбасской государственной педагогической
академии (Новокузнецк), докторант Томского
государственного педагогического университета.
E-mail: pial1@yandex.ru
- СМОЛЕНЦЕВА,
Мария
Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент
Поволжского государственного технологическо-
го университета (Йошкар-Ола).
E-mail: lovelygirl771@mail.ru
- СТЕПОВАЯ,
Ольга
Александровна** – аспирант Алтайской государственной
педагогической академии (Барнаул).
E-mail: olgastepov2409@yandex.ru
- ТЫБЫКОВА,
Лариса
Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент
Горно-Алтайского государственного
университета.
E-mail: lar.tybykova@yandex.ru
- УРАЗМЕТОВА,
Александра
Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент
Башкирского государственного университета
(Уфа).
E-mail: urazmetova82@mail.ru

**УСТИНОВА,
Татьяна
Викторовна**

– кандидат филологических наук, доцент
Омского государственного педагогического уни-
верситета.
E-mail: utanja@mail.ru

**ЧЕРНЫШОВА,
Татьяна
Владимировна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: labrlexis@mail.ru

**ЧУВАКИН,
Алексей
Андреевич**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: chuvakin@inbox.ru

**ШАСТИНА,
Татьяна
Петровна**

– кандидат филологических наук, доцент
Горно-Алтайского государственного университе-
та.
E-mail: tshliteratura@mail.ru

**ШИРОКИХ,
Ирина
Алексеевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: shirokih.irina@mail.ru

**ЯКОВЛЕВА,
Ольга
Васильевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Одесского национального университета
им. И.И. Мечникова
E-mail: olga_yakovleva53@mail.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 05.11.2014. Подписано в печать 09.11.2014. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 414.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

© Издательство Алтайского государственного университета, 2014

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 30 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 16 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 6 тыс. знаков с пробелами. Для аспирантов – объем не более 16 тыс. знаков с пробелами!
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии, ауд. 405-а, отв. секретарю журнала Дорониной Светлане Валерьевне. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: soveto1@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384. 2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).** 3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.